

ISSN 2588-0012 (Print)
ISSN 3034-5448 (Online)
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 9, № 4. 2025

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская область, г.о. город Тамбов, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещ. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 21.11.2025. Дата выхода в свет 05.12.2025.
Формат журнала 70*100/16. Усл. п. л. 11.90. Уч.-изд. л. 12,24.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 038.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
Адрес типографии: 392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А,
тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012 (Print)
ISSN 3034-5448 (Online)

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2025
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2025

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Андрियाшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления <i>e-mail: andryashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева <i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права» <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования <i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права <i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума <i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса <i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека» <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции» <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дуряя Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», профессор кафедры «Уголовное право и криминология», заведующий лабораторией уголовно-правовых и криминологических исследований <i>e-mail: Zijadowa@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право» <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>

Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминалистики факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Белова Ю. А.** Организация государственного надзора за медицинской деятельностью в городах Российской империи 433
- Беляева Г. С., Бородаенко Н. В., Мамин А. С.** Понятие и признаки правового режима: современные общетеоретические подходы 441
- Зайнутдинов Д. Р.** Конституционализм и ислам в восприятии Мусы Бигиева..... 448
- Пестерева Ю. С., Пошелов П. В., Шагланова А. Н.** Диверсия, саботаж и вредительство: советский опыт правового регулирования уголовной ответственности 460
- Ситдикова Л. Б.** Фундаментальные нормы как фактор развития религиозно-правовых систем..... 472
- Фролов С. А., Орлова Е. Е.** Практические аспекты правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности Дворянского банка в условиях Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) 483

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Гавриленко В. А., Шеншин В. М.** Вопросы взаимных расчетов субъектов экономического оборота государств БРИКС 494
- Придворова М. Н.** Взаимодействие органов Россельхознадзора и производственно-хозяйственная деятельность корпораций в агропромышленном комплексе..... 505

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Андреев А. В., Теткин Д. В.** Процессуальный порядок участия специалиста при изъятии и копировании информации с электронных носителей 513
- Кочесокова З. Х.** Проблемы реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам в свете современных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства..... 522
- Сайдумов Д. Х., Усеинова К. Р.** Киберэкстремизм как одна из современных угроз национальной безопасности 533

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Рудых С. Н., Ойнац С. Н.** «Зелёные» закупки как инструмент устойчивого развития: анализ эффективности в России и странах Азии 547

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW

- Belova Yu. A.** Government Supervision of Medical Care in Cities of the Russian Empire..... 433
- Belyaeva G. S., Borodayenko N. V., Mamin A. S.** The Concept and Features of the Legal Regime: Contemporary General Theoretical Approaches..... 441
- Zaynutdinov D. R.** Constitutionalism and Islam in the Perception of Musa Bigiev 448
- Pestereva Yu. S., Poshelov P. V., Shaglanova A. N.** Sabotage: the Soviet Experience of Legal Regulation of Criminal Liability 460
- Sitdikova L. B.** Fundamental Norms as a Factor in the Development of Religious Legal Systems 472
- Frolov S. A., Orlova E. E.** Practical Aspects of Legal Support for the Procedure of Bidding in the Activities of the Noble Bank during the First World War (1914–1918) 483

PUBLIC LAW

- Gavrilenko V. A., Shenshin V. M.** Issues of Mutual Settlements between Economic Entities of the BRICS Countries..... 494
- Pridvorova M. N.** Interaction between the Russian Agro-Industrial Administration and the Production and Economic Activities of Corporations in the Agro-Industrial Complex..... 505

CRIMINAL LAW

- Andreev A. V., Tetkin D. V.** The Procedure for the Participation of a Specialist in the Removal and Copying of Information from Electronic Media 513
- Kochesokova Z. Kh.** Problems of Implementing the Adversarial Principle in Pretrial Criminal Proceedings in Light of Current Trends in the Development of Criminal Procedure Legislation 522
- Saidumov D. Kh., Useinova K. R.** Cyber Extremism as a Current National Security Threat 533

PRIVATE LAW

- Rudykh S. N., Oynats S. N.** “Green” Procurement as a Tool for Sustainable Development: Analysis of Effectiveness in Russia and Asian Countries..... 547

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА ЗА МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Юлия Алексеевна Белова, ассистент,
кафедра «История и философия»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия; y_minaeva90@mail.ru

Статья посвящена анализу нормативных документов, действовавших в Российской империи с 1857 по 1917 гг. и устанавливающих нормативные основы государственного надзора в области медицинской деятельности на региональном (губернском) уровне. Рассматривается статус губернских Врачебных управ в системе государственного управления. Исследуется их штатное наполнение, обязанности инспекторов и вспомогательного аппарата. Сделан вывод о распределении надзорных полномочий между центральными и губернскими органами управления, сложившимися в рамках министерской системы. Суммируется система органов управления для разных административных единиц и уровней публичной власти. Приведен вывод о связи работы надзорных органов и врачебного сообщества.

Ключевые слова: общественное здоровье; медицинская деятельность; социальная медицина; губернское правление; Министерство внутренних дел РФ.

Введение

Складывание системы здравоохранения неразрывно связано с формированием центральных органов власти, отраслевое управление создавало рычаги административного контроля за различными сферами жизни, медицины в частности. Именно поэтому отправной точкой считается XVI век, когда в Российском государстве появилась система приказов, вопросы здравоохранения находились в ведении Аптекарского приказа, уже в XVIII веке появляется Медицинская коллегия, которая расширила свои полномочия: контроль за работой медицинской полиции, организация работы комитетов по оспопрививанию, подготовка врачебного законодательства. В связи с этим, важным сложившимся источником права в области здравоохранения выступают нормативно-правовые акты [3]. В начале XIX века коллегии заменяются министерствами, система здравоохранения становится подконтрольна Министерству внутренних дел. Малоизученным остается механизм формирования местных органов управления в области здравоохранения, а также вклад губернских учреждений в развитие медицины на местах [5].

Цель исследования – анализ системы государственного управления здравоохранением Российской империи XIX века.

Основы российской политики в сфере администрирования определялись законодательной базой, которая представлена Сводом законов Российской империи, изданным в 1832 году в период правления Николая I. Нормативные акты, посвященные вопросам народного продовольствия, деятельности общественного призрения и статуса Врачебной управы, раскрывают механизмы работы и полномочия местной администрации в области медицинского контроля. Настоящая статья основана на анализе Свода учреждений и уставов врачебных по гражданской части, в редакции 1857 г., третьего издания Свода законов, который в ходе своей эволюции к этому времени становится максимальным по объему [8, 9].

Обсуждение

Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части состоит из статей, содержащих особенности управления медицинскими кадрами на разных уровнях государственной политики. Общее руководство гражданской врачебной частью осуществляло Министерство внутренних дел, полномочия были разделены между следующими органами: Медицинский департамент, департамент Казенных врачебных заготовок, Медицинский совет. Местное врачебное управление в губерниях осуществляли врачебные управы, в уездах и городах находились уездные и городские врачи соответственно. Управлению на местном губернском уровне также подчинялись:

- 1) аптеки, больничные заведения, минеральные воды;
- 2) комитеты общественного здоровья;
- 3) оспенные комитеты;
- 4) управления карантинные [5]¹.

Правила устройства региональных государственных органов требует более детального рассмотрения законодательных актов о губернском врачебном управлении, представленных в первом отделении первой главы Врачебного устава «О составе губернских врачебных установлений». Для губернского управления врачебной частью были организованы специальные органы: в Москве – Медицинская контора, в Санкт-Петербурге – Физикат, в остальных губерниях – врачебные управы.

Врачебная управа состояла из инспектора, оператора, акушера, ветеринарного врача, а также письмоводителя (ведаль документаоборотом). Отдельно отмечают должность по охране здоровья государственных крестьян, предупреждения и прекращения «скотских падежей» (массовое заболевание скота), которая также была в числе членов Врачебной управы, получающей все необходимые сведения в целях поддержания народного здоровья в сельской местности [6].

Приказы и постановления Управы для подчиненных могли выражаться как в письменной, так и словесной формах. Все представители меди-

¹ Свод законов Российской империи. Т. XIII. Учреждения и Уставы Врачебные по гражданской части. Официальное издание 1857 г. – Санкт-Петербург: Издание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. – С. 3–4.

цинской профессии должны были подчиняться Врачебной управе (городовые и уездные врачи, лекарские ученики, старшие и младшие повивальные бабки). Будущие специалисты среди аптекарских и лекарских учеников, фельдшеров и костоправов обязывались пройти проверку Врачебной управой перед тем, как вступить в классный чин. Контроль за всеми подведомственными медицинскими специалистами также входил в круг обязанностей управы, каждый год она должна была отчитываться Медицинскому департаменту о работниках. Интересно, что отчеты носили индивидуальный характер, так как закон установил: «свидетельствовать по всей справедливости о каждом порознь, кто чего заслуживает»². Все проблемы медицинского характера должны решаться на местном уровне, то есть через Врачебную управу, разрешалось обращаться напрямую к высшему начальству только в случае жалоб на саму управу.

Законодательство отдельное внимание уделяло работе аптек, которые обслуживали население и тем самым влияли на доступность медицинской помощи и эффективность лечения в случае заболеваний. Аптеки делились на два вида: казенные (в собственности государства) и вольные (в частной собственности). Аптекарская деятельность также находится под контролем Врачебной управы. Для казенных аптек существовала специальная форма отчетности перед Министерством внутренних дел, а частные аптеки проходили освидетельствование управой в ходе проверки, которая осуществлялась ее членами поочередно (каждые 6 месяцев наблюдающий за аптеками менялся) и внезапно. В случае поступившего обвинения аптекаря в беспорядках и злоупотреблениях управа проводила проверку с учетом следующего: перед обвинением должно пройти исследование обстоятельств, наличие свидетелей из числа чиновников со стороны губернского ведомства, наличие улик, основанных на доказательствах. Итоговое решение принимал Медицинский департамент Министерства внутренних дел. Врачебная управа также контролировала ответы о поступающих в аптеки материалах, в том числе следила за правилами по пересылке по почте жидких лекарственных веществ.

Инспектор Врачебной управы вел контроль за всеми больничными заведениями гражданского ведомства в губернии, благодаря отчетам врачей, которые должны предоставляться в ведомство управы ежемесячно. Отчеты содержали информацию о больных, находящихся как в государственных медицинских учреждениях или больницах, так и граждан, получающих частную медицинскую помощь. Врачебная управа также следила за качеством оказываемой помощи больным из числа граждан, находящихся под стражею³. Старший врач управы обязывался наблюдать в том числе и за съестными припасами и санитарией, относящихся к общественному здравью, о несоблюдении правил хранения управа имела право доложить губернскому начальству и представить на рассмотрение меры по улучшению ситуации в городе или уезде, в случае проблем с решением Врачебная управа могла обратиться в Медицинский департамент. Также нормативные документы отводили управе некоторую роль в просвещении населе-

² Там же. С. 6

³ Там же. С. 9.

ния в вопросах медицины в целях улучшения показателей общественного здоровья: помимо наставлений и преподавания, необходимо было принимать меры к прекращению скотских падежей [4].

Еще одним направлением деятельности Врачебной управы выступает медицинское освидетельствование. По вопросам управления гражданскими или уголовными делами управа ведала:

- освидетельствованием сумасшедших;
- освидетельствованием болезней чиновников, а также членов их семей;
- освидетельствованием ран военных чиновников, претендующих на пособия или пенсию;
- освидетельствованием воспитанников духовных училищ;
- рассмотрением и разрешением сомнений врачей по набору рекруты;
- судебно-медицинскими исследованиями в уголовных случаях;
- освидетельствованием больных ссыльных;
- освидетельствованием неспособных к военной службе кантонистов (малолетних и несовершеннолетних сыновей нижних воинских чинов Российской империи, которые сами принадлежали к военному ведомству).

Основной обязанностью инспектора помимо надзора за делопроизводством управы выступало ежегодное обозревание больничных заведений губернии. Расходы на организацию поездок по губернии покрывал Медицинский департамент, куда Врачебная управа представляла рапорт с отчетом о своей работе.

Лица, непосредственно исполнявшие описанные обязанности, зачастую оставляли исторические свидетельства, которые специалистами в этой области квалифицировались как источники по эволюции предмета изучения медицинской топографии и социальной медицины, то есть физическое и топографическое описание губерний с подробными анализами проблем, связанных с врачебными вопросами. В первой половине XIX столетия, благодаря топографическим отчетам, высшее руководство страны получало информацию о климате, эпидемиях, демографии, врачебных вопросах [2, с. 23 – 25]. Выявлен пример составления такого описания инспекторов Тамбовской Врачебной управы в 1836 г. Подробнее об этом источнике сказано в специальной публикации [1].

Медицинская топография выступала в роли комплекса знаний, выполнявшего функции санитарного информирования. Медико-топографические описания служили представлениями населения о санитарном состоянии городов, специфике их социального устройства, климатических особенностях того или иного региона. Особое внимание в отчетах уделялось социальным проблемам, которые были обусловлены, по мнению экспертов, образом жизни граждан, болезнями, что, несомненно, вело к сокращению численности населения. Составителями топографических отчетов являлись врачи. Несмотря на конкретную область их деятельности, отчеты отличались комплексным подходом, что подтверждало метапредметность медицинской топографии, а также понятие «социальная медицина» в целом.

Врачи связывали санитарные проблемы регионов с несовершенствами их обустройства, что приводило к росту заболеваемости и смертности среди жителей. Инспектор Врачебной управы совместно с врачами, которые

входили в его подчинение, могли выявлять болезни, свойственные конкретным регионам.

Практическая организация работы инспекторов также была закреплена нормативно. Какие вопросы являются актуальными при составлении картины губернии в обозрениях инспектора? Глава «Об особенных обязанностях Инспектора Врачебной Управы и других лиц, управляющих медицинской участью в губерниях и областях» обязует обращать особое внимание на хранение лекарств, хирургических инструментов, а также самолечение, внимательно обращаться с больными, чтобы они не испытывали нужды в чем-либо. Все наблюдения инспектор вносил в специальный журнал, оригинал которого отправлял в Медицинский департамент, а копию – в отделение Врачебной управы. В случае долгого отсутствия инспектора на своем рабочем месте в связи с отъездом или болезнью должность принимал старший член Врачебной управы. Обязанности инспектора распространялись в том числе и на Приказ общественного призрения, где он наравне с другими членами приказа ведал делами по устройству заведений в медицинском отношении. Помимо этого, инспектор присутствовал в Губернских комитетах Попечительного общества о тюрьмах⁴. Таким образом, он выступал связующим звеном по вопросам медицины и санитарии с органами, оказывающими социальную защиту населения [7].

Рис. 1. Центральные и региональные органы государственного управления в Российской империи в 1857 г.

⁴ Свод законов Российской империи. Т. XIII. Учреждения и Уставы Врачебные по гражданской части. Официальное издание 1857 г. – Санкт-Петербург: Издание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. – С. 24.

Ведомство Врачебной управы распространялось на губернию, в рамках которой она была создана. В отдельных случаях члены управы могли быть отправлены в другие субъекты империи с целью оказать помощь управе той или иной губернии.

Деятельность Врачебной управы находилась под контролем Медицинского департамента, департамента Казенных врачебных заготовлений и Медицинского совета. Управы получали также предписания от губернатора, а от губернских правлений и палаты – указы. Система надзорных и руководящих ведомств в исследуемом периоде в области организации общественного здоровья представлена на рис. 1.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что законодательное оформление медицинской деятельности в рамках городского образа жизни осуществлялось силами государства и в какой-то степени силами общественности в лице врачей как служащих государственных учреждений, так и частнопрактикующих, при этом специалисты государственных учреждений (Врачебных управ), инспекторы, помимо осуществления весьма разнообразных обязанностей, занимались также исследовательской деятельностью, способствующей формированию области социально-медицинских исследований на материалах санитарно-географических описаний.

Функционал управ был чрезвычайно обширен и включал в себя деятельность как просветительского характера, так и экспертно-аналитическую, организационно-надзорную.

Список литературы

1. Белова, Ю. А. Анализ состояния общественного здоровья в первой половине XIX века на основании статьи инспектора Тамбовской врачебной управы Вишневого от 1836 г. / Ю. А. Белова // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : материалы XXV Всероссийской научной конференции (Тамбов, 25 апреля 2024 г.). – Тамбов, 2024. – С. 43 – 47.
2. Гатина, З. С. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империи первой половины XIX века : автореф. ... дис. канд. ист. наук / З. С. Гатина. – Санкт-Петербург, 2017. – 28 с.
3. Долженкова, Е. В. Истоки кодификации медицинского законодательства Российского государства: историко-правовое исследование / Е. В. Долженкова, О. Г. Ларина, О. А. Поцелуева // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 4(67). – С. 184 – 189.
4. Зотиков, А. В. «Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части 1842 г.» как исторический источник / А. В. Зотиков, А. П. Жидкова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. – Чебоксары, 2017. – С. 232 – 236.
5. Кучеренко, С. В. История становления законодательства о медицинской деятельности в России (X – XIX вв.) / С. В. Кучеренко // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых. В 2-х томах (Пермь, 13–14 апреля 2017 г.). Том I. – Пермь, 2017. – С. 17 – 20.

6. Осокин, А. А. Развитие медицинского права в России до 1917 года / А. А. Осокин // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 14-8(38). – С. 134 – 136.

7. Печникова, О. Г. Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части 1832 г / О. Г. Печникова // *Общественные науки*. – 2012. – № 3. – С. 157 – 167.

8. Пирожкова, И. Г. Правотворчество в Российской империи: градостроительная политика и законодательство / И. Г. Пирожкова // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2020. – Т. 73, № 5(162). – С. 106 – 115. doi: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.106-115

9. Пирожкова, И. Г. Столичное градостроительство как исключение в нормативном регулировании поселений в России XIX в / И. Г. Пирожкова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 6-2(56). – С. 141 – 145.

References

1. Belova Yu.A. *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: materialy XXV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Tambov in the past, present and future: proceedings of the XXV All-Russian scientific conference], (Tambov, 25 April 2024), Tambov, 2024, pp. 43-47. (In Russ.)

2. Gatina Z.S. *Extended abstract of Candidate's of Historical thesis*, St. Petersburg, 2017, 28 p. (In Russ.)

3. Dolzhenkova Ye.V., Larina O.G., Potseluyeva O.A. [The Origins of the Codification of Medical Legislation of the Russian State: A Historical and Legal Study], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South-West State University], 2016, no. 4(67), pp. 184-189. (In Russ., abstract in Eng.)

4. Zotikov A.V., Zhidkova A.P. *Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [Collection of Scientific Papers of Young Scientists and Specialists], Cheboksary, 2017, pp. 232-236. (In Russ.)

5. Kucherenko S.V. *Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Norm. Law. Legislation. Law: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference of Young Scientists], In 2 vols. (Perm, 13-14 April 2017), vol. I, Perm, 2017, pp. 17-20. (In Russ.)

6. Osokin A.A. [Development of Medical Law in Russia before 1917], *Colloquium-Journal*, 2019, no. 14-8(38), pp. 134-136. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Pechnikova O.G. [Code of Institutions and Statutes of Medical Civil Procedure in 1832], *Obshchestvennyye nauki* [Social Sciences], 2012, no. 3, pp. 157-167. (In Russ., abstract in Eng.)

8. Pirozhkova I.G. [Law-making in the Russian Empire: Urban Development Policy and Legislation], *Lex Russica (Russkiy zakon)* [Lex Russica (Russian Law)], 2020, vol. 73, no. 5(162), pp. 106-115. doi: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.106-115 (In Russ., abstract in Eng.)

9. Pirozhkova I.G. [Capital Urban Development as an Exception in the Normative Regulation of Settlements in 19th-Century Russia], *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], 2015, no. 6-2(56), pp. 141-145. (In Russ., abstract in Eng.)

Government Supervision of Medical Care in Cities of the Russian Empire

Yu. A. Belova, Lecturer,
Department of History and Philosophy,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
y_minaeva90@mail.ru

This article analyzes the regulatory documents in force in the Russian Empire from 1857 to 1917, establishing the regulatory framework for government supervision of medical care at the regional (provincial) level. The article examines the status of Provincial Medical Boards within the system of state administration, examining their staffing, responsibilities of inspectors, and support staff. A conclusion is made regarding the distribution of oversight powers between central and provincial government bodies, which has developed within the ministerial system. The system of governing bodies for different administrative units and levels of public authority is summarized. A conclusion is reached regarding the relationship between the work of governing bodies and the medical community.

Keywords: public health; medical care; social medicine; provincial government; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

© Ю. А. Белова, 2025

Статья поступила в редакцию 05.08.2025

При цитировании использовать:

Белова Ю. А. Организация государственного надзора за медицинской деятельностью в городах Российской империи // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 433 – 440. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.433-440

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА: СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Галина Серафимовна Беляева, д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой административного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия;
belyaeva_g@bsuedu.ru

Наталья Васильевна Бородаенко, старший преподаватель,
кафедра административного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия;
borodaenko@bsu.edu.ru

Андрей Сергеевич Мамин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра административного права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия;
mamin@bsu.edu.ru

Исследована теоретико-правовая категория «правовой режим» с позиции современных подходов в общей теории права. Рассмотрены существующие доктринальные трактовки понятия правового режима, выявлены их плюрализм и методологическая неоднородность. Особое внимание уделено сущностным признакам правового режима как особого порядка организации правового регулирования. Обоснована необходимость унификации подходов к определению понятия и признаков правового режима, выработано авторское определение, включающее структурные и функциональные характеристики данной категории. Сделан вывод о значении признаков правового режима в целях классификации, систематизации законодательства и оптимизации правовой политики государства.

Ключевые слова: правовой режим; признаки правового режима; правовое регулирование; структура правового режима; юридическая техника; типы регулирования.

Введение

Современное правовое регулирование в условиях усиления правовой турбулентности, цифровизации и сложных трансформаций общественных отношений требует не только функционального, но и концептуального переосмысления категориально-понятийного аппарата теории права. Одной из таких категорий, значение которой возрастает как в доктрине, так и на практике (в правотворчестве и правоприменении), является правовой режим.

Несмотря на активное использование термина «правовой режим» в правотворческой и правоприменительной практике, его теоретико-правовая сущность, структура и признаки по-прежнему остаются предметом

научных дискуссий. В правовых источниках (доктринального и нормативно-правового характера) режим нередко упоминается как очевидное, «само собой разумеющееся» явление, без должной концептуализации, что создает предпосылки для правовой неопределенности и затрудняет реализацию норм права [2].

Проблема усугубляется отсутствием единого научного подхода к определению правового режима. В литературе сосуществуют как функциональные, так и статико-нормативные, процессуальные и системные подходы, различающиеся по критерию глубины, направленности и методологической базы, что обуславливает необходимость анализа признаков правового режима как его структурно-функциональных характеристик, позволяющих отграничить его от других смежных категорий (механизма правового регулирования, института, статуса и т.д.).

Обсуждение

Научный интерес к правовым режимам сформировался не в изоляции, а в контексте развития общей теории правового регулирования. Первоначально категория «правовой режим» использовалась преимущественно в административном и земельном праве для обозначения особого порядка осуществления юридической деятельности в конкретной сфере – режима чрезвычайного положения, режима особо охраняемых территорий и т.п. соответственно.

Вместе с тем «классиком» в определении правового режима можно считать С. С. Алексеева, впервые системно и комплексно определившего его природу, сущность и содержание. Он рассматривал правовой режим как одну из форм проявления нормативности права на более высоком уровне обобщения. По С. С. Алексееву, каждый правовой режим характеризуется особым сочетанием способов правового воздействия: определенным балансом дозволений и запретов, позитивных обязываний, особым порядком возникновения и реализации прав и обязанностей, спецификой санкций и гарантий [1, с. 185]. Иными словами, режим как таковой несет в себе «оттенки» правового регулирования: степень жесткости нормативных требований, наличие тех или иных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов и пределы их самостоятельности. В понимании С. С. Алексеева, правовой режим – это особая система регулятивного воздействия, в рамках которой право опосредует императивные или диспозитивные методы, устанавливая определенный «распорядок» действия права для решения специфических задач.

Широко разделяется в академической среде представление о правовом режиме как об *особом порядке правового регулирования*, выраженном в определенном сочетании юридических средств. Так, Н. И. Матузов и А. В. Малько в русле функционального подхода дают определение правового режима как особого порядка правового регулирования, который выражается в специфическом наборе и сочетании юридических средств и создает желаемое социальное состояние, определенную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [4, с. 17–18]. Данное определение артикулирует целевую ориен-

тированность режима на создание определенного социального эффекта, а также его инструментальную природу.

Ряд исследователей акцентирует внимание на том, что правовой режим представляет собой *результат правового воздействия* на определенные общественные отношения. Например, Л. А. Морозова определяет правовой режим как результат регулятивного воздействия системы юридических средств, присущих конкретной отрасли права, обеспечивающий нормальное функционирование соответствующих отношений [5, с. 123]. В развитие предыдущей позиции В. А. Горленко разделяет подходы на дефиницию правового режима на две группы: одни ученые видят в правовом режиме результат объективно сложившегося социального порядка, закрепленного нормами, а другие – специально установленный государством порядок регулятивного воздействия юридическими средствами [3, с. 5]. Сам В. А. Горленко причисляет себя к первой группе, уточняя, что правовой режим есть нормативно закрепленный порядок, служащий достижению конкретных целей, реализуемый с помощью юридических средств и методов [3, с. 6].

Кроме того, некоторые авторы подчеркивают, что правовой режим есть не столько статический результат, сколько *динамическая система условий и методов* осуществления правового регулирования, необходимая для оптимального достижения целей права [6, с. 13].

Разнообразие приведенных подходов свидетельствует о сложности и многогранности феномена правового режима, а также о продолжающейся научной дискуссии вокруг его содержания. Тем не менее, обобщая основные идеи, можно сделать вывод, что правовой режим – это *специально организованный порядок регулирования*, закрепленный в нормах права и обеспеченный совокупностью юридических средств, который вводится государством для целенаправленного воздействия на определенную сферу общественных отношений. Правовой режим интегрирует в себе элементы механизма правового регулирования (нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей и др.) в единую систему, призванную обеспечить достижение заданного социально-правового результата.

Для более глубокого понимания сущности правового режима необходимо выделить его ключевые признаки, характеризующие данное явление с теоретико-правовых позиций. Опираясь на проанализированные выше исследования, можно назвать следующие основные признаки правовых режимов.

1. *Нормативно-правовое закрепление* (формально-юридический характер). Каждый правовой режим обязательно устанавливается правовыми (как правило, законодательными) нормами и(или) санкционируется государством. Иначе говоря, режим существует лишь в правовой форме; вне сферы права он немыслим. Нормативное закрепление придает режиму официальный характер и обеспечивается механизмом государственного принуждения в случае несоблюдения установленных правил.

2. *Специфическая цель* (целевая направленность, целеполагание). Правовой режим вводится ради достижения определенной, заранее поставленной цели регулирования. Обычно такая цель заключается в созда-

нии особых условий в соответствующей сфере (например, обеспечение безопасности в чрезвычайной ситуации, стимулирование экономической активности посредством льготного налогообложения, защита конфиденциальной информации и т.д.). Целевое назначение придает режиму осмысленность и определяет его содержание, поскольку все элементы правового режима подчинены решению специфических задач.

3. *Особый порядок правового регулирования* – основополагающий, сущностный признак, поскольку режим представляет собой особую комбинацию правовых средств и методов воздействия на поведение участников общественного взаимодействия. В рамках режима по-иному, нежели обычно, соотносятся дозволения и запреты, права и обязанности, стимулы и ограничения. Правовой режим может включать различные способы правового регулирования (императивный и диспозитивный метод, поощрения и наказания, разрешительный или запретительный тип регулирования и пр.) в уникальном для данного режима сочетании. При этом обычно в режимных условиях доминирует тот или иной метод: например, в одних режимах преобладают запреты и жесткие требования, в других – дозволения и льготы. Именно за счет особого порядка (способа) регулирования достигается требуемая направленность правового воздействия.

4. *Комплексный и системный характер*. Правовой режим – явление комплексное, интегрирующее нормы разных отраслей и институтов, различные юридические средства. Он не сводится только к совокупности норм права, но включает также правоотношения, возникающие на их основе, и претворяющие эти нормы в жизнь правореализационные акты (индивидуальные решения, сделки, акты применения права).

Все эти элементы, в свою очередь, образуют систему, объединенную единой идеей и принципами (принципами, как правило, выступают общие положения соответствующей сферы законодательства и цели режима). Правовой режим как системное образование обладает внутренней структурой и целостностью, включающей нормативные предписания, механизмы их реализации и обеспечения (гарантии, ответственность) и т.д.

5. *Благоприятность (неблагоприятность) для удовлетворения интересов субъектов права*. Действие правового режима всегда отражается на положении вовлеченных в его орбиту субъектов права. Оно либо улучшается (создаются благоприятные условия деятельности, появляются дополнительные права, льготы), либо ухудшается (вводятся особые ограничения, запреты, ужесточается ответственность) по сравнению с ординарным правовым регулированием.

Иными словами, режим формирует конкретную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Например, льготные режимы (режим наибольшего благоприятствования¹, специальный налоговый режим для малого бизнеса и др.) создают

¹ Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области: Федеральный закон от 31.05.1999 № 104-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 23. – Ст. 2807.

более комфортные условия, тогда как режим чрезвычайного положения², напротив, временно ограничивает ряд прав и свобод граждан ради обеспечения безопасности и охраны правопорядка. Степень благоприятности является существенной характеристикой режима и напрямую связана с его целями.

6. *Пространственно-временные границы действия правовых режимов.* Правовой режим всегда вводится в определенных границах: территориальных (например, режим особой охраны устанавливается на территории заповедника); по кругу лиц (режим распространяется на конкретные категории лиц или организаций) или по времени (чрезвычайный режим вводится на ограниченный срок). Четкое оформление подобных границ позволяет обеспечить целенаправленность режима и контролировать условия его действия, поскольку при изменении обстановки или по истечении срока действующий режим может быть отменен или заменен другим.

Перечисленные признаки в совокупности позволяют отграничить правовой режим от смежных понятий. Например, простая совокупность норм права без особой цели и специфического порядка их реализации еще не образует правового режима в полном смысле. Режим – более сложная категория, предполагающая особую организацию нормативного материала и практики его применения для достижения заданного эффекта.

Таким образом, можно заключить, что правовой режим характеризуется формально-юридической определенностью, целевой обусловленностью, особыми методами правового регулирования, комплексностью и системностью, и обуславливает особое состояние регламентируемых отношений (режим правового благоприятствования либо ограничения).

Суммируя вышесказанное, правовой режим представляет собой особый, нормативно закрепленный порядок регулирования, характеризующийся специфической комбинацией юридических средств, целевой направленностью и системным характером, который устанавливается для создания определенного состояния общественных отношений (благоприятного или неблагоприятного для субъектов) в интересах достижения социально значимых целей.

Данная научная категория отражает одну из граней правового регулирования, выходящую за рамки отдельных норм или институтов и позволяющую описать функционирование права на уровне комплексных образований.

Ключевые признаки правового режима, выявленные в работе (нормативность, специальная цель, особые методы регулирования, комплексность, структура, степень благоприятности и др.), позволяют четко отграничить режим от смежных понятий и явлений. Одним из центральных аспектов любого правового режима является баланс дозволений и запретов, льгот и ограничений, посредством которого достигается нужная направленность правового воздействия. Учет этого баланса имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

² О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

Заключение

Таким образом, правовой режим выступает динамичной категорией, отражающей способность права адаптироваться к разнообразным потребностям общества. Совершенствование научного понимания правовых режимов призвано придать импульс более взвешенному и эффективному использованию этого инструмента в правотворческой и правоприменительной деятельности. В современных условиях унификация терминологии и тщательный анализ действующих режимов с позиций теории права будет способствовать укреплению законности и результативности правового регулирования.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 286 с.
2. Беляева, Г. С. Правовой режим: понятие и признаки / Г. С. Беляева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 281 – 293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293
3. Горленко, В. А. Режим правового регулирования (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Горленко. – Санкт-Петербург, 2002. – 258 с.
4. Матузов, Н. И. Правовые режимы: вопросы теории и практики / Н. И. Матузов, А. В. Малько // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1(212). – С. 16 – 29.
5. Морозова, Л. А. Конституционное регулирование в СССР / Л. А. Морозова. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 143 с.
6. Янгол, Н. Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы : курс лекций / Н. Г. Янгол. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2006. – 207 с.

References

1. Alekseyev S.S. *Obshchiye dozvoleniya i obshchiye zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law], Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989, 286 p. (In Russ.)
2. Belyayeva G.S. [Legal Regime: Concept and Features], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2021, vol. 25, no. 1, pp. 281-293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293 (In Russ., abstract in Eng.)
3. Gorlenko V.A. *PhD of Candidate's thesis (Law)*, St. Petersburg, 2002, 258 p. (In Russ.)
4. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. [Legal Regimes: Theoretical and Practical Issues], *Izvestiya vuzov. Pravovedeniye* [News of Universities. Jurisprudence], 1996, no. 1(212), pp. 16-29. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Morozova L.A. *Konstitutsionnoye regulirovaniye v SSSR* [Constitutional Regulation in the USSR], Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985, 143 p. (In Russ.)
6. Yangol N.G. *Chrezvychaynoye zakonodatel'stvo i isklyuchitel'nyye pravovyye rezhimy: kurs lektsiy* [Emergency Legislation and Exceptional Legal Regimes: Lecture Course], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gos. un-t aerokosmicheskogo priborostroyeniya, 2006, 207 p. (In Russ.)

The Concept and Features of the Legal Regime: Contemporary General Theoretical Approaches

G. S. Belyaeva, *D. Sci. (Law), Professor,*
Head of Department of Administrative Law and Process,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
belyaeva_g@bsu.edu.ru

N. V. Borodayenko, *Senior Lecturer,*
Department of Administrative Law and Procedure,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
borodaenko@bsu.edu.ru

A. S. Mamin, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Administrative Law and Procedure,
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
mamin@bsu.edu.ru

The article examines the theoretical and legal category of the "legal regime" from the standpoint of modern approaches in the general theory of law. Existing doctrinal definitions of the legal regime are analyzed, revealing a diversity of interpretations and methodological heterogeneity. Particular attention is paid to the essential features of the legal regime as a fundamental form of legal regulation. The author substantiates the need to unify approaches to the definition and characteristics of the legal regime and proposes an original definition that includes its structural and functional aspects. It is concluded that the features of the legal regime are significant for classification, legal systematization, and optimization of state legal policy.

Keywords: legal regime; features of legal regime; legal regulation; structure of legal regime; legal technique; types of regulation

© Г. С. Беляева, 2025

© Н. В. Бородаенко, 2025

© А. С. Мамин, 2025

Статья поступила в редакцию 22.09.2025

При цитировании использовать:

Беляева Г. С., Бородаенко Н. В., Мамин А. С. Понятие и признаки правового режима: современные общетеоретические подходы // *Право: история и современность.* – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 441 – 447. doi: 10.17277/pravo.2025.04.p.441-447

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И ИСЛАМ В ВОСПРИЯТИИ МУСЫ БИГИЕВА

Динар Рафаилович Зайнутдинов, д-р юрид наук, доцент, профессор, кафедра теории и истории права и государства, Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»; профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»; руководитель юридического отдела, ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний», Казань, Республика Татарстан, Россия; knight_1988@mail.ru

Муса Бигиев – один из первых исламских ученых, который обратил внимание на западные модели конституционного устройства, как возможный способ закрепления фундаментальных правовых ценностей ислама. В связи с этим на свет появляется концепция «Коран – конституция». Обращаясь к категории конституционализма, Муса Бигиев весьма положительно оценил его значимость в современном мире. Однако вопросы конституционного устройства в мусульманском мире не получили широкой разработки. В классических руководствах по фикху обсуждений этой темы не встречается.

Цель работы – выявить восприятие Мусой Бигиевым проблемы соотношения конституционализма и исламского права. Для достижения указанной цели использовались общенаучные (философский, логический) и частнонаучные методы (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой). Муса Бигиев хотел усилить интерес к категории конституционализма среди мусульманских юристов, путем апеллирования к историческим аналогам времен Пророка Мухаммеда. В целом ряде трудов Муса Бигиев рассуждает на тему о возможности конституционализации правопорядка в мусульманских странах. Основным источником для конституционализации исламского правопорядка М. Бигиев считал Коран. Преследуя эту идею, в 1946 году в Бомбее он составил собственный проект «Исламская конституция» («Конституция для Ислама»).

Ключевые слова: Муса Бигиев; конституционализм; конституция; Коран; исламское право.

Введение

Муса Джаруллах Бигиев (1873 – 1949 гг.) предупреждал, что попытка перестроения исламского права по западному образцу не могла увенчаться успехом. Об этом отчетливо свидетельствует опыт современного Египта, который на протяжении XX века занимался активной интеграцией в свою правовую систему многих элементов и институтов романо-германской правовой системы. Нельзя сказать, что эта реформа была удачной. С третьей четверти XX века все больше стали проявляться попытки воз-

врата к правовым ценностям исламского права. Начал осуществляться поиск идей, альтернативных западным юридическим идеалам. Так, в мае 1980 года в Конституцию Египта 1972 года «было внесено изменение, в соответствии с которым принципы шариата ныне провозглашены не просто одним из источников законодательства, а его главным, ведущим источником. В египетском парламенте создана специальная комиссия для контроля за тем, чтобы ни один из принимаемых законов не противоречил принципам шариата» [15, с. 107]. Дорогой возврата к базису исламского права последовал и ряд других стран. Хотя и с трудностями, но во многих случаях это проходит положительно.

Коран как источник конституционализма

Если посмотреть на исламское право максимально внимательно, то можно увидеть, что в нем имеются аналогичные правовые институты, которые существуют в западных правовых системах. Это касается и конституционализма, исламские корни которого можно найти в глубоком средневековье. В первую очередь речь здесь идет о так называемой «Мединской конституции», которая представляет собой совокупность восьми соглашений, заключенных в течение семи лет пророком Мухаммедом (сас) с целью гарантии прав своих мекканских (мухаджирун) и мединских последователей (ансар) и их союзников, в большей части состоявших из иудеев. Например, Я. М. Ханмагомедов отмечает, что «нормы Мединской конституции впервые в судебном порядке обеспечивали защиту прав всех людей, в том числе представителей религиозных меньшинств» [13, с. 22; 20].

По мнению французского востоковеда А. Массэ, в «Мединской конституции» проявился политический ум пророка Мухаммеда [13, 20]. Иначе говоря, конституционный базис в исламское право был заложен на самом первом этапе его формирования. В свою очередь, конституционализм опирался на правовые принципы, сосредоточенные в Коране.

Слову «Коран» (аль-Қур'ан), иногда, приписывают сирийское происхождение – переводится «кериана», что означает «чтение священного текста» или «назидание» [10, с. 141]. Это назидание, – собрать слово Аллаха, – было передано путем откровения Пророку Мухаммеду (сас).

Есть и другие варианты перевода, например, слово «Қур'ан» произведено от корня «кар'» в смысле «собирать» и «объединять» [14, с. 16]. Последнее особенно примечательно, если смотреть на Коран как на юридический документ, концентрирующий в себе исходные и фундаментальные правовые принципы для построения исламского правопорядка. Можно пойти дальше и рассматривать Коран в качестве свода конституционных принципов.

«Во времена правления первого халифа Абу Бакра случилось сражение при Ямаме, где погибло большое количество чтецов Священного писания. По данным некоторых исследователей, около 700 таких людей было убито за один день. Опасаясь, что такие имамы чтения Священного Корана, как Убай, Ибн Масуд и Зейд, также погибнут, Умар предложил Абу Бакру собрать воедино текст Священного Корана» [8, с. 52–53]. Это зада-

ние было поручено Зейду ибн Сабиту. При этом, как пишет современный ученый Сайид Мухаммад Бакир Худжати, «составители, взявшись за дело при Абу Бакре, успешно завершили его и представили в виде тетрадей, которые были сшиты прочными нитями, дабы ничто из них не выпало и не потерялось» [14, с. 16]. Зейд ибн Сабит выполнил возложенное на него поручение по систематизации Корана в течение одного года, приступив к нему сразу после сражения в Ямаме, и завершил его полностью в год смерти Абу Бакра, то есть в 634 году. К сожалению, при такой систематизации суры не были расположены по порядку.

Коран – это первоисточник исламского права, а если быть точнее, – его корень. Без него исламское право немыслимо. Он абсолютен, вечен и неизменен. «Священный Коран является главным и “верным руководством” в жизни людей, в том числе и в вопросах права, обыденной жизни, межличностных взаимоотношений и других сторон человеческого бытия» [8, с. 60]. Именно поэтому исламский конституционализм настолько же нерушим, как и его источник.

Коран – конституция

В истории мусульманского мира разные ученые неоднократно обращались к проблеме конституционализма, а точнее к вопросам о том может ли существовать в исламском государстве конституция, или какой документ в совокупности источников исламского права равносителен конституции? И, конечно же, отвечая на второй вопрос, – таковым признавался Коран.

«Коран – конституция» – идея далеко не новая. Она в разные века выдвигалась правоведами, государственными и политическими деятелями. Например, Ибн Сауд в сентябре 1932 года, создав государство Саудовская Аравия, провозгласил Коран в качестве конституции страны [9, с. 136]. Однако в дальнейшем же реальность затребовала от Саудовской Аравии принятие некоего светского конституционного акта. Таковым стал Основной низам правления 1992 года. Основной низам правления состоит из 10 глав (включающих в себя 83 статьи), регулирующих основные вопросы организации государственной власти и организации жизни общества Саудовской Аравии. Он содержит такие разделы, как общие принципы, система власти, основы саудовского общества, экономические принципы, права и обязанности, безопасность, государственная власть, финансы, органы контроля, общие положения. Тем самым его структура – это структура самой обычной конституции. В то же время Основной низам правления не стоит на вершине иерархии нормативных правовых актов Саудовской Аравии. Это место по-прежнему отведено Корану [15, с. 105]. Таким образом, конституционализм прочно внедрился в базис исламского права, но приобрел в нем второстепенный характер по отношению к религии. И тем не менее, верно указывает Л. Р. Сюкияйнен, что в современных арабских странах роль шариата определяется на конституционном уровне [16, с. 219].

В вершине нормативной правовой базы исламской правовой системы, по мнению Мусы Бигиева, также должен находиться Коран. Можно с уверенностью сказать, что М. Бигиев ратовал именно за придание положи-

ям Корана статуса норм конституционного характера. В то же время он не исключал и возможность принятия «светской конституции» для концентрированного, упорядоченного и расширительно изложения в ней основных принципов исламского права.

Право для М. Бигиева это не догма религиозного вероучения и оно не статично. Право динамично, оно требует постоянного развития и согласования с конкретной исторической эпохой. При этом Муса Бигиев всегда подчеркивал, что правовые нормы, закрепленные в Коране, являются абсолютно универсальными, подходящими совершенно для любой эпохи. Тем самым он предлагал Коран и Сунну возвести в ранг «нормативных правовых актов» высшей юридической силы, или, иначе говоря, в ранг условной конституции (первое) и ее логического истолкования (второе). Эти «акты» были бы едины для всех исламских государств. По этому поводу Муса Бигиев отмечал: «Создавая комментарии к хадисам и аятам, мухаддисы и муфассиры всегда толковали аяты согласно методикам, установленным в книгах по методологии права. Они не обращали должного внимания на цели Писания и Сунны, на значимость для человеческой жизни того, чему они придавали статус закона, ибо область применения методов, которые они сочли обязательными, была не столь обширной» [2, с. 41].

Если подходить с позиции того, что Коран – это конституция, то тогда можно утвердительно сказать, что Коран обладает конституционными целями, задачами и принципами, которыми и необходимо руководствоваться в правотворческом и судебном процессах и администрировании. Примечательно, что подобный подход к Корану как к «конституции» можно найти и у Зыяэтдина Камали, в его труде «Философия ислама» 1909 – 1913 гг. [11, с. 141]. В частности, Зыяэтдин Камали выделяет целый комплекс прав и свобод, обозначая их как «законы цивилизованной жизни». Эти законы не только полностью согласуются с демократическими правами и свободами современного мира, но и составляют «правила культурного общежития».

Как верно указывает А. Г. Хайрутдинов, «М. Бигиев стал искать пути возрождения подлинных принципов мусульманского права» [19, с. 79], и он их нашел. Фактически ученый провел весьма близкую параллель «основного закона» (конституции в ее европейском понимании) с Кораном. В этом отношении он высказал следующую мысль: «В то время как законы и правовые системы всех народов развиваются, привлекая внимание цивилизованного мира, закон Священного Корана и мудрого Пророка по какой-то причине отстранен от применения на практике в мусульманском мире» [5, с. 331]. Следовательно, мусульманским правоведам нужно было выработать единую систему конституционно-коранических целей, задач и принципов и заключить их в некий универсальный для всех мусульманских стран «основной закон».

Условные нормы исламского права, содержащиеся в Коране, представляют собой совокупность разнообразных правил, предписанных человечеству Божественным повелением. Абу Амин Биляль Филипс указывает, что отношения в исламском мире можно сгруппировать в две основные категории:

- между Аллахом и человеком;
- между людьми.

В свою очередь нормы, регулирующие отношения между людьми, можно распределить на четыре подраздела применительно к предметной области отношений:

а) законы, гарантирующие и защищающие распространение Ислама, – они заключены в правилах вооруженной и невооруженной борьбы (джихад);

б) законы о семейной жизни для развития семьи и защиты ее внутренней структуры – к их числу относятся законы, касающиеся брака, развода и наследства;

в) законы о торговле, регламентирующие ведение коммерческих операций, договоров найма имущества и прочее;

г) уголовные законы, устанавливающие конкретные виды наказаний или возмещения ущерба в случае совершения различных преступлений.

Указанные подразделы вполне могут быть развернуты в некоторых классических институтах конституционного права (в настоящее время так и произошло). К таким, например, относятся: право на жизнь, право на личную неприкосновенность, право на защиту семьи государством, право на социальное обеспечение и социальную защиту, право частной собственности, право на свободное осуществление экономической деятельности, право на свободный труд, право на защиту пострадавших от нарушения закона, действий органов государства и их должностных лиц и др. [17, с. 33–34].

Взгляды на конституционализм

Муса Бигиев был хорошо знаком с историей развития конституционализма в разных странах мира, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье. В подтверждение этого можно сослаться на исследование, проведенное А. Н. Юзеевым, который указывал, что в результате наступившего революционного периода 1917 года Муса Бигиев смог «издать в Петрограде отдельной книгой “Ислахат эсаслары” (“Основы реформ”). Книга включает материалы по общественно-политическому движению мусульман России за 11-летний период с 1904 по 1915 гг. (проекты, петиции, решения мусульманских съездов, перевод на татарский язык Конституции Российской империи, положение о выборах депутатов Государственной думы)» [22, с. 363]. Вопрос о систематизации данной документации был поставлен в повестку дня на одном из заседаний Временного центрального бюро российских мусульман (2 апреля 1917 года) [6, с. 65].

Муса Бигиев по достоинству оценивал значимость конституционного документа для динамичного развития страны. Перевод на татарский язык «Основных законов Российской империи» 1906 года (октроированной конституции) показывает высокий профессиональный уровень Мусы Бигиева как теоретика-конституционалиста.

Другие исследователи работы М. Бигиева «Ислахат эсаслары» отмечают, что основу его книги составляют три группы источников:

- рассказ об истоках общественно-политического движения российских мусульман в период 1905 – 1907 годы;

– систематизированная информация о деятельности «Общество духовенства» при Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС) в апреле 1905 года;

– документы, связанные с реформой Духовных управлений мусульман [18, с. 72].

Таким образом, труд «Ислахат эсаслары» отражает широкие познания М. Бигиева в области развития российского конституционализма и становление политической жизни мусульман России. Поэтому данный труд требует научного перевода и издания с соответствующим научным аппаратом [18, с. 82].

Особо пристальное внимание сбору и систематизации политико-программной документации М. Бигиев уделил в период заседаний мусульманских съездов 1917 года. В рамках этой цели даже была образована специальная Комиссия по вопросам организации издательского дела, в состав которой, помимо самого Мусы Бигиева, также вошли А. Цаликов, Г. Исхаков, М. Султангалиев [6, с. 237].

Татарский ученый тщательно рассматривал исторические этапы развития конституционализма в исламском мире. В этом контексте М. Бигиев писал: «Всякая форма государства, которую знали ученые до ислама и правления римлян (византийцев), была заместительством через выборы, и его система была конституционной. Конституционная система существовала на Аравийском полуострове задолго до Мессии (а.с.)» [1, с. 49]. Конституционализм, как идейный механизм регулирования правового пространства, приобрел весьма большую актуальность в период распространения ислама на Аравийском полуострове. «Вся жизнь Пророка была правилами и конституцией» [1, с. 49], – лаконично отмечал Муса Бигиев. Конечно же, исламский конституционализм средневековья неравнозначен современному пониманию. Но заложенные им основы могли дать начало оригинальной концепции исламского конституционализма.

Документы конституционного характера

Нельзя обойти вниманием идею Мусы Бигиева разработать универсальный проект Исламской конституции, пригодной для всех мусульманских стран.

Свое видение конституционного развития пути мусульманского мира он излагал весьма сдержанно. При этом на протяжении десятилетий Муса Бигиев делал определенные осторожные попытки интеграции в базис исламского права идей конституционализма. Одной из первых таких попыток следует считать «Воззвание к мусульманским нациям» (1923 г.). Структура данного документа напоминает конституционный акт, хотя и в ряде случаев существенно выходит за границы его стилистики. В работе есть главы, посвященные проблемам и нуждам российских мусульман, вопросам халифата, правам человека, правовым вопросам военного права, межгосударственным [7, с. 29–30]. Сам же ученый не считал свой труд конституцией, а больше относил его к некоему декларативному документу или политической программе. Также в этом труде М. Бигиев высказывал положительное отношение об образовании секулярного государства и закреплении данного факта на конституционном уровне [3, с. 73]. Эту мысль

он изложил следующим образом: «Провозглашается свобода вероисповедания и свобода совести. Поэтому все религии всесторонне уважаемы. Священность религии и уважение прав относятся к общим правам, и они защищены и гарантированы силой конституции и решением всеобщего единого мнения» [3, с. 69]. Татарский мыслитель считал, что основным законом государства должен обеспечивать каждой национальности, наряду с полным политическим равенством во всех отношениях, также и культурно-духовные права, к которым относятся: язык, воспитание, образование, религия. Самыми главными задачами и обязанностями государства и правительства, – считал М. Бигиев, – является всестороннее обеспечение гарантий прав, свобод и достоинства человека и общества [3, с. 68].

В конституционном контексте также весьма интересен и другой труд М. Бигиева – «Женщина в свете священных аятов Благородного Корана», изданным в 1933 году. В этой книге он указал на свое желание написать особую конституцию для исламских стран. Обратимся к самому ученому: «В России и Турции были опубликованы конституции, которые на протяжении долгих лет создавались самоотверженным трудом как государственных лиц, так и деятелей просвещения, и откорректированы, согласно пожеланиям своих народов. Однако мне не посчастливилось издать Исламскую конституцию. Я просто не имел никаких возможностей для этого» [4, с. 139–140].

Очередной работой Мусы Бигиева, в которой имеются отсылки на исламский конституционализм, стал труд «Критика шиитских воззрений», впервые изданный в Берлине в 1935 году. В нем ученый перечислил те ценности исламского права, которые носят основополагающий конституционный характер, и которыми должны руководствоваться органы государственной власти [1, с. 50]. Здесь М. Бигиев отметил, что любое государство и правящий режим требуют базовый фундамент для конституции, к которому относятся: благосостояние нации; процветание народа; обеспечение жизни; отсутствие присваивания господства одного класса или диктатура одной личности; неприкосновенность прав личности и прав неприкосновенности нации. Пример такого государства у нас есть пророческое небесное государство, несмотря на его форму: аристократическую, или демократическую, или монархическую» [1, с. 50].

Не секрет, что до начала проведения Мустафой Кемалем широкомасштабной реформы по переходу турецкой правовой модели из исламской правовой системы в германскую ветвь романо-германской правовой семьи, М. Бигиев свои надежды на освобождение мусульманских народов изначально связывал именно с Турцией. Его негативное отношение к кемалитской Турции сформировалось лишь в результате ряда действий новой светской власти, целью которой была полная секуляризация всех сфер жизни общества, в том числе и юридической. К этим действиям относилось и принятие первой Конституции Турецкой Республики 1921 года. Изучив данный основной закон, М. Бигиев издал критическую работу под названием «Мои научные и литературные размышления о Турецкой Конституции» («Төркия Конституциясендә минем фәнни һәм әдәби уйлануларым») [7, с. 50]. Мусу Бигиева явно не удовлетворяла официаль-

ная юридическая концепция Турции, направленная на отказ от исламского права.

Отметим, что идеи, изложенные в труде «Женщина в свете священных аятов Благородного Корана», Муса Бигиев считал своего рода подготовкой для издания в дальнейшем полноценной «Исламской конституции». «Лишь бы хватило на то отпущенных мне лет» [4, с. 140], – говорил татарский ученый. Так и вышло. Свою идею о создании проекта «Исламской конституции» М. Бигиев смог осуществить только в последние годы жизни, издав его в 1946 году в Бомбее на арабском языке «Ал-Канун ал-мадани ал-ислами» («Конституция для Ислама») [7, с. 49]. Ее издание, по сути, было обращено к Президенту Турецкой республики Исмету Иненю. Данный труд заслуживает профессионального юридического перевода и отдельного полноценного научного анализа.

Заключение

Описывая процесс встраивания конституционализма в базис исламского права, профессор Г. И. Муромцев пишет: «Восприятие одних и тех же правовых явлений разными слоями общества с позиций разнотипных правовых культур делает соотношение европейских и исламских элементов правовой системы весьма подвижным. Так, положение о государственном характере религии ислама, содержащееся практически во всех конституциях стран Ближнего и Среднего Востока, может быть истолковано и как признание верховенства конституции, придавшей исламу государственную защиту, и как верховенство ислама и мусульманского права, интегрирующих в свою структуру правовые институты европейского типа, включая конституцию. Таким образом, в рамках этого положения конституция и мусульманское право могут находиться в глазах различных частей общества (либо различных политических режимов) одновременно и “над”, и “под” по отношению друг к другу» [12, с. 100].

Думаем, что с подобной точкой зрения Муса Бигиев мог бы отчасти согласиться. Ислам и конституционализм в воззрениях М. Бигиева были настолько тесно переплетены, что разграничить их невозможно. Само название – «Исламская конституция» или «Конституция для Ислама», говорит о неразрывности взаимосвязи конституционализма и религии. Татарский мыслитель считал, что исламское право вполне может быть правом универсальным, тогда как конституция может оформить эту универсальность в документальную юридическую форму, но при этом она не должна покушаться на правовые принципы ислама, сосредоточенные в Коране. Иначе говоря, для Мусы Бигиева конституция была ценна не как высший юридический акт сам по себе, а как удобная форма облачения высших целей шариата.

Коран не является нормативным правовым актом, но его принципы могут быть вполне систематизированы в юридическом документе – в конституции. Верно отмечает В. Е. Чиркин, что «нравственные предписания ислама теснейшим образом связаны с правом, остальные стихи тоже могут быть использованы в качестве источника, из которого “извлекается” право» [21, с. 10].

Таким образом, если говорить о формуле «Коран – конституция», то она будет, безусловно, уместной в контексте общего восприятия исламского права. Однако для концентрированного отражения правовых ценностей ислама необходим полноценный основной закон. В результате научных изысканий к такому выводу пришел и Муса Бигиев. Таким путем пошла и Саудовская Аравия. Политические деятели и юристы данной страны разъяснили, что Коран – это конституция для всей мусульманской уммы, но для государства нужна юридическая конституция – Основной низам правления.

Конституционализм – это одна из тех западных правовых категорий, которые Мусой Бигиевым были положительно оценены и признаны пригодными для интеграции в базис исламского права.

Список литературы

1. Бигиев, М. Критика шиитских воззрений. Аль-Вашаи фи Накд Акаид Аш-Шиа (Челнок для раскрутки пряжи воззрений Шиа) / М. Бигиев ; перевод с арабского С. А. Шагавиев. – Казань : Иман, 2003. – 159 с.
2. Бигиев, М. Д. Введение к трактату «Аль-Муафакат» («Оригинальный трактат по методам согласования позиций мазхабов») / М. Д. Бигиев // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 томах / составитель и перевод с османского А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – Т. 2. – С. 34 – 44.
3. Бигиев, М. Д. Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях / М. Д. Бигиев // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 томах / составитель и перевод с османского А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – Т. 2. – С. 45–126.
4. Бигиев, М. Д. Женщина в свете священных аятов благородного Корана // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 томах / составитель и перевод с османского А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – Т. 2. – С. 127–256.
5. Бигиев, М. Д. Мой взгляд на исламский шариат // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 томах / составитель и перевод с османского А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – Т. 2. – С. 331–340.
6. Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение : сборник документов и материалов / составитель, предисловие и примечание С. М. Исхакова. – Москва ; Санкт-Петербург : Инст. ист. РАН ; Центр гуманит. инициат, 2019. – 494 с.
7. Гёрмез, М. Муса Джаруллах Бигиев / М. Гёрмез ; перевод с турецкого А. Г. Хайрутдинова. – Казань : Российский исламский университет, 2010. – 169 с.
8. Идрисов, Х. В. Отдельные вопросы мусульманской системы права: фикх, частные правоотношения, ответственность : монография / Х. В. Идрисов. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Москва : Блок-Принт, 2022. – 192 с.
9. История Востока. В 6 томах. Том 5. Восток в новейшее время: 1914 – 1945 гг. / ответственный редактор Р. Г. Ланда. – Москва : Вост. лит., 2006. – 717 с.
10. Ислам: энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1991. – 315 с.
11. Камали, З. Философия ислама = (Фэлсәфә исламиё). В 2 томах. Том 1 / З. Камали ; перевод Л. Алмазовой. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2010. – 319 с.
12. Муромцев, Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза / Г. И. Муромцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 80–106. doi: 10.17323/2072-8166.2021.1.80.106

13. Обидов, Д. С. К вопросу формирования и сущности исламской концепции правосудия / Д. С. Обидов // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – 2013. – № 3(55). – С. 11–23.

14. Худжати, Сайид Мухаммад Бакир. Исследование по истории Корана / Сайид Мухаммад Бакир Худжати ; перевод с фарси Таджиддин Мардони; ответственный редактор Н. Л. Сейтахметова. – Москва : Исток : Исламская кн., 2011. – 352 с.

15. Сюкияйнен, Л. Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству / Л. Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 2. – С. 97–109.

16. Сюкияйнен, Л. Р. Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах / Л. Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 205–222. doi: 10.17323/2072-8166.2016.4.205.222

17. Филипс, Абу Амин Биляль. Эволюция Фикха (Исламский закон и Мазхабы) / Абу Амин Биляль Филипс ; перевод с английского Т. В. Гончаровой. – Киев : Ансар Фаундейшн, 2001. – 224 с.

18. Хабутдинов, А. Ю. «Ислахат эсаслары» Мусы Биги: фундаментальный труд по истории общественного движения российских мусульман начала XX века / А. Ю. Хабутдинов, Д. В. Мухетдинов // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления : материалы II Международной научно-образовательной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г.). – Москва : Медина, 2016. – С. 71–82.

19. Хайрутдинов, А. Г. М. Бигиев об обновлении мусульманской правовой системы / А. Г. Хайрутдинов // Бигиевские чтения: богословская мысль российских мусульман XIX – начала XX вв. : сборник научных статей. – Москва : Медина, 2015. – С. 73–84.

20. Ханмагомедов, Я. М. Пророк Мухаммад и мединские евреи / Я. М. Ханмагомедов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2008. – № 5. – С. 111–115.

21. Чиркин, В. Е. Мусульманская концепция права / В. Е. Чиркин // Мусульманское право (структура и основные институты). – Москва : Институт государства и права АН СССР, 1984. – С. 4–20.

22. Юзеев, А. Н. Просветительская мысль татарского народа (XIX – начало XX вв.) : монография / А. Н. Юзеев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. – 415 с.

References

1. Bigiev M. *Kritika shiitskih vozzrenij. Al'-vashia fi nakd akaid ash-shia (Chelnok dlja raskrutki prjazhi vozzrenij shia)* [Critique of Shiite views. Al-washia fi naqdaqaid ash-shia (Shuttle for spinning the yarn of Shia views)], Kazan: Iman, 2002, 159 p. (In Russ.)

2. Bigiev M.D. [Introduction to the treatise “Al-Muafaqat” (“Original treatise on the methods of coordinating the positions of madhhabs”), *Izbrannye Trudy* [Selected works], In 2 vols., Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, vol. 2, pp. 34-44. (In Russ.)

3. Bigiev M.D. [Appeal to Muslim Nations on Religious, Moral, Social and Political Problems and Actions], *Izbrannye Trudy* [Selected works], In 2 vols., Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, vol. 2, pp. 45-126. (In Russ.)

4. Bigiev M.D. [Woman in the Light of the Sacred Verses of the Noble Quran], *Izbrannye Trudy* [Selected works], In 2 vols., Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, vol. 2, pp. 127-256. (In Russ.)

5. Bigiev M.D. [My View of Islamic Sharia], *Izbrannye Trudy* [Selected works], In 2 vols., Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014, pp. 331-340. (In Russ.)
6. Ishakov S.M. (Comp.) *Velikaja rossijskaja revoljucija 1917 goda i musul'manskoe dvizhenie: sbornik dokumentov i materialov* [The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim movement: a collection of documents and materials], Moscow: St. Petersburg: Inst. ist. RAN; Centr gumanit. iniciat., 2019, 494 p. (In Russ.)
7. Gjormez M. *Musa Dzharrullah Bigiev* [Musa Jarullah Bigiyev], Kazan: Russian Islamic University, 2010, 169 p. (In Russ.)
8. Idrisov H.V. *Otdel'nye voprosy musul'manskoj sistemy prava: fikh, chastnye pravootnoshenija, otvetstvennost'*: monografija [Certain issues of the Muslim legal system: fiqh, private legal relations, responsibility], Moscow: Blok-Print, 2022, 192 p. (In Russ.)
9. Landa R.G. (Ed.), *Istorija Vostoka*: In 6 vols. Vol. 5: *Vostok v novejshee vremja: 1914-1945 gg.* [History of the East. In 6 vols. Vol. 5: The East in modern times: 1914-1945], Moscow: Vost. lit., 2006, 717 p. (In Russ.)
10. *Islam: jenciklopedicheskij slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary], Moscow: Nauka, 1991, 315 p. (In Russ.)
11. Kamali Z. *Filosofija islama*: In 2 vols., Vol. 1 [Philosophy of Islam: In 2 vols. Vol. 2], Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2010, 319 p. (In Russ.)
12. Muromcev G.I. [Muslim law in the context of legal genesis], *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 1, pp. 80-106. doi: 10.17323/2072-8166.2021.1.80.106 (In Russ., abstract in Eng.)
13. Obidov D.S. [On the issue of the formation and essence of the Islamic concept of justice], *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Serija gumanitarnyh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences], 2013, no. 3(55), pp. 11-23. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Hudzhati Sajid Muhammad Bakir. *Issledovanie po istorii Korana* [Research on the history of the Koran], Moscow: Istok, Islamskaya kniga, 2011, 353 p. (In Russ.)
15. Sjukijajnen L.R. [Islamic law in the legal systems of Muslim countries: from doctrine to legislation], *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2008, no. 2, pp. 97-109. (In Russ., abstract in Eng.)
16. Sjukijajnen L.R. [Constitutional status of Sharia as a source of legislation in Arab countries], *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 4, pp. 205-222. doi: 10.17323/2072-8166.2016.4.205.222 (In Russ., abstract in Eng.)
17. Filips Abu Amin Biljal'. *Jevoljucija Fikha (Islamskij zakon i Mazhaby)* [Evolution of Fiqh (Islamic Law and Madhhabs)], Kazan: Ansar Faundejsn, 2001, 224 p. (In Russ.)
18. Habutdinov A.Yu., Muhetdinov D.V. *II Bigievskie chtenija – 2015. Musul'manskaja mysl' v XXI veke: edinstvo tradicii i obnovlenija* [II Bigiev Readings – 2015. Muslim thought in the 21st century: the unity of tradition and renewal], Moscow: Medina, 2016, pp. 71-82. (In Russ.)
19. Hajrutdinov A.G. *Bigievskie chtenija: bogoslovskaja mysl' rossijskih musul'man XIX – nachala XX vv.: sbornik nauchnyh statej* [Bigiev readings: theological thought of Russian Muslims of the 19th – early 20th centuries: Collection of scientific articles], Moscow: Medina, 2015, pp. 73-84. (In Russ.)
20. Hanmagomedov Ya.M. [Prophet Muhammad and the Medina Jews], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Dagestan State University. Series 3: Social Sciences], 2008, no. 5, pp. 111-115. (In Russ., abstract in Eng.)

21. Chirkin V.E. [Muslim concept of law], *Musul'manskoe pravo (struktura i osnovnye instituty)* [Muslim law (structure and main institutions)], Moscow: Institut gosudarstva i prava AN SSSR, 1984, pp. 4-20. (In Russ.)

22. Yuzeev A.N. *Prosvetitel'skaja mysl' tatarskogo naroda (XIX – nachalo XX vv.): monografija* [Enlightenment thought of the Tatar people (XIX – early XX centuries)], Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014, 415 p. (In Russ.)

Constitutionalism and Islam in the Perception of Musa Bigiev

D. R. Zaynutdinov, *D. Sci. (Law), Assistant Professor, Professor, Department of Theory and History of Law and State, Kazan branch of the University of Justice named after V.M. Lebedev; Professor, Department of Theory of State and Law and Public Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML); Head of Legal Department, Institute of Social Sciences and Humanities, Kazan, Tatarstan, Russia; knight_1988@mail.ru*

Musa Bigiyev was one of the first Islamic scholars who drew attention to Western models of constitutional structure as a possible way of enshrining the fundamental legal values of Islam. In this regard, the concept of “Quran constitution” was born. Addressing the category of constitutionalism, Musa Bigiyev very positively assessed its importance in the modern world. However, the issues of constitutional structure in the Muslim world have not been widely developed. There is no discussion of this topic in the classical fiqh manuals.

The study aims is to identify Musa Bigiyev's perception of the problem of the relationship between constitutionalism and Islamic law. To achieve this goal, general scientific (philosophical, logical) and specific scientific methods (formal-legal, historical-legal, comparative-legal) were used. Musa Bigiyev wanted to increase interest in the category of constitutionalism among Muslim lawyers by appealing to historical analogues of the times of the Prophet Muhammad. In a number of works, Musa Bigiyev discusses the possibility of constitutionalizing the legal order in Muslim countries. M. Bigiyev considered the Quran to be the main source for the constitutionalization of the Islamic legal order. Pursuing this idea in 1946 in Bombay, he drafted his own “Islamic Constitution” (“Constitution for Islam”).

Keywords: Musa Bigiev; constitutionalism; constitution; Quran; Islamic law.

© Д. Р. Зайнутдинов, 2025

Статья поступила в редакцию 18.08.2025

При цитировании использовать:

Зайнутдинов Д. Р. Конституционализм и ислам в восприятии Мусы Бигиева // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 448 – 459. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.448-459

ДИВЕРСИЯ, САБОТАЖ И ВРЕДИТЕЛЬСТВО: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Юлия Сергеевна Пестерева, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного и публичного права,
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет
«Синергия», Москва, Россия;
pestereva13@yandex.ru

Павел Викторович Пошелов, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса,
ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», Омск, Россия;
poshelov@bk.ru

Александра Николаевна Шагланова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного и публичного права,
НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет
«Синергия», Москва, Россия;
shaglanova.a@yandex.ru

На основании комплексного изучения советских уголовных законов, постановлений ЦИК СССР, постановлений Пленума ВС СССР, а также УК РФ в действующей и предыдущих редакциях рассматривается советский и современный российский опыт правового регулирования уголовной ответственности за диверсию, саботаж и вредительство. В современном мире в условиях усиливающихся международных и межгосударственных конфликтов (включая военные) резко возрастает количество преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства (в особенности актов диверсии). Официальная статистика по количеству осужденных по преступлению, предусмотренному ст. 281 УК РФ, подтверждает данный тезис. Это обуславливает необходимость изучения уголовно-правового регулирования уголовной ответственности за диверсию и смежные деяния в историческом аспекте, что также может позволить предложить пути совершенствования действующего законодательства и более эффективно противодействовать подобным преступлениям. Проводится разграничение таких явлений, как диверсия, саботаж и вредительство. На основании сравнительного анализа предложено усовершенствовать действующее уголовное законодательство (в частности, путем криминализации вредительства). В процессе исследования использовалась совокупность различных методов, включающих в себя методы анализа, индукции и дедукции, формально-юридический и сравнительно-правовой. Результаты исследования носят как теоретический, так и практический характер. Предложения авторов могут быть использованы законодателем в части совершенствования действующего уголовного законодательства. Обсуждение рассмотренных вопросов позволит обратить внимание законодателя на разработку решений по дальнейшему совершенствованию регламентации уголовно-правового противодействия посягательствам на основы конституционного строя и безопасность государства.

Ключевые слова: диверсия; саботаж; вредительство; преступления против безопасности государства; уголовная ответственность.

Введение

Экономическая безопасность и обороноспособность России на протяжении всей истории были залогом ее самостоятельного и независимого существования. Одним из составляющих механизмов их защиты является уголовное право. С учетом ценности охраняемого основного объекта преступления (безопасность государства), тяжести возможных последствий, и, в связи с этим, зачастую, многообъектности рассматриваемого преступления (в числе объектов следует отметить общественные отношения, охраняющие безопасность государства, жизнь и здоровье конкретных людей, здоровье населения, экологию, собственность и т.д.) это преступление обладает повышенной общественной опасностью. Согласно с этим и современный отечественный законодатель, установивший достаточно строгое наказание за диверсию и иные диверсионные преступления. Опасность таких преступлений в том, что они подрывают доверие к государству и его институтам (в части появления у людей мнения о неспособности государства их защитить), а также усиливают чувство страха представителей отдельных слоев населения. Повышенная общественная опасность диверсий обусловлена их разрушительным характером, масштабностью последствий и целенаправленным воздействием на ключевые элементы государственного устройства и жизнеобеспечения населения.

Согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ (опубликованном на официальном сайте <https://cdep.ru/>), количество лиц, осужденных как за совершение, собственно, диверсии, так и за совершение иных диверсионных преступлений, увеличивается в разы. Так, если за 2021 год не было осуждено ни одного человека, за 2022 год – 1 человек, то за 2023 год количество осужденных составляет 9 человек, а за 2024 год – 48 человек (кроме этого, были первые осужденные по статьям 281.1 УК РФ – 3 человека, 281.3 – 2 человека). Кроме того, в силу схожести норм, предусмотренных статьями 205 УК РФ и 281 УК РФ, возможны ситуации, когда то, что фактически является диверсией, квалифицируется как террористический акт. Более того, с учетом общего возраста уголовной ответственности за диверсию, и пониженного возраста уголовной ответственности за террористический акт, иногда правоприменители, в случае совершения диверсии лицом в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, вынуждены квалифицировать это не как диверсию, а как террористический акт. Представляется также, что, в связи с действующей международной обстановкой, а также криминогенной внутренней обстановкой, в последующие годы количество осужденных по обоим преступлениям будет как минимум не меньше последних вышеприведенных цифр. Кроме того, как отмечается зарубежными исследователями, свою роль в возможных последствиях от этого деяния играет и цифровизация современного общества [10, с. 438]. Однако же в настоящее время на практике возникают определенные вопросы, мешающие эффективной борьбе с подобными рода проявлениями, что заставляет обращаться к историческому опыту уголовно-правового регулирования. Изучение исторического

опыта также позволит определить оптимальную модель противодействия рассматриваемым явлениям.

Долгое время вопросы борьбы с диверсиями в СССР были предметом рассмотрения в основном на уровне диссертаций и научных статей по историческим специальностям (диссертации О. Б. Мозохина, А. И. Вольхина). Лишь в последние несколько лет повышается интерес к данной тематике, например научные статьи [2, 4 – 6]. В доктрине высказывалась, безусловно, правильная позиция о том, что «глубокое изучение исторического опыта борьбы с саботажем в чрезвычайных условиях имеет прикладное значение как для законодателя, так и для правоохранительных органов России» [4, с. 113].

Цель статьи – рассмотреть особенности уголовно-правового противодействия диверсиям, саботажам, актам вредительства, обозначить важность на основании анализа, сравнительно-правового и формально-юридического методов совершенствования действующего уголовного законодательства, проверить гипотезу о позитивном влиянии на криминогенную обстановку криминализации в рамках отдельных норм рассматриваемых явлений.

Задачи – изучить советский опыт криминализации диверсии, саботажа и вредительства, провести осмысление преимуществ и недостатков различных вариантов реагирования государства на рассматриваемые явления.

Методологию научной статьи составляет совокупность научных методов познания. Так, формально-юридический метод позволил выявить основные проблемы формирования диспозиций рассматриваемых норм с точки зрения правил юридической техники. Посредством использования статистического метода были получены эмпирические данные о распространенности диверсии на современном этапе. В ходе исследования был использован метод анализа, позволивший разложить преступления против безопасности государства на составные части для изучения взаимосвязи и закономерностей диверсии, саботажа и вредительства.

Обсуждение

Изменения советского уголовного законодательства за первые пятнадцать лет существования РСФСР, а с 1924 года – СССР, наглядно показывают эволюцию базовых идеологических ценностей. Можно выдвинуть тезис о том, что до 1926 – 1929 годов в качестве объекта непосредственной уголовно-правовой охраны рассматривались идеи пролетарской революции. Возможность мировой революции существенно снижала ценность самого государства по сравнению с идеями. Однако по мере того, как в политическом дискурсе стала побеждать точка зрения о самоценности первого Советского государства и невозможности мировой революции здесь и сейчас, охрана именно интересов государства вышла на первое место. В связи с этим характерным стало принятие постановления Центрального исполнительного комитета СССР от 25 февраля 1927 года «Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления)» (далее – Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года). Окончанием такого идейного слова является 1934 год, когда в Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР) была введена статья «Измена Родине».

Саботаж

Контрреволюционные преступления не имели внутренней дифференциации, однако к преступлениям против народного хозяйства (в современной трактовке – экономической безопасности) можно отнести вредительство, саботаж и диверсию. В первые годы советской власти саботаж и вредительство рассматривались как форма классовой борьбы. До окончания Гражданской войны наиболее распространенной формой являлся саботаж [8].

Однако в УК РСФСР 1922 года саботаж как самостоятельное преступление отсутствовал. В первоначальной редакции УК РСФСР 1926 года под саботажем в ч. 2 ст. 58.7 понималось сознательное неисполнение возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежное их исполнение или осложнение той же деятельности волокитой. Это противоправное деяние рассматривалось как менее опасная разновидность вредительства, понятие которого содержалось в части первой указанной нормы. Разграничение между ними проводилось по объективной стороне: саботаж мог быть совершен только бездействием, но главное отличие состояло в том, что это деяние не должно было содержать признаки контрреволюционного преступления, предусмотренные ст. 58.1 УК РСФСР 1926 года.

В 1927 году после принятия Постановления ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года была установлена ответственность за контрреволюционный саботаж со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата (ст. 58.14 УК РСФСР 1926 года). Необходимо отметить, что объект охраны статьи, предусматривающей ответственность за саботаж, существенно выходил за рамки экономических основ СССР и мог относиться к любой части системы управления и государственного аппарата. С точки зрения объективной стороны саботаж мог выражаться в бездействии или действиях, но ненадлежащего качества. Разграничение с халатностью и бездействием власти (ст. 111 УК РСФСР 1926 года) проводилось по цели, которая являлась обязательным признаком субъективной стороны саботажа. Необходимо отметить, что в соответствии с постановлением Пленума ВС СССР от 31 декабря 1938 г. «О применении статей 58.7, 58.9 и 58.14 УК РСФСР» суд мог признать наличие контрреволюционного саботажа и при наличии косвенного умысла, опираясь на положения ст. 58.1 УК РСФСР 1926 года. Так, Г. признан виновным в том, что, содержась по приговору суда на ОЛП № 2 Ухтижмлага НКВД и используя на общих работах, не выполнял установленные нормы выработки, а в ноябре 1941 года без уважительных причин 13 дней не выходил на работу. 26 ноября 1941 года с целью уклонения от работы и дальнейшего отбывания наказания совершил побег, но принятыми мерами розыска в этот же день был задержан. Осужден по ст. 58.14 УК РСФСР (цит. по: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 октября 2002 г. № 760п02пр. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

Субъектом саботажа выступали должностные лица или лица, на которых были возложены обязанности, имеющие существенное значение для интересов советского государства и общества. В 1930-х годах правоприменители искусственно расширили субъектный состав. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 22 мая 1933 года № 43 указано,

что сдача государству некондиционного зерна будет наказываться по ст. 58.14 УК РСФСР, при условии наличия цели срыва плана хлебозаготовки [9]. Таким образом, субъектом саботажа мог быть признан крестьянин-единоличник (кулак).

В УК РСФСР 1960 года саботаж отсутствовал, его признаки были частично включены в состав вредительства.

В то же время как по УК РСФСР 1926 г. (ст. 58.12), так и по УК РСФСР 1960 г. (ст. 88.1), было криминализовано недонесение о подобных преступлениях. К недостаткам правового регулирования недонесения следует отнести, пожалуй, отсутствие дифференциации ответственности в зависимости от того, недонесли ли о готовящемся преступлении, либо об уже совершенном (первое, очевидно, более общественно опасно в связи с потенциальной невозможностью – в том числе из-за недонесения – предотвратить негативные последствия преступления, о котором лицо не сообщает). Вопросы криминализации недонесения о подобных преступлениях, безусловно, заслуживают внимания. С одной стороны, конечно, достаточно спорно возлагать на гражданина, по сути, полицейскую обязанность. К тому же, устанавливая уголовную ответственность за недонесение, государство расписывается в своей неспособности убеждать граждан помогать ему (государству) в борьбе с терроризмом. Остается только принуждать их к этому под страхом ответственности. Здесь встает также и вопрос приоритетов, что важнее: права человека либо же безопасность, и стоит ли их ограничивать ради обеспечения общественной безопасности. Однако намерение законодателя наказывать за подобные действия заслуживает внимания. Как показывала советская (да и новейшая российская с 2016 года) практика применения подобной нормы, несмотря на латентность, она работала достаточно неплохо.

Вредительство

В УК РСФСР 1922 года вредительство определялось как «участие в организации, противодействующей в контрреволюционных целях нормальной деятельности советских учреждений или предприятий или использующей таковые в тех же целях». Такое понимание этого явления было признано неудовлетворительным и уже в 1923 году постановлением ВЦИК РСФСР от 10 июля 1922 года ст. 63 УК РСФСР 1922 года была изложена таким образом: «Противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий или соответствующее использование их для разрушения и подрыва государственной промышленности, торговли и транспорта в целях совершения деяний, предусмотренных статьей 57». Данная редакция нормы перешла в УК РСФСР 1926 года и была изменена упоминаемым выше постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года. Статья 58.7 УК РСФСР 1926 года приобрела следующий вид: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных

капиталистических организаций». В качестве объекта статьи закон устанавливал социалистическую систему хозяйствования и социалистическую собственность. Правоприменительная практика в середине 1930-х – начале 1950-х годов значительно шире трактовала объекты, которые подпадали под уголовно-правовую охрану данной нормы. Помимо собственно экономики, сюда относили государственное управление, науку, культуру и т. д. Так, одной из форм вредительства признавались ложные доносы с целью дискредитации советских людей и ослабления партийного аппарата. По сути, речь шла об аналогии уголовного закона, когда состав преступления устанавливался не на основании диспозиции конкретной статьи, а конструировался в соответствии с общей нормой, предусмотренной ст. 58.1 УК РСФСР 1926 года, содержащей определение контрреволюционных действий. Субъектом преступления могли быть как должностные лица, так и обычные граждане. Субъективная сторона могла быть совершена как с прямым, так и с косвенным умыслом (например, постановление Пленума Верховного Суда Союза ССР от 31 декабря 1938 г. «О судебной практике по делам о спекуляции», постановление Пленума Верховного Суда Союза ССР от 31 декабря 1938 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам», постановление Пленума Верховного Суда Союза ССР от 31 декабря 1938 г. «О применении ст.ст. 58.7, 58.9 и 58.14 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»).

Изменения, которые вносились в составы саботажа и вредительства, а также их расширительное толкование, применявшееся на практике, привели к тому, что провести четкое разграничение между этими двумя составами стало затруднительно. В первоначальном варианте под вредительством понимались активные действия, нарушающие нормальное функционирование народного хозяйства и отдельных его объектов, а под саботажем – бездействие специального субъекта с теми же последствиями. УК РСФСР 1960 года решил эту проблему кардинально: статья о саботаже была исключена. Вредительство в ст. 69 УК РСФСР 1960 года определялось как «действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, сельского хозяйства, денежной системы, торговли или иных отраслей народного хозяйства, а равно деятельности государственных органов или общественных организаций с целью ослабления Советского государства, если это деяние совершено путем использования государственных или общественных предприятий, учреждений, организаций либо путем противодействия их нормальной работе». Таким образом, законодатель выделял две формы вредительства: внутреннюю, когда субъект сам является частью системы, функционирование которой он пытается подорвать; и внешнюю, в случаях, когда сторонний субъект препятствует нормальной работе предприятия, организации, и т. д. [1].

Диверсия

Термин «диверсия» впервые появляется в УК РСФСР 1960 года, однако в научной литературе он используется с начала 20-х годов прошлого века в отношении ряда статей. Так, статьей 65 УК РСФСР 1922 года устанавливалась ответственность за организацию в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим спосо-

бом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений. Такая трактовка перешла в следующий Уголовный кодекс и была изменена постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 года. Статьей 58.9 УК РСФСР 1926 года диверсионный акт определялся как «разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества». Непосредственными объектами диверсии могли выступать: морской, водный и железнодорожный транспорт, отдельные фабрики и заводы, телеграф, государственное и общественное имущество и т. д. Объективная сторона могла быть совершена только действиями и предусматривала открытый перечень способов совершения диверсии. Они могли быть как общеопасными (например, взрыв, поджог), так и не являться таковыми (например, механическая порча моторов комбайна). Диспозиция статьи не предусматривала последствия в виде смерти человека (людей), однако правоприменительная практика исходила из того, что такие последствия хотя и не являлись обязательными, но при их наступлении отдельной квалификации по другим статьям УК РСФСР не требовалось. Цель диверсионного акта – ослабление военной мощи или нарушение нормальной деятельности отдельных отраслей народного хозяйства.

Законом СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был значительно преобразован состав диверсии – «совершение с целью ослабления Советского государства взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо другого вреда их здоровью, на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий», и в таком виде она появилась в ст. 68 УК РСФСР 1960 года. Как можно заметить, норма о диверсии вышла за пределы экономической безопасности и включила в себя те действия, которые в нынешнем уголовном законодательстве относятся к террористическому акту. Так же были добавлены новые формы диверсии, связанные с распространением эпидемий и эпизоотий. Здесь был учтен опыт Великой Отечественной войны. 1 июля 1994 года диверсия была декриминализована, предполагалось, что новый состав терроризма полностью включает в себя и признаки диверсии. С точки зрения юридической техники это не соответствовало действительности, поскольку, несмотря на схожесть объективной стороны и предметов посягательств, цели у этих преступлений разные. Это приняли во внимание при конструировании Уголовного кодекса Российской Федерации, тем не менее необоснованное исключение вредительства значительно снизило возможности уголовно-правовой охраны экономической и оборонной безопасности России. Вредительство и диверсия имеют ряд принципиальных отличий. *Во-первых*, диверсия совершается только путем действий, вреди-

тельство – путем как действий, так и бездействия. *Во-вторых*, диверсия, несмотря на потенциально существенный ущерб, носит локальный характер, а вредительство может затрагивать широкие экономические сферы и приводить к парализации целых отраслей (например, срыв государственного заказа). *В-третьих*, последствия от вредительства могут носить отдаленный характер, затрагивать различные сферы не только экономики, но и государственного управления, тогда как последствия диверсии можно оценить «здесь и сейчас».

Заключение

Действующее уголовное законодательство, представляется, вполне может быть усовершенствовано путем использования опыта советского периода правового регулирования уголовной ответственности за рассматриваемые преступления. Так, есть насущная потребность криминализации такого деяния, как вредительство. Деянием, совершаемым в форме бездействия, посягающим на экономическую и оборонную безопасность страны, должна быть дана надлежащая правовая оценка. Как характер, так и степень общественной опасности такого деяния (а, зачастую, и более тяжкие, пусть и в долгосрочной перспективе, негативные последствия для государства) достаточны для того, чтобы считать это преступлением. К тому же одним из оснований криминализации относится наличие положительной динамики в совершении деяний. Нестабильная международная обстановка в настоящее время является одной из причин увеличения численности таких негативных моделей поведения. Различными исследователями в качестве одного из аргументов криминализации выступает контрольно-надзорная деятельность Счетной палаты РФ (в части нарушений в хозяйственной деятельности предприятий и сумм причиненного такими нарушениями ущерба) [5, с. 124].

Также представляется правильной идея о снижении возраста уголовной ответственности за диверсию, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, а также организации диверсионного сообщества и участия в нем. Это обусловливается фактической схожестью таких явлений, как терроризм и диверсия, что дает основание для высказывания доктринальных положений о соединении этих норм в одну. Общественная опасность данных преступлений также равнозначна, что находит отражение в санкциях ст.ст. 205 и 281 УК РФ. Более того, с учетом наличия в частях второй и третьей ст. 281 УК РФ дополнительного наказания в виде ограничения свободы (и отсутствие такового в санкциях ст. 205 УК РФ), санкция ст. 281 УК РФ является даже более строгой. Однако же возраст ответственности за террористический акт составляет четырнадцать лет, тогда как диверсии – шестнадцать лет. Также следует заметить, что в последнее время увеличивается количество случаев вовлечения подростков (в том числе в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет) в поджоги военкоматов, зданий органов государственной власти, военной техники, релейных шкафов, повреждения объектов жизнеобеспечения. В некоторых случаях совершение диверсии лицом в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет заставляет правоприменителей «перескакивать» на ст. 205

УК РФ (поскольку ст. 281 УК РФ не подходит в связи с недостижением возраста). О том что молодежь является главной целевой аудиторией деструктивного воздействия, неоднократно отмечалось в доктрине [3, с. 49]. Нельзя не согласиться с авторами, утверждающими то, что «подростки и молодые люди, не до конца осознающие общественную опасность криминальных деяний, могут быть склонны к вхождению в асоциальный круг субъектов, демонстрирующих террористическое поведение» [7, с. 194]. Показательно, что Министерство просвещения РФ отметило учащающиеся в последние годы случаи вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность (в первую очередь мошенничество, а также террористические и диверсионные преступления), а также оперативно среагировало на эту тенденцию, опубликовав памятку как для родителей, так и для школьников.

Во избежание такой практики квалификации с «перескоком» (что является достаточно спорным вариантом квалификации) есть потребность снижения возраста ответственности за диверсию (а также, вероятно, за те диверсионные преступления, которые имеют «парную» норму в гл. 24 УК РФ (в частности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организация диверсионного сообщества и участие в нем)). Кроме того, следует отметить тот факт, что преступность несовершеннолетних в части совершения ими террористических актов и актов диверсий показывает неблагоприятную динамику. Так, если в 2022 году число осужденных за террористический акт несовершеннолетних составляло 6 человек, в 2024 году этот показатель составил уже 8 человек. Прирост показали также преступления, предусмотренные ст.ст. 205.2 (почти в 2 раза), 205.3, 205.5 (в 3 раза). Что касается диверсий, осужденных несовершеннолетних в 2022 году вообще не было, тогда как в 2024 году этот показатель составил уже 13 человек. В общей массе осужденных за диверсию несовершеннолетние в 2024 году составили 27 % (что намного выше средней доли осужденных несовершеннолетних по всем преступлениям – этот показатель, по разным годам, колеблется от 2 до 5 %). По отдельным террористическим преступлениям доля несовершеннолетних в общем числе осужденных также достаточно велика (так, по террористическому акту, прохождению обучения в целях осуществления террористической деятельности в 2024 году цифра составляет 9–12 %). Террористическая и диверсионная преступность молодеет, это следует отнести к одному из трендов преступности последних лет.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что, без сомнения, похвально желание законодателя реагировать на изменение общественно-политической обстановки в стране путем изменения уголовного законодательства. Однако к таким изменениям следует подходить с большой осторожностью, и продумывать их следует более тщательно. Действующее уголовное законодательство в части противодействия диверсиям является несовершенным, что снижает эффективность такого противодействия. Принятие предложенных нами изменений, как представляется, может сделать борьбу с рассматриваемыми преступлениями более эффективной.

Список литературы

1. Агузаров, Т. К. Государственные преступления в уголовном праве России в XX веке. Историко-правовые очерки / Т. К. Агузаров, Ю. В. Грачев, А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2015. – 166 с.
2. Александров, А. С. Саботаж в современной России как фактор, влияющий на безопасность государства / А. С. Александров, Е. Борзина, А. Ю. Цыганков // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2023. – № 1-1(36). – С. 24–29. doi: 10.21777/2587-9472-2023-1-24-29
3. Краткий аналитический обзор информационных угроз в период специальной военной операции / С. В. Венцель, А. В. Волощук, А. А. Гаас, Т. В. Калашкина // Обзор.НЦПТИ. – 2023. – № 2(33). – С. 49–56.
4. Демидов, М. А. Предпосылки криминализации саботажа в современной России / М. А. Демидов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2018. – № 4. – С. 106–115.
5. Кузнецов, А. П. Саботаж в российском уголовном законодательстве: история, перспективы законодательной регламентации / А. П. Кузнецов // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 121–126. doi: 10.33693/2072-3164-2024-17-3-121-126
6. Максименко, А. В. Криминализация саботажа как одной из форм диверсионной деятельности / А. В. Максименко, Р. А. Лашенко, В. Н. Юрченко // Юристы-Правоведы. – 2024. – № 4(111). – С. 166–172.
7. Нигматуллин, Р. В. Профилактика международного терроризма в сфере молодежи / Р. В. Нигматуллин, В. А. Коваленко, Э. Р. Набиева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3. – С. 194–200. doi: 10.24412/2500-1000-2022-11-3-194-200
8. Советское уголовное право. Часть особенная : учебник для юрид. вузов – Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1951. – 432 с.
9. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления / А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин, Б. С. Ошерович, А. А. Пионтковский. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 160 с.
10. Schramm, E. Challenges for Criminal Law in a Digitized World – The Solutions of German Criminal Legislation / E. Schramm // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 3. – P. 438–454. doi: 10.17516/1997-1370-0403

References

1. Aguzarov T.K., Grachev Yu.V., Chuchayev A.I. *Gosudarstvennyye prestupleniya v ugovnom prave Rossii v XX veke. Istoriko-pravovyye ocherki* [State Crimes in the Criminal Law of Russia in the 20th Century. Historical and Legal Essays], Moscow: Prospekt, 2015, 166 p. (In Russ.)
2. Aleksandrov A.S., Borzina Ye., Tsygankov A.Yu. [Sabotage in Modern Russia as a Factor Affecting State Security], *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences], 2023, no. 1-1(36), pp. 24-29. doi: 10.21777/2587-9472-2023-1-24-29 (In Russ., abstract in Eng.)
3. Ventsel' S.V., Voloshchuk A.V., Gaas A.A., Kalashkina T.V. [A Brief Analytical Review of Information Threats during a Special Military Operation], *Obzor.NTSPIT* [Review.NCPT], 2023, no. 2(33), pp. 49-56. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Demidov M.A. [Prerequisites for the Criminalization of Sabotage in Modern Russia], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2018, no. 4, pp. 106-115. (In Russ., abstract in Eng.)

5. Kuznetsov A.P. [Sabotage in Russian Criminal Legislation: History and Prospects for Legislative Regulation], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2024, vol. 17, no. 3, pp. 121-26. doi: 10.33693/2072-3164-2024-17-3-121-126 (In Russ., abstract in Eng.)

6. Maksimenko A.V., Lashchenko R.A., Yurchenko V.N. [Criminalization of Sabotage as One of the Forms of Subversive Activity], *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Pravoved], 2024, no. 4(111), pp. 166-172. (In Russ., abstract in Eng.)

7. Nigmatullin R.V., Kovalenko V.A., Nabiyeva E.R. [Prevention of International Terrorism Among Young People], *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanitarian and Natural Sciences], 2022, no. 11-3, pp. 194-200. doi: 10.24412/2500-1000-2022-11-3-194-200 (In Russ., abstract in Eng.)

8. *Sovetskoye ugolovnoye pravo. Chast' osobennaya: uchebnik dlya yurid. vuzov* [Soviet Criminal Law. Special Part: a textbook for law schools], Moscow: Gos. izdatel'stvo yurid. lit., 1951, 432 p. (In Russ.)

9. Gertsenzon A.A., Men'shagin V.D., Osherovich B.S., Piontkovskiy A.A. *Ugolovnoye pravo. Osobennaya chast'. Gosudarstvennyye prestupleniya* [Criminal Law. Special Part. Crimes against the State], Moscow: Yurid. izdatel'stvo NKYU SSSR, 1938, 160 p. (In Russ.)

10. Schramm E. Challenges for Criminal Law in a Digitized World – The Solutions of German Criminal Legislation, *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 438-454. doi: 10.17516/1997-1370-0403

Sabotage: the Soviet Experience of Legal Regulation of Criminal Liability

Yu. S. Pestereva, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Criminal and Public Law,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia;
pestereva13@yandex.ru

P. V. Poshelov, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Criminal Law and Procedure,
Siberian Law University, Omsk, Russia;
poshelov@bk.ru

A. N. Shaglanova, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Criminal and Public Law,
Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia;
shaglanova.a@yandex.ru

Through the comprehensive study of Soviet criminal laws, resolutions of the Central Executive Committee of the USSR, resolutions of the Plenum of the Supreme Soviet of the USSR, as well as the Criminal Code of the Russian Federation in current and previous editions, the article examines the Soviet and modern Russian experience in the legal regulation of criminal liability for sabotage, sabotage and sabotage. In the modern world, in the context of increasing international and interstate conflicts (including military conflicts), the number of crimes encroaching on the foundations of

the constitutional order and the security of the state (especially acts of sabotage) is sharply increasing. Official statistics on the number of people convicted of a crime under Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation confirm this thesis. This makes it necessary to study the criminal law regulation of criminal liability for sabotage and related acts in the historical aspect. This may allow us to suggest ways to improve the current legislation, which will make it possible to more effectively counteract such crimes. The article distinguishes between such phenomena as sabotage, subversion and wrecking. Based on a comparative analysis, the authors propose to improve the current criminal legislation (in particular, by criminalizing sabotage). In the course of the research, a set of different methods was used, including methods of analysis, induction and deduction, formal legal and comparative legal. The research results are both theoretical and practical. The proposals of the authors can be used by the legislator in terms of improving the current criminal legislation. The discussion of the considered issues will make it possible to draw the attention of the legislator to the development of solutions to further improve the regulation of criminal law counteraction to encroachments on the foundations of the constitutional order and the security of the state.

Keywords: sabotage; failure to report a crime; crimes against the security of the state; criminal liability.

© Ю. С. Пестерева, 2025

© П. В. Пошелов, 2025

© А. Н. Шагланова, 2025

Статья поступила в редакцию 22.09.2025

При цитировании использовать:

Пестерева Ю. С., Пошелов П. В., Шагланова А. Н. Диверсия, саботаж и вредительство: советский опыт правового регулирования уголовной ответственности // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 460 – 471. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.460-471

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Любовь Борисовна Ситдикова, д-р юрид. наук, профессор, департамент права Института экономики, управления и права, ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия;
профессор «Высшей школы правоведения» юридического факультета им. М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Москва, Россия;
lbsitdikova@mail.ru

Приведен анализ фундаментальных норм канонического права, их историческое развитие и влияние на светское право. Даны описания каждой нормы, ее практическое значение в церковной практике и вызовы, связанные с секуляризацией и глобализацией. Особое внимание уделено влиянию на светское право: заимствования в области процессуального права, семейного законодательства, прав личности и принципов верховенства права. Приведены примеры из европейских правовых систем и ограничения этого влияния в эпоху отделения церкви от государства. Показана актуальность норм для понимания правовых традиций и предложены направления для дальнейших исследований. Статья основана на анализе источников исторических трудов, способствуя междисциплинарному диалогу между религиоведением и юриспруденцией.

Ключевые слова: фундаментальные нормы; религиозное право; светское право.

Введение

В российской юридической науке проходят процессы, связанные с восстановлением некогда забытых явлений. Одним из таких явлений следует отметить, такую еще в недалеком прошлом весьма влиятельную правовую область как религиозное право. Религиозное право сыграло огромную историческую роль в процессе формирования современных правовых систем в различных частях света. Фактически, религиозное право, в форме католического церковного права стало первой общеевропейской наднациональной системой права и легло в основу сформировавшихся позднее национальных правовых систем Европы. Как правильно отмечает Е. В. Бабошина, «...религия и право выступают в виде ценностно-нормативных систем в процессе регулирования общественных отношений» [2].

Для любой правовой системы основой и гарантом ее стабильности выступают фундаментальные нормы права. В истории развития человечества всегда существовали определенные запреты, возникающие из нравственных ценностей, характерных для человека. Такие заповеди «не убей», «не укради» и другие, как нравственные ценности человека, сначала стали религиозными, а с появлением государства оформились как правовые обя-

зывающие предписания для граждан государства. Следует согласиться с выводом М. К. Кудайбергэна, что нравственные правила, запрещающие кражу, убийство и другие не были «узурпированы» ни религией, ни правом, существовали всегда и продолжают до настоящего времени регулировать общественные отношения [10]. Более того, они как фундаментальные нормы будут выполнять свои социальные функции всегда.

Обсуждение

Термин «фундаментальные нормы» возник от латинского *fundamentum*, которое означает как «основание» и обозначает такие нормы, которые задают основные принципы и структуру правовой системы, определяют ее базовые ценности и основные направления развития. Они обладают высшей юридической силой, служат источником для всех последующих норм и регулируют отношения, лежащие в основе функционирования общества и государства. Таким образом, фундаментальные нормы права, как базовые нормы, позволяют на своей основе выстраивать всю систему правового регулирования. Эти нормы часто закрепляются в конституциях государств и международных договорах. Именно конституционные нормы формируют основу для всех последующих нормативных актов и регулируют отношения между государством и гражданами.

В классической юридической теории фундаментальные нормы рассматриваются как «нормы-основы», на которых строится вся система права. Они не только задают правила поведения, но и обеспечивают легитимность и целостность правовой системы. В ряде концепций фундаментальная норма понимается как гипотетическая «норма-основа». Яркими представителями данных концепций являются такие выдающиеся правоведы как К. Бергбом и Г. Ф. Шершеневич [14]. На основе этой методологии сформировалась теория нормативизма, ярким представителем которой явилась концепция «чистого права» австрийского правоведа Ганса Кельзена [17]. Не случайно современное европейское конституционное правосудие основано на модели Ганса Кельзена, который явился автором Конституции Австрии 1920 года [20]. Следует согласиться с С. А. Хмелевской, которая, исследуя нормативизм в теории права, обозначает задачу права – приблизить мир реальный к миру правового идеала, разрешая противоречия между должным и сущим [19].

Нормы права как специфический регулятор общественных отношений возникает в тот момент, когда иные регуляторы по тем или иным причинам не могут эффективно урегулировать соответствующие отношения. Здесь можно наблюдать и обратный эффект в случае, когда нормы права не могут обеспечивать общественные потребности и общество обращается к иным нормам, если они позволяют удовлетворить его потребности. Специфическая сфера регулирования нормами права предполагает наличие собственно-юридических явлений, институтов, дефиниций [5].

Вышесказанное позволяет обозначить несколько ключевых функций фундаментальных норм. Функции фундаментальных норм, имея тесную связь с социальными функциями, позволяют их рассматривать через призму ключевых функций социальных норм. В первую очередь это регу-

лятивная функция. Она определяет основные правила и принципы, по которым строится вся правовая система, задает рамки для издания и применения конкретных норм. Следующая – интегративная функция, которая обеспечивает целостность и согласованность правовой системы, связывая различные ее элементы в единую структуру. Некоторые авторы обозначают ее как интегрирующую функцию [4, с. 26]. Функция легитимизации служит источником легитимности для всех последующих норм и правоприменительных актов, обеспечивая признание и уважение права в обществе. Стабилизирующая функция позволяет сохранять устойчивость и преемственность права, несмотря на изменения в социально-политической обстановке.

В религиозно-правовом контексте эти функции приобретают дополнительное измерение. В религиозной корреляции фундаментальные нормы приобретают свою специфику. Религии как социальной системе свойственны такие же ключевые функции, при этом они имеют определенные особенности. Регулятивная функция как самая важная социальная функция присуща также всем религиозным системам и находит свое выражение как в религиозном сознании, так и в отношениях внутри религиозной общины ее деятельности и организациях. Как отмечают авторы, в религиозном сознании регулятивная функция проявляет себя через формирование ценностей и норм [4, с. 26].

Религии также свойственна такая функция фундаментальных норм, как легитимация. Религия оказывает воздействие в границах установленного пространства, которое составляют ее последователи, реально и повседневно выполняющие религиозные предписания и нормы.

Фундаментальные нормы не только регулируют поведение, но и поддерживают религиозную идентичность и духовную связь верующих с божественным законом [4, с. 22]. Рассматривая роль фундаментальных норм в религии, следует отметить, что религиозные нормы выступают в качестве одного из элементов религии наравне с религиозным сознанием (вера, убеждение), религиозными культурами (ритуалы, обряды) и религиозными организациями. Поэтому религиозные нормы можно обозначить как правила поведения (предписания), обязательные для их последователей (верующих). Эти предписания обладают всеми качествами нормативности, так как издаются и реализуются посредством официально принятого порядка и процедуры.

Как установлено нами ранее, в классической юридической теории фундаментальные нормы рассматриваются как «нормы-основы», на которых строится вся система права. Система права сама по себе не дает полной картины формирования исторических и национальных особенностей, идеологической обоснованности, осуществления и тенденций развития правового регулирования общественных отношений. Правовая же система позволяет охватить все юридические явления не только в их совокупности, но и во взаимодействии и взаимовлиянии. Что позволяет сделать вывод о том, что правовая система как понятие и явление значительно шире, чем система права [6].

В научном мире отмечается существование двух основных подходов к пониманию правовой системы – широким и узким [7]. В нашем исследо-

вании будем исходить из широкого его понимания, где правовая система рассматривается как совокупность правовых явлений, составной частью которых выступает система права. В юридической литературе приводятся различные дефиниции правовой системы, однако принципиальной разницы исследователи в своих определениях не приводят. Будем исходить из следующего определения – «Правовая система – это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны или государства» [21].

Различные правовые системы формируют общественные отношения. Конкретные правовые системы различных государств формируются под воздействием различных объективных и субъективных факторов. Например, в англосаксонской (общей) правовой системе фундаментальные нормы представлены как совокупность конституционных принципов, прецедентов и обычаев, которые формируют основу права. В Великобритании отсутствует единый письменный конституционный акт, однако принципы верховенства права, парламентского суверенитета и защита прав личности закрепляются через судебные решения и исторические документы (Магна Карта 1215 года, Билль о правах 1689 года – законодательный акт, принятый парламентом Англии). В США – это Конституция США 1787 года и Билль о правах – фундаментальные нормы, гарантирующие свободу слова, религии, право на справедливый суд.

В качестве одной из разновидностей правовых систем следует указать и обычное право (традиционные общества). Под обычным правом понимаются устные обычаи и традиции, регулирующие социальные отношения и разрешение споров (например, у коренных народов). Некоторые исследователи под понятием «обычное право» обозначают совокупность правил поведения, ставших внутренним убеждением членов традиционного общества. Они рассматривались членами социума как непреложные, и были призваны отстаивать интересы всякого индивида независимо от пола и возраста, то есть этноса в целом, этнокультурных ценностей, принципов солидарности, справедливости, а также коллективизма социальных взаимоотношений [13].

В юридической науке также рассматривается дефиниция «правовой обычай» как наиболее древний источник (форма) права. Указывается, что он возник одновременно с государством и на первых этапах социального развития был основным. Не углубляясь в особенности терминологических определений и выяснения соотношения этих дефиниций, остановимся в своем исследовании на первом и основном подходе, где правовые обычаи и их разновидности (обычай делового оборота, торговый обычай и прочее) отождествляются с обычным правом [16].

В качестве еще одной из разновидностей правовых систем следует указать религиозные правовые системы. Фундаментальные нормы имеют определенные особенности и в религиозно-правовых системах.

Рассматривая фундаментальные нормы как регулятор, следует еще раз заметить, что его назначение заключается в утверждении регулятивных правовых норм, оказывающих правовое воздействие на общественные отношения. Фундаментальные правовые нормы регулируют общественные

отношения во взаимодействии с иными нормами регулирования социальной системы. Одним из таких элементов данной системы выступает религия в части своих ценностно-нормативных установлений [2].

В религиозно-правовых системах фундаментальные нормы имеют трансцендентный источник, то есть находящийся за пределами обычного понимания и опыта, – это божественное откровение. Фундаментальные нормы служат основой для формирования религиозно-правовых систем, задавая основные принципы и ценности. Например, запрет на убийство и уважение к жизни являются фундаментальными нормами, которые находят отражение в шариате, галахе и каноническом праве. Фундаментальные нормы также влияют и на развитие религиозно-правовых систем.

В исламском праве (шариате) основой служат нормы Корана и хадисов. Например, запреты на ростовщичество и нормы наследования закреплены в Коране и имеют обязательную силу для мусульман. Моральные и этические нормы, вытекающие из религиозных учений, формируют основу религиозного права. В исламском праве, например, принципы справедливости и милосердия играют ключевую роль в регулировании отношений. Следует заметить, что принцип справедливости весьма субъективен. Субъективизм принципа справедливости отразился в шариате. Поэтому мусульманское правосудие всегда опиралось на принципы, предписанными Кораном, Сунной и другими источниками исламского права. Принцип справедливости в мусульманском праве, как в целом и в других правовых системах нашего времени, рассматривается в этическом контексте, который связывается с нормами морали в качестве юридической категории вследствие закрепления его в законодательстве, и осмысленно, когда анализ справедливости основывается на позиции допустимости в поведении [1, 18].

В иудаизме Тора и Талмуд регулируют как религиозные, так и светские аспекты жизни, включая вопросы брака, собственности и уголовного права. В иудаизме акцент делается на заповедях и соблюдении божественного закона. Заповеди (мицвот) являются основой религиозной жизни и представляют собой божественные законы, данные Богом через Моисея в Торе (Пятикнижии). Соблюдение этих заповедей является обязательством для каждого еврея и рассматривается как путь к духовному росту и связи с Богом.

В Ветхом Завете формулируются правила поведения, которые обладают всеми признаками юридических норм: уголовно-правовых, гражданско-правовых и процессуальных. Не случайно соответствующий раздел Библии евреи называли Торой (Законом). Ветхозаветные нормы устанавливают ответственность за преступления против личности, частной собственности (к которой относились и рабы) и религии. Исполнение их предписаний обеспечивается средствами, присущими правовым, а не религиозным нормам [8].

В христианском каноническом праве фундаментальные нормы отражены в церковных канонах, определяющих организацию церкви и морально-этические стандарты. В христианском праве принципы любви и прощения являются наиболее важными, они занимают центральное место и оказывают значительное влияние на формирование этических и пра-

вовых норм. Появление этих принципов связывают с учением Иисуса Христа, который подчеркивал важность милосердия, сострадания и необходимость примирения в отношениях между людьми. Принцип прощения необходим для восстановления гармонии в обществе, через реализацию идеи освобождения от обид и вражды. Так, в последнее воскресенье перед началом Великого поста наступает Прощеное воскресенье. В Прощеное воскресенье православные христиане просят друг у друга прощения за причиненные обиды, вольные и невольные. Исторически эти принципы нашли свое выражение в каноническом праве – системе церковных законов, которая регулировала не только внутренние церковные дела, но и имела влияние на светское право в христианских странах. Каноническое право поощряло примирение сторон, введение мер покаяния и духовного исправления вместо суровых наказаний.

Таким образом, принципы любви и прощения в христианском праве выступают не просто этическими установками, а фундаментальными нормами, формирующими гуманистический подход к правосудию, основанный на милосердии и стремлении к восстановлению справедливости через примирение.

В буддизме в классическом понимании правовая система, аналогичная светским или религиозным правовым системам авраамических религий, отсутствует. Вместо этого буддизм предлагает своды правил и этических норм в первую очередь для монахов и монахинь (Винайя), а также моральные предписания для мирян.

Однако в исторической перспективе в некоторых буддийских обществах существовали формы правового регулирования, основанные на буддийских принципах. В таких странах, как Тибет, Шри-Ланка, Таиланд и Мьянма, буддийские учения о справедливости, карме и нравственности оказывали значительное влияние на светское законодательство и судебную практику.

В Тибете, например, до середины XX века действовала теократическая система, где духовные лидеры (Далай-лама и монашеская иерархия) обладали и религиозной и светской властью, что фактически создавало особую форму религиозно-правового управления. В таких системах буддийские нормы могли использоваться для регулирования семейных отношений, уголовного права и административных вопросов, но при этом формальные кодифицированные правовые системы, как в шариате или каноническом праве, отсутствовали.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что буддизм не имеет универсальной религиозной правовой системы как таковой, но его учения и нормы в ряде исторических и культурных контекстов становились основой для правового регулирования и общественной организации.

Таким образом, в религиозно-правовых системах фундаментальные нормы имеют особое значение, так как они часто исходят из священных текстов и религиозных догматов, придавая праву сакральный характер. Они не только регулируют общественные отношения, но и отражают ду-

ховные и моральные ценности религии, объединяя правовое и этическое измерения.

Фундаментальные нормы не только определяют содержание религиозно-правовых систем, но и влияют на их интерпретацию и применение. Под воздействием фундаментальных норм происходит эволюция религиозно-правовых систем. Исторически религиозно-правовые системы развивались под влиянием изменений в фундаментальных нормах и общественных условиях. В современном мире религиозно-правовые системы сталкиваются с вызовами, порождаемыми приоритетом прав человека, глобализации и секуляризации. Эти процессы требуют переосмысления фундаментальных норм и их роли как в религиозном, так и в светском праве.

Рассматривая положительные аспекты взаимодействия религиозно-правовых норм с государственным правом, следует отметить и наличие ряда проблем в подходах к фундаментальным ценностям, а также целям и методам общественных отношений.

Эти конфликты проявляются в различных сферах общественной жизни, от семейного права до вопросов свободы совести и прав человека. Так, во Франции действует закон 2004 года, запрещающий ношение в государственных школах явных религиозных символов (хиджаб, крестики, кипы). Закон отражает принцип секуляризма, доминирующий во французской правовой системе, который стремится отделить религию от государства [3, 15].

В качестве одной из основных проблем следует указать проблему конфликта норм. Эта одна из наиболее сложных и многогранных тем в области права, социологии и религиоведения. Она возникает там, где светские законы и религиозные предписания вступают в противоречие, вызывая споры о приоритете норм, правах личности и свободе вероисповедания. Иногда религиозные предписания могут противоречить светским законам, например, в вопросах прав женщин, свободы выражения или уголовного наказания. В некоторых странах религиозные брачные обряды и разводы могут не признаваться государством, либо религиозные нормы о браке (например, запрет на развод) конфликтуют с правом граждан на развод по светским законам.

Семейные отношения – одна из наиболее чувствительных сфер, где религиозные нормы часто противоречат светскому законодательству, особенно в вопросах брака, развода и опеки над детьми. Например, в Индии действует система личных законов, которые регулируют семейные отношения в зависимости от религиозной принадлежности. Например, мусульмане подчиняются мусульманскому личному праву (Шариат), которое допускает полигамию и регулирует разводы по религиозным нормам (например, через процедуру «талака»). Однако государство признает только те религиозные браки и разводы, которые соответствуют определенным юридическим требованиям.

В Германии, как и в России, религиозные браки сами по себе не имеют юридической силы. Чтобы брак был признан государством, необходимо зарегистрировать его в органах гражданского состояния. Религиозная церемония может проводиться, но только после государственной регистрации. Религиозная церемония в Италии считается законной при условии,

что она совершается по всем обычаям католическим священником. Поэтому отдельной гражданской церемонии после свадьбы не требуется [11].

В Израиле вопросы брака и развода регулируются религиозными судами разных конфессий (иудейские, мусульманские, христианские), так как в стране существует система параллельной юрисдикции между религиозными и гражданскими судами. Так как подавляющее число населения Израиля составляют евреи, то большинство норм в области супружеского права исполняется в соответствии с решениями религиозного суда – раввината [12].

В некоторых странах религиозные нормы оказывают существенное влияние на уголовное законодательство. Например, в Пакистане за богохульство предусматривается суровое наказание, что входит в противоречие с определенными стандартами поведения, разрешенными в европейских странах.

В США возникают острые конфликты между различными религиозными группами относительно права на аборт. Законодательство штатов по-разному решают данный вопрос, отражая сложные процессы взаимодействия между светским правом, отражающим право женщин на выбор, и религиозными убеждениями за защиту жизни с момента зачатия [9].

Подводя итог, следует отметить, что фундаментальные нормы имеют тесное взаимодействие как с фундаментальными религиозными нормами, так и с государственным правом, что является важным фактором развития государственно-правовых систем и социальной гармонии в обществе. При этом существенное влияние на формирование этических основ права, способствующих гуманизации правосудия и поддержанию общественного порядка, оказывают религиозные нормы как носители фундаментальных норм. При всех положительных моментах такого влияния, эффективное взаимодействие требует учета принципов светскости, равенства и прав человека. Только на этой основе возможно построение справедливого и толерантного общества.

Список литературы

1. Акиева, С. И. К вопросу о принципе справедливости в мусульманском праве / С. И. Акиева, А. Б. Геккиев // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 2(182). – С. 46–50.
2. Бабошина, Е. В. Право и религия: теоретико-правовые аспекты взаимодействия / Е. В. Бабошина // *Юрист-Правовед*. – 2009. – № 5. – С. 33–37.
3. Бабошина, Е. В. Правовая политика стран западной Европы в сфере профессиональных отношений / Е. В. Бабошина // *Философия права*. – 2010. – № 1(38). – С. 62–65.
4. Багаева, К. А., Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности / К. А. Багаева, Д. Ш. Цырендоржиева // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2023. – № 1. – С. 18–30.
5. Бошко, С. В. Нормы права: понятие, свойства, классификация и структура / С. В. Бошко // *Право и современные государства*. – 2014. – № 4. – С. 49–60.
6. Вишневский, А. Ф. Теоретическая юридическая наука о понятии и классификации правовых систем / А. Ф. Вишневский, М. А. Пашкеев // *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. – 2021. – № 1(41). – С. 186–195.
7. Гайдидей, Ю. М. Правовая система: понятие и признаки / Ю. М. Гайдидей // *Юридическая наука*. – 2014. – № 3. – С. 13–15.

8. Горностаева, Л. Г. Мировые религии: морально-правовой дискус : монография / Л. Г. Горностаева. – Москва : Изд-во РАП, 2013. – 150 с.
9. Емелин, М. Ю. Свобода религии как средство защиты права на аборт в судебной практике США / М. Ю. Емелин, Б. В. Николаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4(56). – С. 26–33.
10. Кудайбергэн, М. К. Взаимодействие религиозных норм и норм права в духовном формировании / М. К. Кудайбергэн // Вестник Казахстано-Американского свободного университета. – 2009. – № 4. – С. 61–66.
11. Кузнецова, В. А. Перспективы легализации религиозного брака в России. Сравнение с законодательством Италии / В. А. Кузнецова // Молодой ученый. – 2022. – № 19(414). – С. 270–272.
12. Ливиев, Н. М. Дуализм системы норм института брака в Государстве Израиль / Н. М. Ливиев // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 136–147.
13. Медведева, Т. Н. К вопросу о сущности обычного права / Т. Н. Медведева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2016. – № 17. – С. 109–112.
14. Петров, А. В. Юридический позитивизм в научных концепциях К. Бергбома и Г.Ф. Шершеневича / А. В. Петров, Д. С. Асташов // История государства и права. – 2017. – № 15. – С. 48–53.
15. Трофимов, С. В. Конфликт светского общества и религии: от одиннадцатого сентября Нью-Йорка к черной пятнице Парижа / С. В. Трофимов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 175–192. doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-175-192
16. Трофимов, Я. В. Понятие «обычное право»: современные тенденции, перспективы развития в цивилистических и других юридических науках / Я. В. Трофимов, С. Ю. Краснов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2011. – № 2(15). – С. 135–143.
17. Фролова, Е. Источники права: теоретико-философский аспект / Е. Фролова // Источники на право – съвременни национално- и международноправни перспективи: сборник с доклади от конференция по проект «Йерархия и координация на източниците на право в съвременните национални правни системи на Русия и България», финансиран от ФНИ към МОН на Република България. – София : Университетско издателство Св. Климент Охридски, 2022. – С. 37–47. – URL : https://case.asu.ru/files/form_312-44735.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
18. Хайруллоев, Ф. С. Принцип справедливости – основа мусульманских брачно-семейных отношений мусульман России (правовой аспект) / Ф. С. Хайруллоев // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 458–461.
19. Хмелевская, С. А. Нормативизм в теории права: многообразие аспектов / С. А. Хмелевская // Пробелы в российском законодательстве. – 2025. – № 1. – С. 45–49.
20. Хорин, Е. М. Нормативистское теория права Г. Кельзена (Обзор) / Е. М. Хорин. – С. 48–64. – URL : https://xstud.ru/179138/pravovedenie/normativistskaya_teoriya_prava_kelzen (дата обращения: 12.06.2025).
21. Щечоев, В. К. Теория государства и права : учебник / В. К. Щечоев, А. Р. Швандерова. – Москва : Прометей, 2017. – 330 с.

References

1. Akiyeva S.I., Gekkiyev A.B. [On the Principle of Justice in Muslim Law], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2020, no. 2(182), pp. 46-50. (In Russ., abstract in Eng.)

2. Baboshina Ye.V. [Law and Religion: Theoretical and Legal Aspects of Interaction], *Yurist"-Pravoved"* [Jurist-Pravoved], 2009, no. 5, pp. 33-37. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Baboshina Ye.V. [Legal Policy of Western European Countries in the Sphere of Confessional Relations], *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2010, no. 1(38), pp. 62-65. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Bagayeva K.A., Tsyrendorzhiyeva D.Sh. [Social Functions of Religion and the Specifics of Their Implementation in Modern Conditions], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2023, no. 1, pp. 18-30. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Boshko S.V. [Legal Norms: Concept, Properties, Classification, and Structure], *Pravo i sovremennyye gosudarstva* [Law and Modern States], 2014, no. 4, pp. 49-60. (In Russ., abstract in Eng.)
6. Vishnevskiy A.F., Pashkeyev M.A. [Theoretical Legal Science on the Concept and Classification of Legal Systems], *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus], 2021, no. 1(41), pp. 186-195. (In Russ., abstract in Eng.)
7. Gaydidey Yu.M. [Legal System: Concept and Features], *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2014, no. 3, pp. 13-15. (In Russ., abstract in Eng.)
8. Gornostayeva L.G. *Mirovyye religii: moral'no-pravovoy diskus: monografiya* [World Religions: Moral and Legal Discus: Monograph], Moscow: Izdatel'stvo RAP, 2013, 150 p. (In Russ.)
9. Yemelin M.Yu., Nikolayev B.V. [Freedom of Religion as a Means of Protecting the Right to Abortion in US Judicial Practice], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences], 2020, no. 4(56), pp. 26-33. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Kudaybergen M.K. [Interaction of Religious Norms and Legal Norms in Spiritual Formation], *Vestnik Kazakhstansko-Amerikanskogo svobodnogo universiteta* [Bulletin of the Kazakh-American Free University], 2009, no. 4, pp. 61-66. (In Russ., abstract in Eng.)
11. Kuznetsova V.A. [Prospects for the Legalization of Religious Marriage in Russia. Comparison with Italian Legislation], *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2022, no. 19(414), pp. 270-272. (In Russ., abstract in Eng.)
12. Liviyev N.M. [Dualism of the System of Norms of the Institution of Marriage in the State of Israel], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, vol. 17, no. 4, pp. 136-147. (In Russ., abstract in Eng.)
13. Medvedeva T.N. [On the Question of the Essence of Customary Law], *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov], 2016, no. 17, pp. 109-112. (In Russ., abstract in Eng.)
14. Petrov A.V., Astashov D.S. [Legal Positivism in the Scientific Concepts of K. Bargbohm and G. F. Shershenevich], *Istoriya gosudarstva i prava* [History of the State and Law], 2017, no. 15, pp. 48-53. (In Russ., abstract in Eng.)
15. Trofimov S.V. [Conflict between Secular Society and Religion: From September 11th in New York to Black Friday in Paris], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science], 2018, vol. 24, no. 1, pp. 175-192. doi: 10.24290/1029-3736-2018-24-1-175-192 (In Russ., abstract in Eng.)
16. Trofimov Ya.V., Krasnov S.Yu. [The Concept of "Customary Law": Current Trends and Development Prospects in Civil and Other Legal Sciences], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence], 2011, no. 2(15), pp. 135-143. (In Russ., abstract in Eng.)

17. Available at: https://case.asu.ru/files/form_312-44735.pdf (accessed 15 June 2025).

18. Khayrulloev F.S. [The Principle of Justice – the Basis of Muslim Marital and Family Relations of Muslims in Russia (Legal Aspect)], *“Chernyye дыry” v rossiyskom zakonodatel'stve* ["Black Holes" in Russian Legislation], 2006, no. 3, pp. 458-461. (In Russ., abstract in Eng.)

19. Khmelevskaya S.A. [Normativism in Legal Theory: A Diversity of Aspects], *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2025, no. 1, pp. 45-49. (In Russ., abstract in Eng.)

20. Available at: https://xstud.ru/179138/pravovedenie/normativistskaya_teoriya_prava_kelzen (accessed 12 June 2025).

21. Tsechoyev V.K., Shvanderova A.R. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: textbook], Moscow: Prometey, 2017, 330 p. (In Russ.)

Fundamental Norms as a Factor in the Development of Religious Legal Systems

L. B. Sitdikova, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
Department of Law, Institute of Economics, Management, and Law,
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
Professor, Higher School of Law, M.M. Speransky Faculty of Law,
Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
lbsitdikova@mail.ru

This article analyzes the fundamental norms of canon law, their historical development, and their influence on secular law. It also describes each norm, its practical significance in church practice, and the challenges associated with secularization and globalization. Particular attention is paid to the influence of secular law: borrowings in the areas of procedural law, family law, individual rights, and the principles of the rule of law. Examples from European legal systems and the limitations of this influence during the era of separation of church and state are provided. The relevance of norms for understanding legal traditions is demonstrated and avenues for further research are suggested. The article is based on the analysis of historical sources, promoting an interdisciplinary dialogue between religious studies and jurisprudence.

Keywords: fundamental norms; religious law; secular law.

© Л. Б. Ситдикова, 2025

Статья поступила в редакцию 18.09.2025

При цитировании использовать:

Ситдикова Л. Б. Фундаментальные нормы как фактор развития религиозно-правовых систем // *Право: история и современность.* – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 472 – 482. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.472-482

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТОРГОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДВОРЯНСКОГО БАНКА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – 1918 гг.)

Сергей Анатольевич Фролов, канд. ист. наук, доцент,
заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия; seif.saf@rambler.ru

Елена Евгеньевна Орлова, канд. юрид. наук, доцент,
директор Юридического института, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», Тамбов, Россия;
elenaorlowa@yandex.ru

Введение. Показаны актуальность тематики и точки зрения современных исследователей, обосновывающих правовые основы функционирования Дворянского банка и воздействие Первой мировой войны на помещичье хозяйство и революционные события 1917 г.

Цель. Проанализировать содержание архивных источников для исследования правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности Дворянского банка и выявления практических особенностей предоставления льгот неисправным заемщикам на основе ходатайств в условиях военного времени; охарактеризовать систему образования «торгового присутствия», предусмотренную в деятельности Дворянского банка не только для подготовки имений неисправных заемщиков к продаже, но и снятия имений с торгов.

Методы. Используются методы правового исследования, в числе которых анализ нормативно-правовой базы, обеспечивающей процедуру осуществления торгов в деятельности Дворянского банка, сравнительно-правовой, демонстрирующий особенности предоставления льгот неисправным заемщикам в мирное время и в условиях Первой мировой войны.

Результаты. Установлено, что Тамбовскому отделению Дворянского банка уже с момента начала Первой мировой войны пришлось столкнуться с большим количеством ходатайств от неисправных заемщиков по предоставлению льгот. Исследование работы «торгового присутствия» свидетельствовало о наличии единичных случаев продажи имений с торгов, несмотря на качественную подготовку правового обеспечения данной процедуры. С момента начала революционных событий 1917 г. и разгрома некоторых имений совет банка дополнительно предоставлял данным категориям заемщиков рассрочку в платежах.

Выводы. Практические аспекты правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности банка в годы Первой мировой войны свидетельствовали о льготном характере кредитования имений. В результате ипотечный кредит был востребован представителями потомственного дворянства Российской империи вплоть до ликвидации банка в 1918 г.

Ключевые слова: Дворянский банк; заемщики; льготные меры; торговое присутствие; уплата недоимок; устав банка.

Введение

Актуальность изучения рассматриваемой тематики обусловлена вниманием современных ученых, таких как Р. В. Федосеев, к вопросу правовых основ деятельности Дворянского банка [8], и Э. Д. Богатырев, исследовавший специфику процедуры выдачи ссуд в конце XIX – начале XX вв. на региональном уровне [1].

Заемщики Дворянского банка в годы Первой мировой войны оказались под воздействием ряда негативных факторов. Как указывает Р. М. Житин, «одной из самых важных проблем, остро вставших перед помещичьим хозяйством в 1914 г., было обеспечение имений рабочей силой» [4, с. 14]. К. В. Самохин дополняет вышеприведенные аргументы тезисом: «Первая мировая война привела к более существенным последствиям для Российской империи. Главным из них являются революционные события 1917 г., которые изменили сущность Российского государства» [5, с. 1319].

Учитывая выявленные точки зрения современных ученых, изучение практических аспектов правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности Дворянского банка в условиях Первой мировой войны является весьма актуальным аспектом для научного исследования.

Методы

В рамках исследования были применены методы анализа нормативно-правовых документов, обеспечивающих документооборот в ходе осуществления торгов в деятельности Дворянского банка, и сравнительно-правовой, раскрывающий практические аспекты правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности банка в условиях мирного и военного времени.

Результаты и обсуждение

Начавшаяся Первая мировая война стала «историческим вызовом», ухудшившим экономическое положение в стране. В результате на основе закона от 23 июля 1914 г. деятельность Дворянского банка сокращалась. В соответствии с ним, ссуды под имения, впервые предъявляемые к залогоу в Дворянский банк, могли выдаваться только по нормальной оценке, а ссуды для перезалога возможны были не ранее истечения пяти лет со времени предыдущего залога имения в банке [6, с. 65].

Исследование архивных источников из фонда Дворянского земельного банка свидетельствует о высоком росте задолженностей по платежам банку в начальный период войны, так как дворянские имения испытывали острый дефицит рабочей силы, в результате чего наемный труд резко подорожал. Вследствие этого на имя управляющего Тамбовским отделением банка поступали ходатайства с просьбой отсрочки платежей. В подавляющем большинстве случаев заемщики просили об отсрочке в связи с их призывом в действующую армию [2, Д. 7359, Л. 53].

На основе юридических фактов, содержащихся в архивном источнике – «Няряде о торгах», можно подтвердить всю проблемность ситуации.

Двадцать восьмого ноября 1914 г. в Тамбовское отделение банка поступило заявление от доверенного лица А. Н. Папихина о том, что заемщик по ссуде № 31399 А. Л. Ширинкин с пятого ноября 1914 г. отправлен в действующую армию. По этой причине заявитель просил отделение банка в отсрочке платежей до возвращения заемщика из действующей армии. Первого декабря 1914 г. заемщик лично в письменном виде ходатайствовал об отсрочке платежей и снятии с торгов имения при селе Волчак Козловского уезда [2, Д. 7359, Л. 53, 61]. Чуть раньше – двадцать пятого ноября 1914 г. управляющему Тамбовским отделением поступило прошение от заемщика С. О. Кукуран о снятии имения с торгов. Его заложенное по ссуде № 31115 имение было назначено в продажу с торгов за неуплату 2350 рублей по процентам. В указанное время внесение процентов признавалось невозможным, так как главный источник дохода – аренда крестьянами земли прекратилась по причине войны. Хлеб урожая 1914 г. был испорчен дождями, шедшими во время уборки, и обмолоченное зерно «согрелось в амбарах». Брать заем у частных лиц С. О. Кукуран не хотел, так как это обстоятельство легло бы на него еще более тяжким бременем. Между тем положение имения требовало усиленных расходов, так как всю площадь имения приходилось обрабатывать самостоятельно [2, Д. 7359, Л. 96].

Восьмого декабря 1914 г. под председательством управляющего отделением банка П. А. Афремова было образовано «торговое присутствие». К его открытию оставались не снятыми с торгов двадцать семь имений. Однако учитывая обстоятельства начала Первой мировой войны и участия в ней Российской империи, все вышеуказанные имения были сняты с торгов [2, Д. 7359, Л. 103, 106].

Правовым обеспечением процедуры образования «торгового присутствия» являлся Устав Дворянского банка [7]. На основании статьи 25 приложения к статье 68 Устава банка, за три дня до торгов должно быть образовано «торговое присутствие» с передачей на него всех подготовительных к торгам работ. При этом в ее состав входили: управляющий отделением и два ее представителя. В рамках делопроизводства оно вело журнал, с занесением в него всех своих решений и распоряжений. Среди них имеются определения «торгового присутствия», в которых указываются причины, по которым имение освобождается от продажи, такие как уплата недоимки, вследствие разрешенной советом банка льготы. После окончания торгов отделение банка сообщало центральному управлению телеграммой о результатах торгов [2, Д. 3882, Л. 1об., 2]. Тем самым правовым основанием для осуществления делопроизводства «торговым присутствием» являлась общая процедура назначения имений неисправных заемщиков в продажу.

Руководствуясь статьей 68 Устава банка и приложения к ней, имения за невзнос причитающихся Дворянскому банку платежей назначались советом банка в продажу с публичных торгов. Имение обращалось в продажу в полном его составе, со всеми находящимися в нем лесами, садами, постройками, всякого рода скотом, сельскохозяйственными орудиями и т.д. Торг начинался с общего итога сумм, причем к этой общей сумме добавлялись недоимки в казенных, земских, дворянских сборах, публикационные и все другие расходы банка за счет заемщика на день осуществ-

ления торгога. Именья продавались с переводом на покупателя остатков капитального, особого и беспроцентного долгов, вместе с недоимкой текущего ко дню торгога полугодия и начисленной на нее пеней. Торги произво-дились устно, с правом участия в них посредством письменных объявлений о предлагаемой за имение цене. Каждый желающий торговаться дол-жен предоставить залог в размере не менее суммы, за неплатеж которой имение продавалось. В залог принимались: наличные деньги, билеты го-сударственного казначейства и вкладные билеты Государственного банка, государственные и гарантированные Правительством процентные бумаги. Лицо, за которым осталось имение, обязано было внести в отделение бан-ка предложенную им на торгах за имение цену, за вычетом из нее внесен-ного залога и суммы долга банку, подлежащей переводу на покупателя [2, Д. 4815, Л. 150].

Исследование «Наряда о торгах» за 1915 г. свидетельствует о необхо-димости продления предоставления заемщикам дополнительных льгот в условиях военного времени. Шестнадцатого июня 1915 г. князь С. А. Ку-гушев подал представление в Тамбовское отделение банка. По причине нахождения его в действующей армии он просил об отсрочке платежей по ссуде № 30201 на землю, принадлежащую ему совместно с дворянкой М. А. Гальберг в Темниковском и Елатомском уездах при деревне Котов. Двадцать седьмого июля 1915 г. торговый отдел Дворянского банка уве-домлял заемщиков об освобождении их имения с публикации торгов при условии уплаты до двадцатого сентября 1915 г. в счет недоимок 110 руб., вместо 216 руб. 41 коп. Остальная часть недоимок должна быть уплачена к первому ноября 1915 г. [2, Д. 7454, Л. 4, 6].

В прошении от 1915 г. жены заемщика П. А. Красивского содержался призыв о немедленном освобождении от платежей по ссуде № 101404, в том числе и пени. Заемщик был первого января 1915 г. призван в дейст-вующую армию, дом на его земле сгорел и не был застрахован, а арендатор не вносил своевременно оплату. В ответе Тамбовское отделение признавало возможным снять заложенную землю с предстоящих двадцать восьмого но-ября 1915 г. торгов при условии своевременной до торгога уплаты в счет не-доимок шестидесяти рублей. Остальная часть недоимки должна быть упла-чена одновременно со следующим платежом [2, Д. 7454, Л. 56, 57].

Более состоятельные заемщики также подавали прошения на имя управляющего Дворянским банком. В 1915 г. земледелица Тамбовского уезда А. Н. Грушецкая, не имея возможности уплатить недоимку по трем ссудам, просила не допускать заложенное имущество к продаже. Ее аргу-ментами были проливные дожди в течение всей уборки, которые погубили шестьсот десятин овса и семьсот десятин ржи. Заемщица четыре года на-зад потратила семьдесят тысяч рублей на постройку винокуренного заво-да, но производство спирта было прекращено, винокурение сокращено. Данные причины в своей совокупности значительно снизили платежеспо-собность А. Н. Грушецкой. В дополнение, на войну ушли все трое сыно-вей, муж, занимая должность генерал-майора, постоянно находился в разъездах по надзору за подготовкой конских запасов Московского, Ка-занского и Одесского военных округов, управляющие взяты на военную службу, старослужащих не осталось. Пятого ноября 1915 г. Тамбовское от-

деление банка уведомляло о возможности снятия заложенного имущества с торгов по ссудам № 87176, 31032 и 31033 при условии уплаты в счет недоимок двенадцати тысяч рублей, а оставшиеся восемь тысяч рублей должны быть внесены до пятнадцатого февраля 1916 г. [2, Д. 7454, Л. 85, 86].

В Центральное управление банка поступали прошения и от лиц, купивших имение неисправного заемщика с торга. Губернский секретарь Н. В. Степанов, проживающий в г. Тамбове, приобрел с публичного торга двадцать седьмого сентября 1914 г. имение в 184 десятины 2156 сажень земли в трех участках, находящихся в Елатомском уезде Тамбовской губернии. За невзнос по ссуде № 115812 недоимок банку в сумме 372 руб. 10 коп. имение было назначено советом банка в продажу на 28 ноября 1915 г. Имение не приносило дохода, так как по причине тяжелого военного времени не находилось желающих снять его в аренду. Самостоятельно заемщик по причине удаленности имения от Тамбова, недостатка средств и здоровья не мог заниматься земледелием и хотел продать заложенное имущество и вернуть с небольшим убытком потраченные средства. Девятнадцатого ноября 1915 г. Тамбовское отделение банка уведомило заемщика об отклонении ходатайства и необходимости своевременной уплаты 372 руб. 10 коп. [2, Д. 7454, Л. 121, 122].

В 1916 году в очередном прошении об отсрочке платежей Н. В. Степанов уведомлял отделение банка о том, что в ноябре 1915 г. покупателя, желавшего приобрести имение, призвали на военную службу и дело о покупке расстроилось. По причине тяжелого военного времени земля оставалась не засеянной, так как не находилось желающих снять ее в аренду, и поэтому заемщик в течение полутора лет не получал с имения дохода [2, Д. 7525, Л. 118].

Для осуществления торгов на имения неисправных заемщиков двадцать восьмого ноября 1915 г. Тамбовским отделением банка было образовано «торговое присутствие» под председательством управляющего отделением А. Н. Манасеина. В его составе были также двое представителей – «непременных членов» отделения банка – В. Д. Бочковский и Д. А. Ростовцев. Исполнительные действия по осуществлению торгов были возложены на делопроизводителя Ф. А. Ивинского. К открытию «торгового присутствия» оставались не снятыми с торгов семьдесят два имения. Тем не менее в ходе последнего заседания «торгового присутствия», по причине поступления в кассу отделения платежей по ссудам и полной обеспеченности ссуд, с торгов были сняты почти все имения. В списке имений, подлежащих продаже, оставалось одно имение по ссуде № 30464 графа А. А. Буксгевден. Торг начался двадцать восьмого ноября 1915 г. в три часа пятнадцать минут. За выставленное на продажу имение торговались поверенный правления Русского торгово-промышленного банка потомственный дворянин С. И. Ильин и поверенный княгини А. А. Оболенской. За предложенную на торгах сумму в 235 657 руб. 58 коп. имение графа А. А. Буксгевден осталось за правлением Русского торгово-промышленного банка. Торг завершился в четыре часа тридцать минут. Однако после завершения торга на имение было подано господином Френкелем засвидетельствованное в конторе Петроградского нотариуса прошение графа А. А. Буксгевден. В нем он сообщал о призыве своем на военную

службу и просил отменить продажу имения. Но данное заявление «торговое присутствие» не признало обстоятельством, ведущим к отмене торгов, и постановило имение графа А. А. Буксгевден купленным правлением Русского торгово-промышленного банка [2, Д. 7454, Л. 187, 187об., 193, 193об.].

В 1916 году ситуация с осуществлением сельскохозяйственного производства и уплатой процентов по взятой ссуде на заложенных землях в Дворянском банке оставалась сложной. Примером может служить прошение, полученное Тамбовским отделением 16 января 1916 г. В нем говорилось: «Необычайные условия хозяйства в минувшем 1915 г., при условии потери до 40 % урожая хлеба в поле вследствие непрерывных летом и осенью дождей, полное отсутствие рабочих рук, вызванное войной и поэтому сильное подорожание всякой наемной силы, низкая цена на зерно (1 пуд ржи стоял 1 руб.) поставили землевладелицу Борисоглебского уезда О. Н. Тецнер в крайне тяжелое материальное положение». Имение в 1915 г. не сдавалось, как раньше, в краткосрочную аренду крестьянам, так как все взрослое мужское население ушло на войну, поэтому землевладелица приняла решительные меры по полной реорганизации хозяйства с 1916 г. Она приобрела сельскохозяйственный инвентарь на сумму свыше пяти тысяч рублей, рабочих лошадей за четыре тысячи рублей, произвела единовременные затраты на сумму в пять тысяч рублей, имение также получило пятьдесят военнопленных, сорок женщин были приглашены для работы из Тульской губернии. В результате у землевладелицы возник дефицит денежных средств. Дворянский банк предъявил требование об уплате срочных платежей в пять тысяч рублей, заемщица не могла уплатить их и просила об отсрочке с февраля до ноября 1916 г. Тамбовское отделение банка в ответ уведомяло, что имение будет снято с предстоящих торгов при условии своевременной уплаты по ссуде 3200 рублей. Остальная часть недоимок должна быть уплачена не позднее, как со следующим платежом [2, Д. 7525, Л. 90, 90 об., 91, 92].

Это обстоятельство свидетельствовало о том, что Дворянский банк оставался в первую очередь кредитным учреждением и требовал от заемщиков уплаты долга с рассрочкой платежей и в условиях военного времени. Руководствуясь Уставом, банк имел право продать имение неисправного заемщика, если тот не выплатит недоимки в течение полугода.

В правовых основах обеспечения деятельности Дворянского банка содержалась возможность передачи имения должника с его согласия в опекунское управление. Обязательным условием было указание источников, из которых могут быть пополнены текущие платежи и недоимки. После получения такого ходатайства Совет банка голосованием в две трети голосов мог вынести решение о передаче имения в управление дворянской опеки сроком на три года. Этим решением возлагалась ответственность на опеку по исполнению обязанностей неисправного заемщика. С сумм недоимки с момента передачи имения в опекунское управление до его прекращения уплачивалась пеня до 6 % годовых. Если к концу трехгодичного срока помимо текущих платежей погашалась часть недоимок в размере не менее одного полугодичного платежа по ссуде, то банк мог продлить опеку еще на три года [6, с. 27]. Однако в архивных источниках можно найти примеры ходатайств с просьбой не назначать данные катего-

рии имений неисправных заемщиков в продажу. В 1916 г. заемщица Л. П. Огарева получила извещение о том, что ее имение, находящееся в Тамбовском уезде в количестве 279 десятин и числящееся в Тамбовской дворянской опеке по ссуде № 31646, будет назначено в продажу за невзнос недоимок. В своем прошении она упоминала о тяжелых условиях сбора урожая (в 1914 г. – град, в 1915 г. – дождливое лето), приведших к образованию громадных недоимок по ссуде. Попытка с разрешения дворянской опеки продать 60 десятин земли уже второй год была безуспешной. Кроме земли, других средств к существованию у Л. П. Огаревой не было, и она просила отсрочить все платежи до ноября 1916 г. [2, Д. 7525, Л. 100]. Однако и состоятельные владельцы также испытывали трудности в уплате срочных платежей по ссуде. Потомственный дворянин В. И. Можаров по ссуде № 32845 в своем прошении об отсрочке платежей указывал о наличии не только в залоге у Дворянского банка земли, но и винокуренного завода в Тамбовском уезде при селе Саюкино. Тем самым по причине запрета продажи вина завод остановил производство, а спирт остался не проданным. Тем самым в уплате денежных средств по ссуде наметились кратковременные затруднения [2, Д. 7525, Л. 142]. Рассрочку на пять лет с года окончания войны просил заемщик по ссудам № 36577 и 36578 по причине призыва его в действующую армию. Кроме этого, главной доходной статьей имения являлся винокуренный завод, который также бездействовал [2, Д. 7525, Л. 79].

В результате, двадцать девятого ноября 1916 г. для производства торгов на имения неисправных заемщиков банка по Тамбовской губернии было «торговое присутствие». Председательствовал на его заседании управляющий отделением банка М. В. Котюхов, в его составе были также два непременных члена отделения. К открытию торгового присутствия оставались не снятыми с торгов сорок пять имений. Однако в ходе последнего заседания все имения с торгов были сняты [2, Д. 7525, Л. 121].

Первая мировая война привела к обострению внутренних противоречий в стране и привела к революционным потрясениям в России. Пример одного из архивных дел по залогу имения свидетельствует о необходимости предоставления советом банка более значительных льгот по рассрочке платежей в связи с разгромом имения крестьянами.

Изначально четырнадцатого августа 1913 г. в Тамбовское отделение банка поступило заявление о ссуде по специальной оценке в размере тридцати тысяч рублей под залог имения в количестве 167 десятин 1300 сажень земли. Построек в имении было возведено на сумму девять тысяч рублей, «живого» инвентаря на сумму 4170 руб. и «мертвого» – 1053 руб. Доходность имения оценивалась владелицей в 58 435 руб. В свидетельстве Тамбовского дворянского депутатского собрания от двадцать восьмого мая 1913 г. за № 160 удостоверялось, что М. Н. Загородская принадлежит к потомственному дворянству. Рассмотрев все обстоятельства дела, отделение считало оценку имения М. Н. Загородской в 54 154 руб. вполне соответствующей ее действительной стоимости, а ссуду в 60 % оценки имения вполне обеспеченной залоговой его стоимостью. В заседании пятого ноября 1913 г. совет банка постановил: назначить к выдаче разрешенную М. Н. Загородской ссуду под залог имения в тридцать тысяч рублей на

срок шестьдесят шесть лет и шесть месяцев, считая с первого ноября 1913 г. [2, Д. 7216, Л. 16 – 21].

Восьмого января 1918 г. в Тамбовском отделении слушалось ходатайство М. Н. Загородской о предоставлении льготы в уплате ноябрьского 1917 г. платежа по ссуде № 35171 по причине полного разгрома имения местными крестьянами. Отделение банка предоставило в совет банка по итогу ходатайства свое заключение о рассрочке на три года уплаты ноябрьского 1917 г. платежа [2, Д. 7216, Л. 21, 23]. Данные ходатайства, подаваемые в отделение банка, были не единичными. Так, например, тринадцатого ноября 1917 г. Тамбовское отделение слушало ходатайство землевладельца Е. Л. Бутлер о рассрочке платежей по заложенному в банке по ссуде № 35487 имению при селе Никольском Спасского уезда. Основанием подачи ходатайства послужил разгром винокуренного завода с уничтожением всего спирта, захват крестьянами яровой и паровой земель, вследствие чего Бутлер не получал совсем ни какого дохода. Кроме того, с работ были сняты военнопленные, крестьяне отобрали в свою пользу весь инвентарь, луга и осуществили вырубку леса на сумму семи тысяч рублей [2, Д. 7251, Л. 29].

В январе 1918 г. Тамбовское отделение банка слушало ходатайство А. И. Шиловского о предоставлении льготы в платежах по ссуде № 28097, выданной под залог имения его при селе Парский угол и при деревне Александровка Моршанского уезда. Основанием для подачи ходатайства послужил захват имения местным земельным комитетом, который отобрал землю у арендаторов имения и раздал их крестьянам [2, Д. 5977, Л. 12]. В вышеперечисленных ходатайствах представлялось на усмотрение совета банка предоставить льготу в рассрочке на три года уплаты двух полугодовых платежей.

Однако приход к власти большевиков обозначил переход всей банковской инфраструктуры в пользу Советского государства. Декретом Совета народных комиссаров от 28 ноября 1917 г. ликвидация дел по центральным и местным учреждениям Государственного Дворянского земельного банка и Крестьянского поземельного банка была возложена на Государственный банк. Ликвидация земельных банков предполагала проводиться планомерно с привлечением опытных работников. Охраняя общее народное состояние, оцениваемое по балансовой сумме более чем двадцать пять миллиардов рублей, и, имея в своем управлении более трех миллионов десятин земли, земельные банки должны были провести ликвидацию своей тридцатилетней деятельности с большей осмотрительностью и тщательностью. Земли, не переданные местным земельным комитетам, и находящийся на этих землях инвентарь должны были охраняться от неорганизованного и незаконного отбора. Чуть позже, циркуляром № 67 от 18 апреля 1918 г. главный комиссар Народного банка Российской республики сообщил управляющим отделениями об образовании временной комиссии по управлению государственными земельными банками. На временную комиссию было возложено заведывание всеми делами этих банков, подготовка их к ликвидации и разработка порядка этой ликвидации. Ликвидация банков должна была производиться планомерно [3, Д. 8201, Л. 1, 2, 11].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить значимость для Российской империи в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) дворянства как привилегированного сословия. Практические аспекты правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности Дворянского банка подтверждают это предоставлением советом банка дополнительных льгот, кроме тех, которые уже были предусмотрены уставом банка.

Список литературы

1. Богатырев, Э. Д. Залог земли дворянами в Государственном Дворянском земельном банке в Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Э. Д. Богатырев // *Экономическая история*. – 2019. – Т. 15, № 3(46). – С. 257–265.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 168. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. 169. Оп. 1.
4. Российская провинция в годы Первой мировой войны : материалы Тамбовских краеведческих чтений (декабрь, 2014) / отв. ред. Л. Н. Патрина. – Тамбов : [б. и.], 2014. – 52 с. – URL : https://www.tambovlib.ru/html/editions/metod/data/Российская_провинция_в_годы_Первой_мировой_войны.pdf (дата обращения: 20.10.2025).
5. Самохин, К. В. Первая мировая война и духовная модернизация России (с использованием материалов по Тамбовскому крестьянству) / К. В. Самохин // *Политика и общество*. – 2015. – № 10(130). – С. 1313–1326. doi: 10.7256/1812-8696.2015.10.12720
6. Сборник циркуляров и распоряжений по Государственному Дворянскому земельному банку 1911 – 1914 гг. – Петроград, 1915. – 77 с.
7. Устав Государственного Дворянского земельного банка / Государственный Дворянский земельный банк. – Санкт-Петербург : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1904. – 64 с.
8. Федосеев, Р. В. Правовые основы деятельности Государственного Дворянского земельного банка: специфика процедуры выдачи ссуд / Р. В. Федосеев // *Мир науки и образования*. – 2018. – № 3(15). – URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36401705_11591317.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

References

1. Bogatyrev E.D. [The pledge of land by nobles in the State Noble Land Bank in the Kazan province in the late XIX – early XX centuries], *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2019, vol. 15, no. 3, pp. 257-265. (In Russ., abstract in Eng.).
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO)* [State Archive of the Tambov Region (GATO)], fund 168, inventory 1. (In Russ.)
3. *GATO*, fund 169, inventory 1. (In Russ.)
4. Patrina L.N. (Ed.). *Rossiyskaya provintsiya v gody Pervoy mirovoy voyny: materialy Tambovskikh krayevedcheskikh chteniy (December, 2014)* [The Russian Province during the First World War: Materials of the Tambov Local History Readings (December, 2014)], Tambov, 2014. 52 p. available at: https://www.tambovlib.ru/html/editions/metod/data/Российская_провинция_в_годы_Первой_мировой_войны.pdf (accessed 20 October 2025). (In Russ.)

5. Samokhin K.V. [The First World War and Russia's Spiritual Modernization (Using Materials on the Tambov Peasantry)], *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 2015, no. 10(130), pp. 1313-1326. (In Russ., abstract in Eng.).

6. *Sbornik tsirkulyarov i rasporyazheniy po Gosudarstvennomu dvoryanskomu zemel'nomu banku 1911 – 1914 gg.* [Collection of circulars and orders on the State Noble Land Bank of 1911-1914], Petrograd, 1915, 77 p. (In Russ.).

7. *Ustav Gosudarstvennogo Dvoryanskogo zemel'nogo banka* [Charter of the State Noble Land Bank], St. Petersburg: Tovarishchestvo "Pechatnya S.P. Yakovleva", 1904, 64 p. (In Russ.).

8. Fedoseev R.V. [Legal Foundations of the State Noble Land Bank's Activities: The Specifics of the Loan Procedure], *Mir nauki i obrazovaniya* [World of Science and Education], 2018, no. 3(15), available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36401705_11591317.pdf (accessed 20 October 2025). (In Russ., abstract in Eng.).

Practical Aspects of Legal Support for the Procedure of Bidding in the Activities of the Noble Bank during the First World War (1914–1918)

S. A. Frolov, *Cand. Sci. (History)*, Associate Professor,
Head of Department of Theory and History of State and Law,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
seif.saf@rambler.ru

E. E. Orlova, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Director of the Law Institute,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
elenaorlowa@yandex.ru

Introduction. The article highlights the relevance of the topic and the views of contemporary researchers who justify the legal basis for the functioning of the Noble Bank and the impact of the First World War on the landowners' economy and the revolutionary events of 1917.

Objective. The study aims to analyze the content of archival sources in order to study the legal framework for conducting auctions in the activities of the Noble Bank and to identify the practical features of granting benefits to defaulting borrowers based on petitions during wartime; to characterize the system of establishing a "trading presence" in the activities of the Noble Bank, which was not only used to prepare the estates of defaulting borrowers for sale, but also to remove them from the auction process.

Methods. The study uses legal research methods, including an analysis of the legal framework governing the bidding process in the activities of the Noble Bank, as well as a comparative legal analysis of the provision of benefits to defaulting borrowers during peacetime and during the First World War.

Results. It has been established that the Tambov branch of the Noble Bank had to deal with a large number of applications from defaulting borrowers for the provision of benefits since the beginning of the First World War. A study of the "trade presence" revealed that there were only a few cases of estates being sold at auction, despite the high-quality legal support for this procedure. Since the beginning of the revolutionary events in 1917 and the destruction of some estates, the bank's board has additionally provided these borrowers with payment installments.

Conclusions. The practical aspects of the legal support for the bidding process in the bank's activities during the First World War indicated the preferential nature of lending to estates. As a result, the mortgage loan was in demand among the hereditary nobility of the Russian Empire until the bank's liquidation in 1918.

Keywords: Noble Bank; borrowers; preferential measures; trade presence; payment of arrears; bank charter.

© С. А. Фролов, 2025

© Е. Е. Орлова, 2025

Статья поступила в редакцию 23.09.2025

При цитировании использовать:

Фролов С. А., Орлова Е. Е. Практические аспекты правового обеспечения процедуры осуществления торгов в деятельности Дворянского банка в условиях Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 483 – 493. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.483-493

**ВОПРОСЫ ВЗАИМНЫХ РАСЧЕТОВ СУБЪЕКТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОРОТА ГОСУДАРСТВ БРИКС**

Владимир Александрович Гавриленко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Санкт-Петербург, Россия;
доцент, кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия; gv22@mail.ru

Виктор Михалович Шеншин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России»,
Санкт-Петербург, Россия; vitya-shen@mail.ru

Рассмотрены вопросы правового регулирования международного взаимодействия, международной торговли и совместного экономического взаимодействия государств БРИКС, представляющий собой в настоящее время сформировавшийся макрорегион, который отличается независимостью от международных средств управления и возможностью обеспечения системы собственной экономической и финансовой защиты. В сущности, БРИКС является перспективной площадкой и форумом для международного диалога и расширения глобального сотрудничества на основе международного права, в том числе и в сфере экономики и торговли. Международное экономическое и торговое взаимодействие требует надежной системы взаимных финансовых расчетов, которая должна полностью устраивать всех участников и работать в их интересах.

Проведен анализ действующих международных систем расчетов, их преимуществ и недостатков. В целом, существующие системы зависят от политики ряда экономически влиятельных государств и организаций, что может нарушать принцип равенства субъектов международной торговли в зависимости от национальной принадлежности. Сформулированы положения о необходимости наличия для субъектов международного экономического оборота возможности выбора способов взаимодействия, включающих в себя и способы взаимных расчетов. Независимая система взаимных расчетов государств БРИКС обеспечивает возможность выбора оптимальных способов экономической деятельности и международной торговли, исключая необоснованные препятствия и ограничения.

Ключевые слова: БРИКС; международные экономические отношения; международная торговля; система взаимных расчетов; принцип равноправия; принцип соблюдения интересов.

Введение

Вопросы развития БРИКС в сфере межгосударственного политического взаимодействия [1], международного правового поля [9] и унификации национального законодательства [10] являются предметом научных исследований и дискуссий в современной юриспруденции [2]. Важную роль играет международная торговля субъектов экономической деятельности, принадлежащих к правовым и экономическим системам государств БРИКС. Вопросы о способах взаимных расчетов вышеуказанных субъектов являются актуальными.

Исследователи утверждают, что «одним из главных направлений в развитии этих макрорегионов станет создание новой валюты и нового мирового финансового валютного фонда» [6]. Возможна новая валюта и будет новый финансовый валютный фонд. Обратим внимание, что во исполнение решений Йоханнесбургского саммита БРИКС 2023 года прорабатываются возможности создания в рамках объединения устойчивых к внешним рискам финансовых механизмов взаимных расчетов, увеличения доли национальных валют государств объединения при проведении торговых и инвестиционных операций. Ранее в правовых журналах высказывалась мысль о том, что БРИКС видит свою задачу в сложении экономических потенциалов [7] и создании пространства возможностей для всех, кто заинтересован в гармоничном взаимовыгодном сотрудничестве [8]. Создавая независимую от других государств и международных организаций систему расчетов БРИКС, страны-участницы переходят на сделки в национальных валютах. Здесь, кстати, имеется много проблем, требующих своего разрешения. Россия сегодня использует доллар и евро в исторически минимальных объемах. Мы можем наблюдать снижение доли доллара и евро во внешней торговле до минимума. Наибольшее сокращение произошло при сделках со странами Азии и Европы. А вот страны Американского континента пока оплачивают российскую продукцию в долларах. Использование вышеуказанных валют снижается из-за введенных санкций. Еще имеется обстоятельство в том, что валюты США и ЕС стали неудобны для инвесторов. В Европе начинается рецессия, а в США имеют место проблемы с государственным долгом, большими бюджетными расходами, высокой инфляцией и переоцененным фондовым рынком.

Прецедент с неконструктивной политикой в отношении российских резервов напугал другие страны, и они начали сокращать свои вложения в доллар США. Сейчас на него приходится менее 60 % мировых резервов центральных банков. Хотя 20 лет назад данный показатель был свыше 70 %. Америка сама делает все, чтобы мировой рынок отходил от использования ее валюты. Необоснованные санкции подтолкнули Россию к созданию новых экономических связей со странами Востока и снижению роли доллара в мировой торговле. Поэтому продолжение работы по данному направлению вместе с зарубежными коллегами, планирование более широкого использования национальных валют, проведение расчетов через клиринговые платежные системы, платформы и т.д. являются одним из основных направлений сотрудничества стран БРИКС. Данные тенденции,

безусловно, позитивны и содержат перспективы. Но важно идти дальше и проводить суверенизацию как торговли и финансовых систем, так и экономик государств БРИКС в целом.

Результаты исследования

Представляется целесообразным создание системы собственных бирж, на которых будет определяться стоимость товаров (от нефти до золота), для обеспечения полного финансово-экономического суверенитета БРИКС. Создать зерновую биржу также целесообразно, поскольку это позволит сформировать справедливые и предсказуемые ценовые индикаторы на сырье. Ведь деолларизация – не только отказ от американской валюты в расчетах, но и в большей степени отказ от монопольной финансовой системы, которая до сих пор является более-менее целостной и, главное, у нее пока нет конкурентов. Впрочем, у БРИКС есть все возможности для создания альтернативной финансовой системы. Почти 90 % торговых операций России с основными зарубежными партнерами осуществляются в национальных валютах, такое заявление сделал Д. Биричевский, глава департамента экономического сотрудничества МИД РФ. «Принципиальная особенность отечественной экономической дипломатии заключается в том, что мы не стремимся дружить «против кого-то»¹. В отличие от стран, действующих в логике игры с нулевой суммой, Россия предлагает партнерам созидательную, конструктивную повестку.

Общемировой тренд, направленный на снижение рисков зависимости от доллара, растет. Еще в начале 2024 года каждая третья страна ООН (68 государств) выступила за независимую систему расчетов. А такие страны, как Индия, Бразилия и Китай – ведут расчеты в своих валютах, что усиливает глобальную тенденцию к отказу от доллара. Совсем недавно власти ОАЭ активизировались с уходом от американской валюты в своих международных контрактах. Эмираты занимаются внедрением национальной платежной карты Jaуwan (аналогичной российской системе МИР), привлекая к этому процессу своих партнеров, в том числе в рамках БРИКС. Планируется, что разработанная на базе индийской RuPay система Jaуwan в ближайшие годы позволит странам отказаться от многих дебетовых карт (включая Visa и Mastercard). Несомненно, что экономический суверенитет стран БРИКС выступает как один из важнейших инструментов укрепления финансовой независимости стран-участников.

Во всем мире сегодня прорабатываются вопросы создания так называемой наднациональной платежной инфраструктуры. Подчеркнем, что очень многие страны и регионы мира этим занимаются вплотную – с возможностью использовать цифровые валюты центральных банков и цифровые финансовые активы². Эта система будет действовать бесперебойно

¹ РФ и ее партнеры проводят почти 90 % торговых взаиморасчетов в нацвалютах // Российская газета 17.09.2024. – URL : <https://rg.ru/2024/09/17/mid-rf-i-ee-partnery-provodiat-pochti-90-torgovyh-vzaimoraschetov-v-nacvaliutah.html> (дата обращения: 08.10.2025).

² Заседание Президиума Госсовета по вопросу развития экспорта // Сайт Администрации Президента РФ, 25.09.2024. – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/75179> (дата обращения 08.10.2025).

и независимо от третьих стран. Такая тенденция наблюдается во всем мире, во всех регионах – и на Ближнем Востоке, и в Азии. Цифровые валюты России и Китая, к примеру, будут рассматриваться как один из расчетных инструментов на двустороннем уровне.

Вместе с тем в рамках сотрудничества со странами БРИКС Россия работает над созданием собственного платежно-расчетного контура, что благоприятно сказывается на создании условия для эффективного и независимого обслуживания всей внешней торговли. Поэтому разрабатываемые в БРИКС альтернативные доллару и евро платформы расчетов привлекают все больше стран.

Сергей Лавров, Министр иностранных дел РФ, подытоживая развитие российско-китайских взаимоотношений, дал понять об исключении практически полностью из двусторонней торговли России и Китая доллара. При этом страны-члены БРИКС аккуратно подходят к российским инициативам по международным расчетам, поскольку не сталкивались с какими-то внешними ограничениями, внешними препятствиями для расчетов. Речь идет о депозитарной системе BRICS Clear. Министр финансов Российской Федерации Антон Силуанов отметил, что эти институты необходимы для учета бумаг и торговли ими, а также инвестиционной активности. BRICS Clear, по его словам, основывается на технологии распределенного реестра³.

Идет работа над независимым «платежно-расчетным контуром» в БРИКС для обслуживания всей внешней торговли. Рост доли рубля во внешнеторговых сделках увеличивает и укрепляет наше влияние в ЕАЭС и БРИКС, но неизбежно поставит ряд вопросов о необходимости роста российского экспорта. Нужно ли его балансировать с импортом? Какой должен быть курс рубля? При этом плавно складывается новая, альтернативная финансовая архитектура. Экономистам БРИКС осталось решить только один фундаментальный вопрос, как внутри торговой зоны БРИКС снимать валютные дисбалансы. Сегодня на повестке три варианта расчетной валюты, о которых идет дискуссия: на основе корзины валют БРИКС; на базе корзины сырьевых активов; с привязкой к золоту.

В отсутствие единой мировой валютно-финансовой системы, работающей в интересах всех стран, возникают инициативы по децентрализации расчетов и обсуждаются возможности создания альтернатив. Важно понимать, что единственный путь совершенствования международной валютно-финансовой системы представляет собой создание альтернатив ее элементам, дающим возможность снизить централизацию текущей системы и улучшить ее безопасность и равнодоступность. Международная валютно-финансовая система сегодня фактически контролируется немногими странами, используется преимущественно в их интересах. Видим, что в последнее время через финансовую систему оказывается еще и политическое влияние на отдельные страны. А резервные валюты используются как средство политического давления.

³ Силуанов: страны БРИКС аккуратно подходят к инициативам России по расчетам // Ведомости. 11.10.2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/10/11/1068195-strani-briks-akkuratno?ysclid=m3918ip72p730603559> (дата обращения 08.10.2025).

Ключевым недостатком действующей международной финансовой системы является возможность замораживания резервов. Поэтому в рамках БРИКС необходимо создавать механизмы, которые способны будут защитить финансовую систему от какого-либо политического воздействия. Вместе с тем на данный момент ведется разработка общей расчетной единицы (Unit), платформы для международных расчетов в цифровых валютах стран БРИКС (Bridge), платежной системы (Pay), расчетного депозитария (Clear) и системы страхования (Insurance); 40 % стоимости унифицированной валюты Unit будет привязано к золоту, 60 % – корзине национальных валют участников объединения.

БРИКС привлекает в значительной степени все больше стран именно тем, что ориентируется в расчетах на национальные валюты, а не на доллар. А это крайне привлекательно для стран, которые хотят снизить внешнее влияние на свою экономику. Многие государства все чаще приходят к выводу о необходимости создания новых финансовых структур и систем, которые могут заменить структуры, обслуживающие в первую очередь интересы немногих государств. Данные настроения побуждают смотреть в сторону БРИКС как экономически выгодного для них союза все больше стран.

Интересный подход обозначен в исследовании авторов, утверждающих, что один из локомотивов БРИКС – Китай в 2022 году расширил возможности юаня для покупки российской нефти, вытесняя доллар [3]. Кроме того, Пекин ведет переговоры о покупке нефти за юани с Ираном и Ираком. Отметим, что в перспективе укрепление связей между Саудовской Аравией и Китаем может позволить использовать юань вместо доллара при расчетах за поставки нефти. Саудовская Аравия является крупнейшим торговым партнером Китая в Персидском заливе. Сырая нефть составила около 84 % импорта Китая из Саудовской Аравии в 2023 году, а положительное сальдо торговли королевства с Китаем увеличилось до 20–40 млрд долл. за последние три года. В 2023 году Китай и Саудовская Аравия уже сделали шаг в сторону использования юаня, подписав соглашение об обмене национальными валютами на сумму 7 млрд долл. в рамках усилий по снижению зависимости от доллара [3].

Помимо взаимной выгоды, которую извлекут страны из таких расчетов, для Китая торговля нефтью в юанях и вытекающая из этого необходимость для Саудовской Аравии тратить будущие доходы в юанях обеспечить участие Эр-Рияда в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Сегодня, наряду с Россией, Китай является для Эр-Рияда одним из ключевых экономических и политических партнеров. Королевство борется с зависимостью от нефтяных доходов и стремится развить «зеленую энергетику», полагаясь на помощь Пекина – лидера в данной сфере.

Динамика развития экономики стран БРИКС показывает, что члены организации, которую еще недавно западные СМИ называли искусственной и нежизнеспособной, начинают обходить по различным показателям членов пресловутой «Большой семерки» (G7). Система внутренних расчетов, которая может привести к тому, что очень большая доля оборота стран БРИКС, особенно приходящихся друг на друга, будет происходить в иной единице, чем доллар, что может превратиться в фактор сужения зоны действия доллара.

Создание новой финансовой системы БРИКС может дать миру новые возможности. Интересны идеи о переходе стран БРИКС в расчеты на принятую всеми национальную единицу – цифровую валюту, обязательно подкрепленную золотом или товарной массой. В таком случае форма экономического партнерства позволит покупать и продавать по более выгодным ценам. Важно обеспечивать интересы каждой страны и ее экономический суверенитет. Опасения насчет финансовой монополии вынудили страны Глобального Юга объединить силы и безотлагательно искать альтернативу. И все больше стран видят ее в БРИКС. Лидеры многих стран задумались о диверсификации рисков и целесообразности заранее зайти на запасной аэродром БРИКС, где можно будет торговать в национальных валютах.

Конечно, имеются свои сложности и проблемы. Понятно, что нужна объединенная система расчетов БРИКС. Но дело это небыстрое и непростое. Непонятно, как договорятся страны с самым большим населением – Китай и Индия, особенно если учесть, какие между ними существуют противоречия. Вряд ли Индия согласится, чтобы юань стал основной валютой БРИКС. Но все это – предмет переговоров равноправных государств. Страны БРИКС возможно создадут свою общую систему, аналогичную SWIFT. И если появится новая система обмена финансовыми сообщениями, она кардинально изменит мировую торговую систему, что позволит сторонам экономических отношений выбирать валюту для взаимных расчетов. Кстати, создание собственного механизма финансовых расчетов в качестве альтернативы SWIFT сочли реальным в Резервном банке Индии (RBI). Переговоры по созданию указанной системы продолжаются. Учитывая международные настроения, разработка платежного инструмента становится дипломатически деликатным вопросом.

Невозможность свободно совершать трансграничные платежи стала, пожалуй, самой большой проблемой, вызванной санкциями. Это влечет за собой сложности с импортом, которые, в свою очередь, раскручивают инфляцию. О необходимости развивать аналоги SWIFT на уровне государств-участников БРИКС, куда входит и Индия, говорили неоднократно. На финансовой повестке БРИКС есть главная инициатива для выстраивания новой экономической реальности, решающая обе сверхзадачи: создание собственной системы обмена финансовыми сообщениями для стран БРИКС, аналогичной SWIFT, с опорой на государственные банки, способные выполнить клиринг в расчетах контрагентов из стран БРИКС, и связанная с этим роль того же банка.

Во что превратится далее БРИКС и какие еще страны к нему решат присоединиться, сказать трудно, ведь пока у объединения нет ни строгой структуры, ни устава, ни председателя, но очевидно одно: перспективы у этого объединения огромны. Как заявил на Парламентском форуме БРИКС Президент России Владимир Путин: «БРИКС пока не имеет собственной институционально оформленной парламентской структуры, но можно предположить, что в будущем эта идея обязательно реализуется»⁴.

⁴ X Парламентский форум БРИКС // Сайт Администрации Президента РФ. 11.07.2024. – URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74528> (дата обращения 08.10.2025).

То есть понятно, что организация обзаводится структурами, например, общим парламентом, которые и будут решать вопросы всех стран, входящих в объединение. И, может, в будущем страны БРИКС придут к необходимости создания структур, решающих не только экономические, но и политические вопросы.

По-видимому, решение о создании независимой платежной системы должно стать прогрессивным и сильно изменить политико-экономическую ситуацию в мире, нанеся удар по финансовому монополизму.

Стоит обратить внимание на то, что центральные банки Индии и России активизировали переговоры о запуске нового механизма подтверждения платежей и введении базового обменного курса по валютной паре рупия – рубль. Это необходимо для преодоления торговых барьеров и реализации того объема рупий, которые российские экспортеры накопили в банках Индии. На Индию оказывается экономическое давление, чтобы заставить отказаться от сотрудничества с Россией и присоединиться к санкционным войнам. Но Дели не идет на данные шаги. В свое время именно Советский Союз оказал неоценимую помощь Индии в развитии экономики и индустриализации. Советские специалисты поехали в Индию, чтобы строить металлургические заводы, бороться с болезнями, искать полезные ископаемые. Индийская армия оснащалась советским оружием. И даже сегодня, несмотря на мощный военно-промышленный комплекс США, Франции и Британии, которые хотят продавать Индии свое оружие, именно Россия лидирует на индийском рынке вооружений, потому что она поддерживала Индию в трудное для нее время.

Сегодня Индия сильная страна, с третьей экономикой мира и населением полтора миллиарда человек. Но когда-то она была бедной, и никто, кроме СССР, не протянул ей руку помощи. И в Индии об этом помнят.

Представляет интерес проект цифровой расчетно-платежной платформы БРИКС Бридж (BRICS Bridge), которая поможет сблизить финансовые рынки стран БРИКС и увеличить взаимный торговый оборот. При этом могут использоваться цифровые валюты центральных банков стран объединения, курс которых будет привязан к стоимости национальных валют. Планируется, что данная цифровая расчетно-платежная платформа будет децентрализованной – ни один из участников не сможет ограничивать действия остальных.

В случае утверждения предлагаемой Россией инициативы от стран БРИКС потребуется скоординированная законодательная работа по введению в оборот национальной цифровой валюты и ее использования в трансграничных расчетах. Страны глобального большинства идут по пути отказа от валюты, которая все чаще используется для финансовых и политических спекуляций. Между тем исследователи утверждают, что «Запад продолжает следовать по пути провокаций, санкций и даже угроз в адрес неугодных ему стран» [4, с. 8].

Сегодня активно обсуждается сближение национальных законодательств, тем более что глобальные вызовы – это во многом новые для всех угрозы, преодолевать которые в турбулентном современном мире можно только сообща.

Среди тем для совместного реагирования стран БРИКС следует выделить борьбу за суверенитет государств, противодействие введению односторонних персональных санкций против физических лиц и компаний и создания барьеров в работе целых делегаций на межпарламентских площадках. Для этого нужно наращивать обмен законодательным опытом в области разработки нормативных правовых актов, чтобы свести к минимуму негативное влияние перечисленных выше искажений в международных отношениях. Согласимся, что нужно укреплять потенциал рабочей группы БРИКС по вопросам обеспечения взаимной безопасности, в том числе в экономическом и финансовом секторе. Важным шагом на мировой арене могло бы стать принятие в рамках ООН всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом, в том числе и его финансированием [5].

Заключение

Увеличение числа участников БРИКС наглядно подтверждает запрос на многополярный и справедливый миропорядок. Россия всегда выступала за повышение роли государств Африки, Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока в международных делах. Сейчас все больше стран стремятся к укреплению своего суверенитета, национальной и культурной идентичности. Этот процесс необратим. Он будет только набирать обороты. Поэтому, стремясь обеспечить свою финансовую безопасность, суверенные страны, в первую очередь участники БРИКС, начинают искать альтернативу устоявшимся системам международных расчетов.

С уверенностью можно сказать, что страны БРИКС должны делать все для того, чтобы их отношения строились на основе национальных валют, так как это не только надежно, но и будет развивать национальные экономики. К сожалению, доллар и евро во многом превратили в инструмент политического и экономического доминирования небольшого числа стран и экономик. Интересы многих государств и принадлежащих к ним субъектов экономического оборота не учитываются. Справедливо мнение, что участникам БРИКС необходимо гармонизировать законодательные базы⁵.

Таким образом, наметившиеся тенденции, которые приходят на смену старому финансовому устройству, вполне укладываются в перспективные планы и интересы России. Усиливается вектор к переходу расчетов в национальных валютах. Наблюдается тенденция, направленная на движение в сторону цифровых расчетов, использование в отдельных случаях цифровых валют наравне с традиционными. Данный процесс характеризуется как преимуществами, так и опасностями и требует научных исследований и политических дискуссий.

Попытки определенных сил в информационном пространстве и в рамках дипломатической работы осуществлять мероприятия по дис-

⁵ В БРИКС отказываются от токсичного доллара // Парламентская газета, 11.07.2024. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-briks-otkazyvayutsya-ot-toksichnogo-dollar.html?clckid=a4c88a98> (дата обращения 08.10.2025).

кредитации БРИКС имеют место. Данные усилия зачастую дают прямо противоположные результаты. Многие страны и экономические акторы присматриваются к альтернативной парадигме схемы развития и к пути суверенитета, который объективно сближает эти государства с БРИКС. Представляется целесообразным активно продолжать межгосударственную работу в рамках БРИКС по разработке, развитию и последующему использованию совместных расчетных механизмов.

Список литературы

1. Асадов, Б. Р. Теория многостороннего взаимодействия государств на примере деятельности БРИКС / Б. Р. Асадов, В. А. Гавриленко, С. Б. Немченко // Актуальные проблемы государства и права. – 2021. – Т. 5, № 20. – С. 590–601. doi: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-590-601
2. Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10–14.
3. Кудашкин, А. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве / А. Кудашкин, И. Холиков // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 1(64). – С. 31–47. doi: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
4. Военное право / А. В. Кудашкин, В. К. Аулов, В. В. Бараненков [и др.]. – Том II. – Москва : Центр правовых коммуникаций, 2021. – 888 с.
5. Метельков, А. Н. О соотношении понятий «борьба с терроризмом» и «минимизация и(или) ликвидация проявлений терроризма» в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25–37.
6. О необходимости создания финансовой системы БРИКС (начало) / И. С. Назарова, Д. В. Попков, П. А. Тараканов, А. А. Андреева // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 9(237). – С. 135–138. doi: 10.47643/1815-1329_2024_9_135
7. Уткин, Н. И. О некоторых направлениях взаимодействия и развития сотрудничества в рамках БРИКС / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 92–98. doi: 10.61260/2074-1626-2024-2-92-98
8. Уткин, Н. И. О расширении БРИКС и его последствиях для установления многополярного мира / Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 61–73. doi: 10.61260/2074-1626-2024-1-61-73
9. Asadov, B. BRICS in International Legal Space: Humanitarian Imperatives of International Security / B. Asadov, V. Gavrilenko, S. Nemchenko // BRICS Law Journal. – 2021. – Vol. 8, Is. 1. – P. 8–34. doi: 10.21684/2412-2343-2021-8-1-8-34
10. Vinokurov, V. Administrative Offense Proceedings and Priorial Dispute Resolution in the BRICS Countries / V. Vinokurov, V. Gavrilenko, V. Shenshin // BRICS Law Journal. – 2022. – Vol. 9, Is. 1. – P. 35–61. doi: 10.21684/2412-2343-2022-9-1-35-61

References

1. Asadov B.R., Gavrilenko V.A., Nemchenko S.B. [Theory of Multilateral Interaction of States on the Example of BRICS Activities], *Aktual'nyye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of State and Law], 2021, vol. 5, no. 20, pp. 590-601. doi: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-590-601 (In Russ., abstract in Eng.)

2. Gavrilenko V.A. [Issues of Arbitration of Disputes on Compensation for Damage from Emergencies in the Countries of the Arctic Region], *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii* [Law. Security. Emergencies], 2021, no. 2(51), pp. 10-14. (In Russ., abstract in Eng.)

3. Kudashkin A., Kholikov I. [Experience of Conceptualizing Special Military Operations in Modern Law], *Puti k miru i bezopasnosti* [Paths to Peace and Security], 2023, no. 1(64), pp. 31-47. doi: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (In Russ., abstract in Eng.)

4. Kudashkin A.V., Aulov V.K., Baranekov V.V. [et al.]. *Voyennoye pravo* [Military Law], vol. II, Moscow: Tsentr pravovyykh kommunikatsiy, 2021, 888 p. (In Russ.)

5. Metel'kov A.N. [On the Relationship between the Concepts of "Counter-Terrorism" and "Minimization and (or) Elimination of Manifestations of Terrorism" in the Fight Against Nuclear Terrorism], *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii* [Law. Security. Emergencies], 2021, no. 4(53), pp. 25-37. (In Russ., abstract in Eng.)

6. Nazarova I.S., Popkov D.V., Tarakanov P.A., Andreyeva A.A. [On the Need to Create a BRICS Financial System (beginning)], *Agrarnoye i zemel'noye pravo* [Agrarian and Land Law], 2024, no. 9(237), pp. 135-138. doi: 10.47643/1815-1329_2024_9_135 (In Russ., abstract in Eng.)

7. Utkin N.I., Shenshin V.M. [On Some Areas of Interaction and Development of Cooperation within the BRICS Framework], *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii* [Law. Security. Emergencies], 2024, no. 2(63), pp. 92-98. doi: 10.61260/2074-1626-2024-2-92-98 (In Russ., abstract in Eng.)

8. Utkin N.I., Shenshin V.M. [On the expansion of BRICS and its consequences for the establishment of a multipolar world], *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii* [Law. Security. Emergencies], 2024, no. 1(62), pp. 61-73. doi: 10.61260/2074-1626-2024-1-61-73 (In Russ., abstract in Eng.)

9. Asadov B., Gavrilenko V., Nemchenko S. BRICS in International Legal Space: Humanitarian Imperatives of International Security, *BRICS Law Journal*, 2021, vol. 8, is. 1, pp. 8-34. doi: 10.21684/2412-2343-2021-8-1-8-34

10. Vinokurov V., Gavrilenko V., Shenshin V. Administrative Offense Proceedings and Priorial Dispute Resolution in the BRICS Countries, *BRICS Law Journal*, 2022, vol. 9, is. 1, pp. 35-61. doi: 10.21684/2412-2343-2022-9-1-35-61

Issues of Mutual Settlements between Economic Entities of the BRICS Countries

V. A. Gavrilenko, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
St. Petersburg, Russia;
Associate Professor, Department of Civil Law and Process,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia;
gv22@mail.ru*

V. M. Shenshin, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
St. Petersburg, Russia; vitya-shen@mail.ru*

The article examines issues of legal regulation of international interaction, international trade and joint economic cooperation of the BRICS states, which currently represents a formed macro-region, which is distinguished

by its independence from international governance mechanisms and the ability to ensure a system of its own economic and financial protection. This macro-region is distinguished by its independence from international governance mechanisms and the ability to provide its own economic and financial protection system. Essentially, BRICS is a promising platform and forum for international dialogue and expanded global cooperation based on international law, including in the economic and trade spheres. International economic and trade cooperation requires a reliable system of mutual financial settlements that fully satisfies all participants and serves their interests.

The authors analyze current international settlement systems, their advantages and disadvantages. Overall, the existing systems depend on the policies of a number of economically influential states and organizations, which may violate the principle of equality among participants in international trade, depending on their nationality. Provisions are formulated regarding the need for participants in international economic activity to have a choice of methods of interaction, including methods of mutual settlements. An independent system of mutual settlements among BRICS countries provides the opportunity to choose optimal methods of economic activity and international trade, eliminating unreasonable obstacles and restrictions.

Keywords: BRICS; international economic relations; international trade; mutual settlements system; principle of equality; principle of respect for interests.

© В. А. Гавриленко, 2025

© В. М. Шеншин, 2025

Статья поступила в редакцию 09.10.2025

При цитировании использовать:

Гавриленко В. А., Шеншин В. М. Вопросы взаимных расчетов субъектов экономического оборота государств БРИКС // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 494 – 504. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.494-504

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ РОССЕЛЬХОЗНАДЗОРА И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРПОРАЦИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Мария Николаевна Придворова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия; m.pridvorova@mail.ru

Приведен анализ взаимодействия органов Россельхознадзора и корпораций, осуществляющих производственно-хозяйственную деятельность в сфере агропромышленного сектора экономики. Дан краткий историко-правовой анализ становления системы государственного ветеринарного и фитосанитарного надзора. Проанализирована комплексность правового регулирования производственно-хозяйственной деятельности корпораций агропромышленного комплекса нормами преимущественно публично-правовой направленности, что обусловлено необходимостью правового регулирования производственных и технологических процессов при производстве продуктов питания, выращивания и переработки продуктов животноводства и растениеводства в целях обеспечения продовольственной безопасности страны и охраны здоровья граждан. Выявлена оптимальная форма ведения бизнеса в сфере сельскохозяйственного производства продукции.

Ключевые слова: корпорации; производственно-хозяйственная деятельность корпораций; контроль; надзор; сельское хозяйство; аграрный сектор экономики; агропромышленный комплекс; пищевая продукция; продукция животноводства и растениеводства; эпидемиологическая безопасность.

Введение

Юридические лица в рамках своей производственно-хозяйственной деятельности занимаются производством различных видов товаров, в том числе продуктов питания, обеспечивая потребности населения. Органы Россельхознадзора в рамках своей компетенции выполняют надзорные функции, основной задачей ставя обеспечение безопасности пищевой продукции и глобальной целью – защиту здоровья граждан. Качество и безопасность продуктов питания, производимых путем выращивания и переработки продуктов животноводства и растениеводства, контролируется деятельностью Россельхознадзора. Компетенция контролирующих органов распространяется и на правила соблюдения карантинных мер, применения ветеринарных препаратов, проверку условий транспортировки и хранения продукции аграрного сектора. Развитие экономики в сфере сельского хозяйства и ветеринарный контроль, обеспечивающий безопасность производимых продуктов питания, задачи взаимосвязанные и взаимозависимые [3]. Процессы цифровизации в правовой и экономической сфере внедряются в деятельность всех государственных контролирующих органов, в том числе и в деятельность органов Россельхознадзора и его

территориальных структурных подразделений, что прослеживается на примере электронной сертификации в системе «Меркурий», которая выступает в качестве основного инструмента, посредством которого производится документооборот.

Охрана здоровья потребителей продукции агропромышленного сектора обеспечивается через контроль за ее производством, контроль за здоровьем животных, посредством предотвращения возникновения и распространения их болезней, что возможно при должном соблюдении ветеринарных правил.

Государство своей деятельностью призвано обеспечивать гражданам естественные потребности в питании и продовольственной безопасности. Активное развитие агропромышленной сферы связывается напрямую с деятельностью сельхозпроизводителей различных организационно-правовых форм и форм собственности. Активно ведется господдержка частных товаропроизводителей.

Обсуждение

История взаимодействия производителей сельхозпродукции и государственных контролирующих органов в нашей стране берет свое начало с аграрных реформ второй половины XIX века, в связи с необходимостью борьбы с угрозами распространения опасных вредителей и заболеваний, что было следствием развития аграрного сектора [5]. По мнению С. А. Федотова, «освобождение крестьян создало условия для появления частных фермерских хозяйств, что способствовало увеличению производства продукции животноводства и растениеводства» [10]. Следствие этих процессов – активный рост международной торговли, экспорт сельхозпродукции, в частности зерна, который ставит перед государством задачи обеспечения контроля качества и безопасности ввозимой и экспортируемой продукции, в целях поддержания международной конкурентоспособности. Угрозами, имеющими разрушительные последствия, для этих процессов будут эпидемии среди животных, болезни растений [2]. Понимая это, на государственном уровне начинают разрабатываться меры по борьбе с подобной заболеваемостью в целях предотвращения их распространения среди населения.

Многие заболевания являлись опасными и для человека, поэтому эта работа продолжалась и активизировалась в советский период, вводились жесткие карантинные меры ветеринарной службой. Сибирская язва, чума, ящур, бруцеллез и туберкулез представляли реальную угрозу для населения с учетом развития медицины и состояния экономики в целом. В 1919 г. Советом Народных Комиссаров был принят Декрет «О ветеринарных делах», который можно считать правовой основой для деятельности прообраза органов Россельхознадзора в нашей стране. Основной задачей Декрета выступала централизация государственного управления всей системы ветеринарного надзора и установление системы контроля и ответственности. Позднее были разработаны программы вакцинации крупного рогатого скота и других животных как часть системы профилактических мероприятий, была введена система сертификатов как подтверждение прохождения осмотров и профилактических мероприятий [1].

В послевоенные годы целью государства было повышение эффективности сельского хозяйства для обеспечения населения продовольствием. Устанавливались санитарные нормы и правила для транспортировки и хранения продуктов животного происхождения, таких как мясо, молоко, яйца.

1 января 1968 г. был введен Ветеринарный устав Союза ССР, согласно которому ветеринарную службу в СССР возглавляли ветеринарные органы Министерства сельского хозяйства СССР и составляли организации и учреждения государственной ветеринарной сети. В соответствии с Ветеринарным уставом организации и учреждения государственной ветеринарной службы осуществляли свои функции в отношении всех предприятий, организаций и учреждений (независимо от их ведомственной подчиненности), расположенных в зоне деятельности соответствующих организаций и учреждений государственной ветеринарии.

Спад в системе государственного контроля можно видеть после распада СССР и до времени адаптации к новой, рыночной системе хозяйствования. Внутригосударственные экономические проблемы и поток продовольственного импорта создал необходимость в принятии решения о создании системы государственных контролирующих органов, создания соответствующей этому нормативной базы.

С 2004 года контроль за ветеринарной и фитосанитарной безопасностью, качеством сельхозпродукции осуществляет Россельхознадзор. С 2019 года государственный ветеринарный надзор (контроль) стал осуществляться на федеральном уровне с передачей части полномочия субъектам РФ, что способствует, по мнению С. Ю. Миролюбовой, упорядочению контрольно-надзорной деятельности в сфере ветеринарии [7, с. 131].

Корпорации, деятельность которых осуществляется в сфере производства продукции животного происхождения, должны руководствоваться техническими регламентами, которые содержат обязательные для исполнения предписания по вопросам ее безопасности. Органы Россельхознадзора уполномочены проводить инспекции и проверки деятельности предприятий на их соответствие санитарным нормам и ветеринарным правилам, контролировать соблюдение ветеринарных предписаний при хранении, транспортировке и переработке производимой продукции животного происхождения.

Множественное количество правовых предписаний в этой сфере можно разделить на две группы: *ветеринарные правила*, касающиеся стандартов по содержанию животных, их вакцинации, проведению профилактических мероприятий и мер по ликвидации эпизоотий, ветеринарной помощи, и *санитарные нормы и правила* (СанПиН) [3]. Данные нормативы определяют необходимые требования гигиены и безопасности пищевой продукции на всех этапах ее производства и санитарные условия на предприятиях ее производящих.

Корпоративные организации или корпорации в сфере агропромышленного комплекса и производства продукции животного происхождения являются преобладающим видом юридических лиц в экономическом обороте. Корпорации стали частью российской хозяйственно-экономической деятельности и объектом правового регулирования. Под хозяйственной деятельностью корпорации понимается деятельность по приобретению необходимых для производства материалов и реализации продукции собственного производства, приносящей доход. Хозяйственная деятельность является частью производственно-хозяйственной деятельности корпорации.

Е. Б. Татаров и Н. Б. Морозова выделяют три основные сферы в структуре агропромышленного комплекса, а именно:

- основные сельскохозяйственные отрасли, такие как растениеводство и животноводство, что является главными составляющими народного хозяйства и материального производства; сфера, которая занимается обеспечением продовольственной безопасности;
- отрасли пищевой и перерабатывающей промышленности, занимающиеся заготовкой, переработкой, хранением и транспортировкой сельхозпродукции;
- отрасли, занимающиеся обеспечением системы агропромышленного комплекса средствами производства и предметами труда, начиная от машин и оборудования до ГСМ и удобрений [9].

Коммерческие корпорации являются юридическими лицами частного права, обладающими общей правоспособностью. В корпорациях в сфере агропромышленного комплекса участники объединяются для общей цели, то есть преследуют экономическую цель. На них распространяются специальные положения разных отраслей права, которые, в частности, юридически стандартизируют привлечение и сохранение капитала. В рамках разных правовых отраслей на них распространяются разные правовые акты, не только сферы действия частного права. Правила и предписания могут быть и административные, содержащие императивные предписания, если речь идет об отношениях, затрагивающих важные сферы, национальные интересы, безопасность, здоровье.

В соответствии с ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», юридические лица, индивидуальные предприниматели обязаны уведомить о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности Управление Роспотребнадзора. Уведомление о начале осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности представляется юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими выполнение работ и услуг в соответствии с утвержденным Правительством РФ перечнем работ и услуг.

Производственно-хозяйственная деятельности корпораций в сфере производства продукции животного происхождения включает в себя: *производственную деятельность*, то есть внутренне производство, превращение сырья и идей в продукцию; *хозяйственную деятельность* – деятельность организации, самого предприятия по закупке необходимого сырья и материалов и продаже, сбыт готовой продукции. Данную сферу деятельности организации можно охарактеризовать как хозяйственно-управленческую.

В агропромышленном комплексе организация производства сельхозпродукции осуществляется предприятиями различных форм собственности, преобладающее число среди которых занимают корпоративные юридические лица. Среди корпораций несомненное лидерство принадлежит акционерным обществам, обществам с ограниченной ответственностью и кооперативам. Именно хозяйственные общества в соответствии с законодательством могут создавать объединения в форме холдингов.

В последние годы коммерческие корпоративные организации, объединенные в агрохолдинги, обеспечивают значительный рост продукции

сельскохозяйственного производства. В своей деятельности они затрагивают практически все сферы производства, переработки, хранения и транспортировки в области сельского хозяйства, при этом обеспечивая рабочими местами население сельских территорий. Обладая собственными достаточными финансовыми ресурсами, они имеют возможности развития производства, приобретения высокотехнологического оборудования, развития собственной инфраструктуры, что способствует улучшению качества производимой продукции, увеличению ее объемов. Обладая достаточными финансовыми, управленческими и техническими ресурсами, данным объединениям проще обеспечивать должное качество своей продукции и организовывать свою деятельность в соответствии с требованиями ветеринарных правил и санитарных норм.

Агрохолдинги оказывают значительное воздействие на сельские территории РФ. Благодаря им растут поступления в местные бюджеты, возобновляется обработка заброшенных земель, включая орошаемые земли; происходит воссоздание племенного и семенного хозяйства; обеспечивается стандартизация качества сельскохозяйственной продукции; наблюдается рост урожайности, продуктивности скота, производительности труда за счет использования высокоэффективной сельскохозяйственной техники, прогрессивных методов работы, таких как разработка электронных карт полей, укрупненного севооборота (не менее 500 га под одну культуру), испытаний лучших сортов растений на так называемом «поле агронома», спутникового мониторинга полей, позволяющего регулярно получать полный отчет по состоянию полей, оперативно выявлять очаги болезней, видеть, как развивается каждая из культур, дозировано вносить удобрения на основе спутниковых данных. Так, В. Н. Минаев полагает, что агрохолдинги в РФ демонстрируют как экстенсивное развитие, что выражается в наращивании ими земельного банка, так и интенсифицируют производство [6, с. 78].

Единственным негативным фактором их деятельности считаем то, что наряду и наравне с крупными агропромышленными объединениями становится трудно вести деятельность мелким сельхозпроизводителям, которые часто не выдерживают конкуренции и уходят с рынка.

Проверка со стороны Роспотребнадзора деятельности хозяйствующих субъектов – актуальная тема для субъектов, производящих продукцию животного происхождения и имеющих прочие схожие виды деятельности. Проверки могут носить плановый и внеплановый характер, они позволяют выявлять нарушения технических регламентов, санитарных норм и правил, правил продажи товаров. Графики плановых проверок согласуются с органами прокуратуры, размещаются на сайте Генеральной прокуратуры и сайте ведомства и нацелены на устранение нарушений санитарно-эпидемиологических норм. В 2025 году Роспотребнадзор получил новые полномочия. Теперь ведомство имеет право проводить *внезапные проверки* – при выявлении признаков возможных нарушений требований к маркировке продукции. Это нововведение касается товаров, подлежащих обязательной маркировке в системе «Честный знак».

Нормы законодательства, в частности Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, и ФЗ «О ветеринарии» предусматривают возможность привлечения субъектов к ответственности за нарушения в этой сфере деятельности. Субъекты от-

ответственности – граждане, индивидуальные предприниматели и организации, осуществляющие свою деятельность в сфере производства продукции животного происхождения [8].

Все правонарушения в сфере ветеринарного и фитосанитарного контроля можно разделить на *три группы*.

Первая группа связана с нарушениями в деятельности субъектов, которые занимаются содержанием животных и должны соблюдать ветеринарно-санитарные правила их содержания, лечения и профилактики болезней, которые, в свою очередь могут нести угрозу их распространения, в том числе и человеку.

Вторая группа правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов касается контроля за качеством продукции животного происхождения, несоблюдением гигиенических норм в процессе производства, хранения и реализации продукции животного происхождения, что может повлечь за собой реализацию продукции, представляющей угрозу здоровью потребителей.

Третья группа правонарушений может привести к опасным эпидемиям и, как следствие, нанести большой урон как здоровью граждан, так и экономической безопасности – это несоблюдение карантинных и эпизотических мер.

А. А. Куликов [4, с. 36] анализирует законодательство об ответственности и классифицирует правонарушения в сфере ветеринарного надзора, выделяя малозначительные правонарушения, не затрагивающие вопросы жизни и здоровья или качество продукции, последствия которых можно урегулировать путем устранения нарушения. Значительные правонарушения представляют собой производство продукции, небезопасной для потребителя, наносят вред здоровью, а также это локальные случаи эпизотии. Тяжкие правонарушения могут быть в виде несоблюдения карантинных мер или массовой реализации опасной для здоровья продукции, что влечет административную или уголовную ответственность.

Заключение

Правовое регулирование производственно-хозяйственной деятельности предприятий не может осуществляться только при помощи гражданско-правовых норм с их диспозитивной направленностью. Административно-правовое регулирование является по характеру публичным. Это сочетание соответствует самой сущности производственно-хозяйственной деятельности, в которой есть сочетание частных и публично-правовых начал.

Таким образом, можно утверждать, что государственные нормативы в отношении правил ветеринарного контроля, санитарных правил и норм, являясь административными актами, выступают в качестве источника права для деятельности корпораций в сфере агропромышленного комплекса, так как определяют стандарты их производственно-хозяйственной деятельности.

Соблюдение нормативов – основная задача при ведении деятельности в сфере производства и переработки сельхозпродукции, которая достигается наиболее успешно при наличии современных производственных мощностей, внедрении эффективных процессов производства и управления. Цель эффективного правового регулирования и контроля за произ-

водственно-хозяйственной деятельностью организации-производителя – построение системы эффективных правовых институтов, формальных правил функционирования, использование которых будет вести к балансу интересов бизнеса, потребителей и государства.

Список литературы

1. Данилов, О. И. Безопасность сельскохозяйственной продукции и ветеринарный контроль в постсоветской России / О. И. Данилов, Е. Г. Брагин. – Казань : Казанский университет, 2015. – 240 с.
2. Иванов, И. И. Крестьянская реформа 1861 года и ее влияние на сельское хозяйство России / И. И. Иванов. – Санкт-Петербург : Историческое издательство, 2010. – 280 с.
3. Колесников, А. В. Роль и значение Россельхознадзора в обеспечении ветеринарного благополучия / А. В. Колесников // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 51–57.
4. Куликов, А. А. Анализ судебной практики по делам о нарушениях в сфере ветеринарного надзора / А. А. Куликов // Журнал российского права. – 2023. – № 6. – С. 36–39.
5. Лебедев, А. А. Ветеринарный и фитосанитарный контроль в Российской империи / А. А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2019. – 240 с.
6. Минаев, В. Н. Роль агрохолдингов в развитии экономики регионов России / В. Н. Минаев // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2018. – № 2(22). – С. 74–81. doi: 10.31775/2305-3100-2018-2-74-81
7. Миролюбова, С. Ю. История и современность развития государственной ветеринарной службы и государственного ветеринарного контроля (надзора) в Российской Федерации / С. Ю. Миролюбова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2(49). – С. 121–138. doi: 10.17308/law/1995-5502/2022/2/121-138
8. Россельхознадзор. Правовые и организационные аспекты деятельности / под ред. Н. И. Дроздова. – Москва : Проспект, 2022. – 360 с.
9. Татаров, Е. Б. Агропромышленный комплекс России: Современное состояние и тенденции развития / Е. Б. Татаров, Н. Б. Морозова. // Символ науки: международный научный журнал. – 2024. – Т. 1, № 4-2. – С. 105–109.
10. Федотов, С. А. Россельхознадзор в системе национальной безопасности России / С. А. Федотов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2018. – 260 с.

References

1. Danilov O.I., Bragin Ye.G. *Bezopasnost' sel'skokhozyaystvennoy produkcii i veterinarnyy kontrol' v postsovetskoj Rossii* [Agricultural Product Safety and Veterinary Control in Post-Soviet Russia], Kazan': Kazanskiy universitet, 2015, 240 p. (In Russ.)
2. Ivanov I.I. *Krest'yanskaya reforma 1861 goda i yeye vliyaniye na sel'skoye khozyaystvo Rossii* [The Peasant Reform of 1861 and Its Impact on Russian Agriculture], St. Petersburg: Istoricheskoye izdatel'stvo, 2010, 280 p. (In Russ.)
3. Kolesnikov A.V. [The Role and Importance of Rosselkhoz nadzor in Ensuring Veterinary Welfare], *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Civil Service and Personnel], 2021, no. 4, pp. 51-57. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Kulikov A.A. [Analysis of Judicial Practice in Cases of Violations in the Sphere of Veterinary Supervision], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2023, no. 6, pp. 36-39. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Lebedev A.A. *Veterinarnyy i fitosanitarnyy kontrol' v Rossiyskoy imperii* [Veterinary and Phytosanitary Control in the Russian Empire], Moscow: Prospekt, 2019, 240 p. (In Russ.)

6. Minayev V.N. [The Role of Agroholdings in the Development of the Economy of Russia's Regions], *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2018, no. 2(22), pp. 74-81. doi: 10.31775/2305-3100-2018-2-74-81 (In Russ., abstract in Eng.)

7. Mirolyubova S.Yu. [History and modernity of the development of the state veterinary service and state veterinary control (supervision) in the Russian Federation], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Pravo* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law], 2022, no. 2(49), pp. 121-138. doi: 10.17308/law/1995-5502/2022/2/121-138 (In Russ., abstract in Eng.)

8. Drozdov N.I. (Ed.). *Rossel'khoznadzor. Pravovyye i organizatsionnyye aspekty deyatel'nosti* [Rosselkhoznadzor. Legal and organizational aspects of activities], Moscow: Prospekt, 2022, 360 p. (In Russ.)

9. Tatarov Ye.B. [Agro-industrial complex of Russia: Current state and development trends], *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Symbol of Science: International Scientific Journal], 2024, vol. 1, no. 4-2, pp. 105-109. (In Russ., abstract in Eng.)

10. Fedotov S.A. *Rossel'khoznadzor v sisteme natsional'noy bezopasnosti Rossii* [Rosselkhoznadzor in the System of National Security of Russia], Yekaterinburg: Ural University, 2018, 260 p. (In Russ.)

Interaction between the Russian Agro-Industrial Administration and the Production and Economic Activities of Corporations in the Agro-Industrial Complex

M. N. Pridvorova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,*
Department of Civil law and process,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
m.pridvorova@mail.ru

The article deals with the analysis of interaction between the bodies of the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance and corporations carrying out production and economic activities in the agro-industrial sector of the economy. A brief historical and legal analysis of the formation of the system of state veterinary and phytosanitary supervision is given. The complexity of legal regulation of production and economic activities of corporations in the agro-industrial complex by the norms of private and public law is analyzed, which is due to the need for legal regulation of production and technological processes in the production of food products, through the cultivation and processing of animal and plant products in order to ensure food security and protect the health of citizens.

Keywords: corporations; corporate production and economic activities; control; supervision; agriculture; the agricultural sector of the economy; food products; epidemiological safety and certification.

© М. Н. Придворова, 2025

Статья поступила в редакцию 03.09.2025

При цитировании использовать:

Придворова М. Н. Взаимодействие органов Россельхознадзора и производственно-хозяйственной деятельности корпораций в агропромышленном комплексе // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 505 – 512. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.505-512

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ИЗЪЯТИИ И КОПИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ

Алексей Владимирович Андреев, канд. юрид. наук, доцент,
подполковник полиции, кафедра уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя»,
Москва, Россия;
Andreev68rus@yandex.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук, доцент,
полковник полиции, кафедра уголовного процесса,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет МВД
России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
tyotkinden@mail.ru

Исследуется проблема процессуальных особенностей участия специалиста при изъятии и копировании данных с электронных носителей в уголовном судопроизводстве. Особое внимание уделяется анализу правовых норм и выявлению противоречий в правоприменительной практике. Рассматривается обязательность участия специалиста в следственных действиях, связанных с электронными носителями, и выявляются проблемы данного института. Анализируется судебная практика по вопросам допустимости доказательств без участия специалиста, а также случаи формального привлечения специалистов без необходимых компетенций. На основании исследования сделан вывод о необходимости улучшения правового регулирования в рассматриваемой сфере, учитывая рост преступлений в области информационных технологий. Акцентируется внимание на сохранности данных при следственных действиях и процессе копирования информации с электронных носителей.

Ключевые слова: электронные носители информации; специалист в уголовном процессе; изъятие электронных носителей информации; следственные действия; копирование информации.

Введение

Динамичное развитие информационно-телекоммуникационных технологий не только создает новые возможности для совершения противоправных деяний, но и требует совершенствования процессуальных механизмов работы с информацией, которая представлена в цифровой форме. Особую значимость приобретает вопрос регламентации действий следственных органов при изъятии и копировании информации с электронных носителей.

Актуальность исследования обусловлена растущей долей преступлений в сфере информационных технологий, что требует выработки эффективных механизмов получения и закрепления цифровых доказательств. Существующая правоприменительная практика демонстрирует необходимость совершенствования процессуальных норм, регламентирующих порядок участия специалистов при проведении соответствующих следственных действий.

Основная часть

Изменения, вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ)¹ и другие нормативно-правовые акты, показывают свою эффективность в борьбе с преступностью. Это можно подтвердить тем, что общее число преступлений уменьшается. Например, за первые восемь месяцев 2025 года количество зарегистрированных преступлений сократилось на 4,5 % по сравнению с тем же периодом прошлого года. Особенно заметно снижение среди традиционных преступлений. Преступления против личности уменьшились на 9,8 %, грабежи – на 17,4 %, а преступления в общественных местах – на 14 % и др. Стоит выделить снижение преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Данные правонарушения стабильно увеличивались в течение последних пяти лет. К концу 2024 года они составляли 40 % от всех зарегистрированных преступлений².

С развитием технологий преступления, которые прежде требовали личного контакта, теперь часто совершаются онлайн. Незаконный оборот наркотиков, вымогательства, мошенничество и вовлечение в преступную деятельность все чаще происходят в цифровом пространстве, и их доля растет.

В 2018 году на законодательном уровне была предложена и осуществлена инициатива, внесшая ясность в правовые отношения, которые связаны с необходимостью изъятия электронных носителей информации (Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ). Данный закон ввел три основных положения: *во-первых*, ограничил возможность изъятия электронных носителей информации у лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью; *во-вторых*, урегулировал порядок изъятия электронных носителей информации; *в-третьих*, предусмотрел право копирования информации на другой носитель. Многие из указанных изменений вызвали обоснованные споры. Здесь подробнее остановимся на изменении, закрепленном в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ.

Рассмотрим различия в применении чч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ. Законодательство предусматривает, что при изъятии электронного носителя информации, если собственнику этого носителя нужна информация для

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 13.09.2025 г.).

² Состояние преступности // МВД Российской Федерации : офиц. сайт. – URL : <https://мвд.рф/reports/1> (дата обращения: 13.09.2025 г.).

законных целей, копирование данных должно проводиться с участием специалиста и понятых. Однако если следователю достаточно копии информации (ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ), участие специалиста и понятых необязательно. Возникает логичный вопрос: как следователь сможет подтвердить подлинность информации, если она была скопирована не полностью, изменена собственником после копирования на электронном носителе или иным образом?! Исходя из разницы в формулировках рассматриваемых частей ст. 164.1 УПК РФ, происходит и разная трактовка в практике ее применения. Так, например, прокуратура Пензенской области на официальном портале отмечает: «Изъятие электронных носителей информации, а также ее копирование согласно статье 164.1 УПК...» производится при обязательном участии понятых и специалиста³. Другими словами, надзирающий орган одного из субъектов России указывает на требование, согласно которому изъятие и(или) копирование информации с электронного носителя всегда должно производиться при участии понятых и специалиста.

Интересен и другой пример судебной практики применения копирования цифровой информации. Так, Индустриальным районным судом г. Барнаула Алтайского края был признан недопустимым протокол выемки, в ходе которого были скопированы текстовые сообщения с интернет-сайта. Суд обосновал свою позицию тем, что в нарушении ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ (настоящей ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ) при копировании информации не был привлечен специалист⁴. Отметим, что согласно принципу действия уголовно-процессуального закона во времени, в момент принятия решения Судом не существовало отдельной нормы, аналогичной ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ.

Из двух примеров можно сделать вывод, что положения чч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ трактуются как общее и частное. Поэтому во всех случаях изъятия электронных носителей или копирования информации с них требуется специалист. Но такой подход ошибочен. Часть 2 ст. 164.1 УПК РФ говорит об изъятии и приобщении к материалам дела самого электронного носителя. Копирование информации с него – гарантия, что владелец сможет продолжать законные действия. Часть 3 статьи применяется, когда нет необходимости изымать носитель или невозможно получить к нему доступ (например, если информация находится в открытом доступе в сети Интернет и др.).

Безусловно, согласно принципу действия уголовно-процессуального закона во времени, приведенное решение Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края было законным и обоснованным, однако рассмотрим, как данная ситуация должна была решаться в настоящий момент. Полагаем, что в рассматриваемом примере необходимо применить ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, без рассмотрения положения ее части 2. Таким об-

³ «Прокурор разъясняет» от 26 марта 2020 г. // Прокуратура Пензенской области. – URL : https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_58/activity/legal-education/explain?item=23593263 (дата обращения: 13.09.2025 г.).

⁴ Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края по делу № 1-535/13 : определение: принято Индустриальным районным судом РФ 23.12.2013 г. – URL : <https://rospravosudie.com/court-industrialnyj-rajonnyj-sud-gbarnaula-altajskij-kraj-s/act-459202135>. (дата обращения: 20.09.2025).

разом, участие специалиста и понятых в данном случае было бы обязательным и решалось бы по усмотрению следователя. Однако и само действие следователя было бы незаконным, так как ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ предусматривает возможность копирования информации с электронного носителя только на другой электронный носитель информации, не закрепляя возможность переноса информации из цифрового вида в любой другой.

Отсутствие возможности переноса цифровой информации в другую форму при копировании является правовым пробелом. В попытке исправить ситуацию предпринимаются шаги как на доктринальном уровне, так и в практической деятельности. Например, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что под копированием компьютерной информации следует понимать не только перенос данных на другой электронный носитель, но и их воспроизведение в материальной форме. Это включает отправку по электронной почте, распечатку на принтере, фотографирование, переписывание от руки и другие способы⁵.

Проблема обязательного участия специалиста при изъятии электронного носителя информации стоит более остро. Так, ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ во всех случаях закрепляет обязательность участия специалиста и понятых, при этом не определяя каких-либо исключений из этого правила. При подготовке материалов встречались случаи, когда в протокол «формально» вписывались специалисты, которые не обладали специальными познаниями в области информационных технологий, часто привлекался специалист, который осуществлял свою трудовую деятельность с лицом, у которого производилось изъятие электронных носителей информации, и другие способы обхода положения об обязательном участии специалиста при изъятии электронного носителя информации.

Как отметил А. Л. Осипенко, современные технологии и новые виды преступлений требуют тщательного подхода к изъятию электронных носителей информации. Это нужно для того, чтобы использовать данные в суде. Важно, чтобы процесс изъятия был четко прописан в законе. Это позволит избежать нарушений прав граждан и обеспечит успешное расследование [4, с. 157].

Соглашаясь с данным суждением, А. Р. Белкин отмечает, что законодатель справедливо указал на тот факт, что при изъятии электронного носителя информации ставится задача, требующая профессиональных знаний и навыков в области информатики [1, с. 23 – 25]. Таким образом, подерживая участие специалиста во всех случаях.

Некоторые исследователи считают, что не для всех цифровых устройств требуется участие специалиста. Например, при изъятии жестких дисков, компакт-дисков, флеш-карт [4, с. 160], сотовых телефонов, цифровых фотоаппаратов и MP3-плееров [5, с. 125] можно обойтись без специальных познаний.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // СПС КонсультантПлюс. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573 (дата обращения: 20.09.2025 г.).

Мы не поддерживаем идею законодательного закрепления списка электронных носителей, которые можно изымать без участия специалиста. Любой носитель может содержать зашифрованную информацию или иметь защиту от несанкционированного доступа. Нарушение технических правил может привести к изменению или полной утрате данных, что делает их непригодными для использования в качестве доказательств. Однако правило об обязательном участии специалиста во всех случаях нам тоже видится избыточным.

К интересному выводу пришла К. С. Косолапова, проанализировав данные о преступлениях в сфере информационных технологий за 2023 год, отметила, что каждый день следователю в каждом регионе России нужно привлекать минимум 21 специалиста [3, с. 298–299]. Если учитывать, что при расследовании других преступлений тоже могут потребоваться электронные носители, а при их осмотре и других следственных действиях специалисты будут необходимы, то обеспечить такое количество работников становится невозможно.

Стоит задаться очевидным вопросом: если на законодательном уровне установлено обязательное участие специалиста при любом изъятии электронного носителя информации, а обеспечить явку специалиста в каждом случае не представляется возможным, то как поступает правоприменитель?

Иногда следователи изымают электронные носители информации без участия специалиста, надеясь, что их действия не будут оспорены и доказательства не признают недопустимыми. Однако, как показывает исследование К.Ю. Яковлевой, в некоторых случаях следователи и суды указывают изъятые носители иначе, что подразумевает необязательность соблюдения правила об участии специалиста при их использовании в доказывании. Так, можно встретить следующие формулировки: носитель электронной информации (карта памяти); оптический CD-R диск с видеозаписью; оптический диск DVD-R с электронной информацией; магнитный диск CD-R, содержащий электронную информацию; компьютерная техника (системный блок); оптический CD-R диск с аудиозаписью и др. [6, с. 36 – 40]. Указанный подход, по нашему мнению, не может применяться исходя из определения электронного носителя информации, закрепленного в ГОСТе 2.051–2013. Данный документ определяет понятие электронного носителя информации – материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой при помощи средств вычислительной техники⁶.

Рассмотрим еще один пример из практической деятельности⁷. Гражданки А. и Б. были осуждены за кражу денег у гражданина В. В ходе следствия гражданка Б. признала вину, вернула часть украденного и сообщила, что действовала вместе с А. Однако А. свою причастность отрицала. Следователи не нашли у нее похищенных денег и других сведений, гово-

⁶ ГОСТ 2.051–2013. Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения (с Поправкой). – Введ. 2014-06-01. – URL : <https://ulgosexp.ru/files/documents/GOST-2.051-2013.pdf> (дата обращения: 20.09.2025).

⁷ Материалы уголовного дела № 11301680032047442 / Архив Ленинского районного суда города Тамбова. Материал не публиковался.

рящих о ее причастности к совершению преступления. Возникли сомнения в ее виновности. На допросе Б. сообщила, что после кражи переписывалась с А. через SMS и мессенджеры об обстоятельствах преступления. Следователь изъял телефон Б., осмотрел его в ее присутствии, зафиксировал данные и признал устройство вещественным доказательством. Телефон был возвращен под расписку, запрещающую изменять или удалять информацию, имеющую значение для уголовного дела. Все действия проводили без участия специалиста, но с понятными. Следователь подтвердил факт переписки, запросив данные о соединениях между абонентами. А вот выемка телефона, его осмотр и последующая экспертиза, которые проводились у гражданки А. с участием специалиста и впоследствии эксперта, не позволили установить значимую информацию для уголовного дела, так как она была удалена с телефона А., а восстановить ее не представлялось возможным.

Пример показывает, что в некоторых случаях участие специалиста не обязательно. Если суд признает, что выемка без специалиста была незаконной, он может повторно осмотреть телефон, допросить понятых или иным способом установить причастность А. к преступлению. В данном случае участие специалиста было избыточным, а экспертиза только увеличила процессуальные сроки расследования преступления.

По данному факту интересную позицию высказали А. Б. Коновалова и А. В. Глухих. Согласно их точке зрения, при изъятии электронного носителя информации необходимо обращать внимание на содержательную сторону, то есть какую доказательственную информацию содержит в себе соответствующий носитель. По их мнению, если электронный носитель информации будет выступать в качестве вещественного доказательства по уголовному делу, то привлечение специалиста для изъятия может носить диспозитивный характер. А если важна сама информация, содержащаяся на данном носителе, то присутствие специалиста необходимо [2, с. 418].

Мы не можем согласиться с этим мнением. Следователь не может заранее знать, какую ценность будут иметь данные на электронном носителе. Чтобы хотя бы примерно оценить значимость изымаемой информации, он должен с ней ознакомиться и, в некоторых случаях, проверить. Поэтому такой подход кажется нам не совсем правильным.

Привлечение специалистов к следственным действиям требует разумного подхода. Следователь сам должен решать, нужен ли ему специалист в конкретной области. Если его знания достаточны, и он уверен, что сможет провести действия без риска потерять следы преступления, он действует самостоятельно. Например, если следователь изымает биологические следы человека, закон не обязывает его привлекать специалиста. Даже если он ошибется и упакует следы в полимерный пакет без доступа кислорода, что может уничтожить их, его действия не будут считаться незаконными.

Следователь (дознатель) при изъятии и(или) копировании информации с электронного носителя заинтересован в сохранении следов преступления. Более того, специализированные следователи могут обладать познаниями, которые позволят произвести следственные действия без участия специалиста или изъять носитель информации без его фактического

осмотра для дальнейшего производства экспертизы. В некоторых случаях целесообразно привлекать не специалиста, а владельца технического устройства, которым, например, может быть потерпевший, свидетель и др. Легко предположить, что в недалеком будущем могут быть разработаны и внедрены специальные технические устройства и(или) специальное программное обеспечение, которое позволит осуществлять изъятие и копирование информации без участия специалиста.

Заключение

Подводя итог сказанному, следует сделать ряд теоретических выводов. *Во-первых*, положение чч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ нельзя воспринимать как общее и частное. Часть 2 этой статьи применяется, когда нужно изъять электронный носитель информации. Часть 3 используется, когда изъятие не требуется или нет доступа к носителю. При применении части 3 участие специалиста для копирования информации необязательно. Данный вопрос следовательно решает по общим правилам.

Во-вторых, положение чч. 2 и 3 ст. 164.1 УПК РФ предусматривает возможность копирования информации только на другой электронный носитель информации. Полагаем, что следует предусмотреть возможность копирования информации путем ее воспроизведения в материальной форме (в том числе отправка по электронной почте, распечатывание на принтере, фотографирование, переписывание от руки и т. п.).

В-третьих, ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ требует обязательного участия специалиста при изъятии электронных носителей информации. Мы считаем, что это требование избыточно и вызывает правоприменительные сложности. Стоит изменить эту норму, обязав следователя привлекать специалиста только в тех случаях, когда при изъятии электронного носителя информации есть риск уничтожения, блокировки или модификации данных, содержащихся на нем.

Список литературы

1. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / А. Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 471 с.
2. Коновалова, А. Б. Изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации: к вопросу о новеллах правового регулирования / А. Б. Коновалова, А. В. Глухих // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) : сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. : в 4-х томах, Киров, 01–26 апреля 2019 года. – Киров, 2019. – Т. 3. – С. 417 – 423.
3. Косолапова, К. С. Взгляд в будущее: совершенствование процесса изъятия электронных носителей информации / К. С. Косолапова // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сб. науч. тр. XIII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 30 ноября 2023 года. – Москва, 2024. – С. 297 – 302.
4. Осипенко, А. Л. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации / А. Л. Осипенко, А. И. Гайдин // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 156 – 163.

5. Старичков, М. В. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации / М. В. Старичков, В. А. Антонов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Вып. 3 – 4. – М., 2013. – С. 123 – 127.
6. Яковлева, К. Ю. Использование электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. / К. Ю. Яковлева. – М., 2024. – 202 с.

References

1. Belkin A.R. *Teoriya dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve: uchebnik dlya vuzov* [Theory of Evidence in Criminal Proceedings: a textbook for universities], Moscow: Yurayt, 2025, 471 p. (In Russ.)
2. Konovalova A.B., Glukhikh A.V. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK-2019) : sb. st. XIX Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Society. Science. Innovations (NPK-2019): Collection of Articles. XIX All-Russian Scientific and Practical Conference], in 4 vols., Kirov, 01-26 April 2019, Kirov, 2019, vol. 3, pp. 417-423. (In Russ.)
3. Kosolapova K.S. *Ugolovnoye sudoproizvodstvo: sovremennoye sostoyaniye i strategiya razvitiya: sb. nauch. tr. XIII Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Criminal Procedure: Current State and Development Strategy: Collection of Scientific Papers. XIII All-Russian Scientific and Practical Conference], Moscow, 30 November 2023, Moscow, 2024, pp. 297-302. (In Russ.)
4. Osipenko A.L., Gaydin A.I. [Legal Regulation and Tactical Features of Confiscation of Electronic Storage Media], *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 1, pp. 156-163. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Starichkov M.V., Antonov V.A. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sb. nauch. tr.* [Forensic science: yesterday, today, tomorrow: Collection of Scientific Papers.], Is. 3-4, Moscow, 2013, pp. 123-127. (In Russ.)
6. Yakovleva K.Yu. *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Moscow, 2024, 202 p. (In Russ.)

The Procedural Procedure for the Participation of a Specialist in the Removal and Copying of Information from Electronic Media

A. V. Andreev, *Cand. Sci. (Law), Police Lieutenant Colonel, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, Moscow, Russia;*
Andreev68rus@yandex.ru

D. V. Tetkin, *Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, Ryazan, Russia;*
tyotkinden@mail.ru

The article examines the problem of the procedural features of a specialist's participation in the seizure and copying of data from electronic media in criminal proceedings. Special attention is paid to the analysis of legal norms and the identification of contradictions in law enforcement practice. Examines in detail the mandatory participation of a specialist in

investigative actions related to electronic media, and identifies the problems of this institution. The article analyzes judicial practice on the admissibility of evidence without the participation of a specialist, as well as cases of formal involvement of specialists without the necessary competencies. Based on the research, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve legal regulation in this area, given the increase in crimes in the field of information technology. Special attention is paid to the safety of data during investigative actions and the process of copying information from electronic media.

Keywords: electronic media; specialist in criminal proceedings; seizure of electronic media; investigative actions; copying of information.

© А. В. Андреев, 2025

© Д. В. Теткин, 2025

Статья поступила в редакцию 01.10.2025

При цитировании использовать:

Андреев А. В., Теткин Д. В. Процессуальный порядок участия специалиста при изъятии и копировании информации с электронных носителей // Право: история и современность. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 513 – 521. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.513-521

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Залина Хазраталиевна Кочесокова, канд. экон. наук, доцент,
кафедра специальных дисциплин,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России (филиал) ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
Нальчик, Россия; zalina-solnce@mail.ru

Статья представляет собой результат научно-практического исследования, посвященного всестороннему и системному анализу комплекса проблем, сопряженных с претворением в жизнь принципа состязательности на этапах досудебного производства по уголовным делам в Российской Федерации. В рамках данной работы проводится деконструкция понятия и содержания принципа состязательности, устанавливаются его взаимосвязи с иными основополагающими началами уголовного судопроизводства, прослеживается эволюция данного принципа в ретроспективе.

Центральное место в исследовании отводится идентификации и анализу проблемных аспектов на начальных этапах уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела и стадии предварительного расследования. В этой связи детально рассмотрению подвергаются вопросы, касающиеся обеспечения подлинного процессуального равноправия сторон, что является неотъемлемым атрибутом состязательности. Рассматривается проблематика обеспечения транспарентности материалов уголовного дела для сторон, эффективного участия адвоката-защитника в процессуальных действиях, а также прерогатив суда и прокурора в обеспечении состязательных начал на досудебных стадиях.

Ключевые слова: состязательность; досудебное производство; уголовный процесс; равноправие сторон; сторона защиты; сторона обвинения; следователь; дознаватель; прокурор; суд; предварительное расследование; возбуждение уголовного дела; доказательства; уголовно-процессуальное законодательство.

Введение

Один из основополагающих принципов, определяющих архитектуру современного уголовного судопроизводства в Российской Федерации, находит свое нормативное закрепление в положениях Конституции Российской Федерации [6, ст. 123] и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [10, ст. 15]. Речь идет о *принципе состязательности*, который предопределяет специфическую модель организации уголовного процесса.

Несмотря на законодательное закрепление принципа состязательности, его реализация в досудебном производстве по уголовным делам в России сталкивается с серьезными проблемами. Исторически сложившаяся инквизиционная модель досудебного производства, при которой

доминирующую роль играют органы уголовного преследования, а права стороны защиты существенно ограничены, до сих пор оказывает значительное влияние на правоприменительную практику.

В последние годы наблюдается определенный прогресс в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в направлении усиления состязательных начал. Внесены изменения в УПК РФ, направленные на расширение прав защитника, усиление судебного контроля за досудебным производством, повышение гарантий прав потерпевших. Однако эти изменения носят фрагментарный характер и не решают всех проблем, связанных с реализацией принципа состязательности.

Обсуждение

Предмет исследования – теоретические и практические проблемы реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам в Российской Федерации.

Цель исследования – комплексный анализ данных проблем, выявление причин их возникновения и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектический анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, историко-правовой, статистический) методы познания.

Эмпирическая база исследования: данные официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ о результатах рассмотрения судами ходатайств органов предварительного расследования; материалы опубликованной судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования; результаты обобщения материалов уголовных дел, находящихся в производстве следственных органов и органов дознания; аналитические материалы и обзоры, подготовленные Генеральной прокуратурой РФ, Следственным комитетом РФ, Министерством внутренних дел РФ.

Один из фундаментальных принципов, лежащих в основе построения системы уголовного судопроизводства, находит свое нормативное выражение в ст. 15 УПК РФ [10]. Речь идет о принципе состязательности, который детерминирует особую модель организации уголовного процесса. Эта модель характеризуется четким разграничением процессуальных функций, а именно, функции обвинения, функции защиты и, что принципиально важно, функции разрешения уголовного дела по существу. Осуществление каждой из этих функций возлагается на самостоятельные, независимые друг от друга субъекты уголовно-процессуальных отношений. Стороны, представляющие обвинение и защиту, наделяются процессуальным паритетом, то есть равным объемом прав и возможностей, что является гарантией отстаивания ими своих законных интересов перед судом.

В доктрине уголовного процесса существуют различные подходы к определению понятия и содержания принципа состязательности. Одни авторы акцентируют внимание на равноправии сторон [8, с. 105], другие – на разделении процессуальных функций [3, с. 88], третьи – на активной роли суда в обеспечении состязательности [7, с. 25]. Представляется, что

наиболее полное определение принципа состязательности должно включать в себя все эти элементы.

Суду в состязательном процессе отводится особая роль, отличная от роли простого арбитра. Суд не ограничивается пассивным наблюдением за процессуальным противоборством сторон. Напротив, на него возлагается обязанность по активному содействию сторонам в реализации ими своих процессуальных прав, обеспечению подлинной состязательности процесса. Суд осуществляет оценку представленных доказательств и выносит итоговое решение [7, с. 25–26].

Значение принципа состязательности заключается в том, что он является важнейшей гарантией установления истины по делу, обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Состязательность способствует выявлению всех обстоятельств дела как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, позволяет суду сформировать полное и объективное представление о произошедшем событии [2, с. 45].

Принцип состязательности тесно взаимосвязан с другими принципами уголовного процесса [5], такими как презумпция невиновности, обеспечение права на защиту, законность, публичность, разумный срок уголовного судопроизводства и др. Принцип состязательности обеспечивает реализацию презумпции невиновности, поскольку предоставляет стороне защиты равные возможности с обвинением по опровержению предъявленного обвинения. Состязательность предполагает активное участие защитника в процессе доказывания, предоставление ему широких полномочий по сбору и представлению доказательств, заявлению ходатайств и т.д. [12].

Законность (ст. 7 УПК РФ). Все действия и решения органов предварительного расследования и суда должны основываться на законе и соответствовать ему [10]. Принцип состязательности способствует обеспечению законности, поскольку предполагает строгий контроль суда за соблюдением прав сторон и требований закона в ходе уголовного судопроизводства.

Разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ). Состязательность процесса предполагает, что стороны в равной степени ответственны за соблюдение сроков и не должны ими злоупотреблять [10].

В то же время между принципом состязательности и некоторыми другими принципами могут возникать определенные коллизии. Например, принцип публичности (официальности), предполагающий обязанность органов уголовного преследования осуществлять расследование независимо от волеизъявления потерпевшего, может вступать в противоречие с принципом состязательности в тех случаях, когда потерпевший не желает активно участвовать в процессе и отстаивать свои интересы. В таких случаях необходимо обеспечивать баланс между этими принципами, учитывая конкретные обстоятельства дела [12].

Принцип состязательности имеет длительную историю развития в российском уголовном процессе. Его элементы можно обнаружить еще в дореволюционном законодательстве, в частности, Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который вводил институт присяжных заседателей, адвокатуру, гласность и устность судопроизводства.

В советский период принцип состязательности был существенно ограничен. Уголовный процесс носил преимущественно инквизиционный (розыскной) характер, при котором суд, прокурор, следователь и дознава-

тель были наделены широкими полномочиями по собиранию доказательств и установлению истины по делу, а роль стороны защиты была сведена к минимуму [8, с. 50].

Возрождение принципа состязательности началось в конце XX века в связи с принятием Конституции РФ 1993 г. [6] и нового Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. [10], которые закрепили состязательность в качестве одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства [11]. Однако несмотря на законодательное закрепление, реализация принципа состязательности, особенно в досудебном производстве, до сих пор сталкивается с рядом проблем.

Стадия возбуждения уголовного дела является начальным этапом уголовного судопроизводства, на котором решается вопрос о наличии достаточных оснований для начала расследования [10, ст. 140 – 145]. Реализация принципа состязательности на данной стадии имеет свои особенности, обусловленные ее спецификой. С одной стороны, на этом этапе еще нет сторон обвинения и защиты в полном смысле этого слова, поскольку нет подозреваемого и обвиняемого. С другой стороны, уже на стадии проверки сообщения о преступлении могут затрагиваться права и законные интересы лиц, в отношении которых проводится проверка, а также лиц, пострадавших от преступления.

Одной из основных проблем является ограниченный доступ стороны защиты (потенциального подозреваемого, его адвоката) к материалам проверки сообщения о преступлении [4]. В соответствии с действующим законодательством, до возбуждения уголовного дела адвокат не имеет права знакомиться с этими материалами, за исключением случаев, предусмотренных законом (например, при задержании лица по подозрению в совершении преступления) [1, с. 63]. Это лишает сторону защиты возможности эффективно возражать против выдвигаемых обвинений, представлять свои доказательства, заявлять ходатайства.

Другой проблемой является отсутствие четких процессуальных гарантий обеспечения равенства возможностей сторон на стадии возбуждения уголовного дела. Фактически, на этом этапе доминирующее положение занимает орган дознания или следователь, который проводит проверку сообщения о преступлении и обладает широкими полномочиями по сбору информации. Потенциальный подозреваемый и его защитник, как правило, не имеют возможности участвовать в проверочных действиях, представлять свои объяснения и доказательства [1, с. 64].

В научной литературе высказываются предложения о необходимости расширения прав стороны защиты на стадии возбуждения уголовного дела, в частности, о предоставлении адвокату права знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, участвовать в проверочных действиях, представлять доказательства, заявлять ходатайства. Однако эти предложения пока не нашли своего отражения в законодательстве.

Дискуссионным является вопрос о необходимости введения фигуры следственного судьи и расширения его полномочий на стадии возбуждения уголовного дела. Следственный судья мог бы осуществлять судебный контроль за законностью и обоснованностью действий органов предварительного расследования, обеспечивать соблюдение прав участников уголовного процесса, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. Например, следственный судья мог бы рассматривать ходатайства сторо-

ны защиты об ознакомлении с материалами проверки сообщения о преступлении, о проведении дополнительных проверочных действий, об отводе следователя или дознавателя.

Стадия предварительного расследования занимает центральное место в структуре досудебного производства, выполняя ключевую роль в процессе формирования доказательственной базы и установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Именно на этом этапе осуществляется комплекс мероприятий, направленных на сбор, фиксацию и проверку доказательств, а также на всестороннее и полное выяснение обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. В рамках предварительного расследования принимаются процессуальные решения, имеющие определяющее значение для дальнейшего движения уголовного дела: о привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении него мер процессуального принуждения, и, в конечном итоге, о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения по существу либо о его прекращении по основаниям, предусмотренным законом [10, ст. 151 – 226].

На этой стадии принцип состязательности должен реализовываться в полной мере, поскольку здесь уже четко определены стороны обвинения и защиты, а также предмет доказывания [9]. Однако на практике возникает ряд проблем, препятствующих полноценной реализации этого принципа.

Неравенство полномочий следователя (дознателя) и стороны защиты. Следователь (дознатель) обладает широкими властными полномочиями по собиранию доказательств, применению мер процессуального принуждения, принятию процессуальных решений. Сторона защиты, в свою очередь, имеет значительно меньше возможностей для активного участия в процессе доказывания [12].

Ограниченный доступ стороны защиты к материалам уголовного дела. В соответствии с действующим законодательством, защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, а также с материалами, направляемыми в суд в обоснование избрания меры пресечения [10, ст. 53]. Однако в полном объеме материалы уголовного дела становятся доступны стороне защиты только по окончании предварительного расследования (ст. 217 УПК РФ) [10]. Это ограничивает возможности стороны защиты по своевременному и эффективному опровержению доказательств, собранных стороной обвинения.

Проблемы реализации принципа состязательности при производстве отдельных следственных действий. При производстве таких следственных действий, как допрос, очная ставка, обыск, выемка, осмотр места происшествия, освидетельствование, следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, сторона защиты, как правило, не имеет возможности активно участвовать в их проведении, задавать вопросы, представлять свои доказательства. Это связано с тем, что данные следственные действия проводятся следователем (дознателем) единолично, а участие защитника в них не всегда является обязательным [2, с. 110].

Проблемы обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон при сборе и представлении доказательств. Сторона обвинения

имеет значительно больше возможностей для сбора доказательств, чем сторона защиты. Это связано с тем, что следователь (дознатель) обладает властными полномочиями, имеет доступ к различным источникам информации, может привлекать специалистов, экспертов и т.д. Сторона защиты, в свою очередь, ограничена в возможностях по сбору доказательств, не имеет доступа к оперативно-розыскной информации, не может самостоятельно проводить следственные действия [12].

Проблематика обеспечения состязательности в процессе избрания и применения мер процессуального принуждения является одной из наиболее острых в современном уголовном судопроизводстве. При принятии решений о применении таких мер, как задержание, заключение под стражу, домашний арест или залог, сторона защиты зачастую оказывается в положении, существенно ограничивающем ее возможности по эффективному отстаиванию своей позиции. Это обусловлено рядом факторов, объективно снижающих уровень состязательности на данном этапе.

Одним из ключевых факторов является специфика процедуры принятия решений об избрании мер пресечения. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, такие решения принимаются судом в рамках закрытого судебного заседания, что, в свою очередь, сопряжено с ограниченным доступом стороны защиты к материалам, служащим основанием для принятия решения [10, ст. 108].

Проблемы осуществления защиты при ознакомлении с материалами уголовного дела. На практике нередко возникают ситуации, когда следователь (дознатель) ограничивает время ознакомления с материалами уголовного дела, не предоставляет стороне защиты возможности снять копии с материалов дела, не обеспечивает надлежащие условия для ознакомления (например, не предоставляет отдельное помещение, не обеспечивает конфиденциальность) [2, с. 115].

Судебному органу отводится особая роль гаранта соблюдения принципа состязательности в ходе предварительного расследования. Эта роль реализуется посредством осуществления судебного контроля, направленного на проверку законности и обоснованности действий и решений, принимаемых органами предварительного расследования. В компетенцию суда входит рассмотрение жалоб, подаваемых участниками уголовного процесса на действия (бездействие), а также на решения следователя, дознавателя и прокурора. Кроме того, суд уполномочен принимать решения, касающиеся избрания мер пресечения, а также санкционировать проведение отдельных следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав и свобод граждан [10, ст.ст. 125, 108, 165].

Вместе с тем приходится констатировать, что в правоприменительной практике эффективность судебного контроля на стадии предварительного расследования не всегда достигает должного уровня. Нередко наблюдается тенденция к формальному подходу со стороны судов, когда проверка представленных материалов ограничивается лишь констатацией соблюдения процедурных требований и не сопровождается глубоким анализом существа дела и оценкой обоснованности принимаемых решений [3, с. 90].

Потерпевший является одним из ключевых участников уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы непосредственно затрагиваются преступлением.

Процессуальный статус потерпевшего предполагает наличие у него широкого круга прав, направленных на защиту его интересов, в том числе

и в досудебном производстве. Эти права включают в себя право знать о предъявленном обвиняемому обвинении, давать показания, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в следственных действиях, знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, обжаловать действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и суда [10, ст. 42].

Однако *реализация прав потерпевшего* в контексте принципа состязательности в досудебном производстве сталкивается с рядом проблем:

Недостаточная информированность потерпевшего о ходе расследования. На практике потерпевшие не всегда своевременно и в полном объеме информируются о ходе расследования, принятых процессуальных решениях, результатах проведенных следственных действий. Это затрудняет реализацию потерпевшим своих прав, в том числе права на обжалование действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования [12].

Ограниченный доступ к материалам дела. До окончания предварительного расследования потерпевший имеет право знакомиться лишь с теми материалами дела, которые непосредственно касаются причиненного ему вреда [10, ст. 42].

Проблемы участия потерпевшего в следственных действиях. Потерпевший имеет право участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его представителя. Однако на практике следователи (дознаватели) не всегда удовлетворяют такие ходатайства, ссылаясь на то, что участие потерпевшего может помешать расследованию [2, с. 112].

Обеспечение баланса прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) является одной из сложных задач в уголовном процессе. С одной стороны, необходимо обеспечить потерпевшему возможность активно защищать свои интересы, участвовать в доказывании, получать возмещение причиненного вреда. С другой стороны, необходимо соблюдать права обвиняемого (подозреваемого), в том числе презумпцию невиновности, право на защиту, право не свидетельствовать против себя [7, с. 30].

На основании проведенного анализа предлагаются следующие *меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики* в целях обеспечения полноценной реализации принципа состязательности в досудебном производстве:

- Внести изменения в ст.ст. 49, 53 УПК РФ, предоставив защитнику право:
 - знакомиться со всеми материалами проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела, если в отношении его подзащитного проводятся проверочные действия или принимаются процессуальные решения, затрагивающие его права и законные интересы;
 - участвовать во всех следственных и иных процессуальных действиях, проводимых с участием его подзащитного, независимо от стадии уголовного судопроизводства;
 - получать копии всех процессуальных документов, имеющих отношение к делу, в том числе постановлений о назначении экспертиз, заключений экспертов, протоколов следственных действий, проведенных без участия защитника.
- Внести изменения в ст. 144 УПК РФ, предусмотрев обязанность следователя (дознавателя) уведомлять лицо, в отношении которого прово-

дится проверка сообщения о преступлении, и его защитника о проведении проверочных действий, затрагивающих их права и законные интересы, и обеспечивать им возможность участия в этих действиях.

- Внести изменения в ст. 42 УПК РФ, предоставив потерпевшему право знакомиться со всеми материалами уголовного дела с момента признания его потерпевшим, а не только по окончании предварительного расследования, за исключением материалов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений, разглашение которых может создать угрозу безопасности участников уголовного судопроизводства.

- Для реализации инициативы по внедрению института следственных судей представляется необходимым осуществить разработку и последующее принятие специального федерального закона, посвященного регулированию данного института. В тексте федерального закона «О следственных судьях» надлежит с должной степенью детализации определить статус следственных судей, объем их полномочий, а также процедурные аспекты, связанные с порядком их назначения на должность и осуществления ими своей профессиональной деятельности.

- В законе целесообразно закрепить, что основной функцией следственных судей является осуществление судебного контроля за действиями и решениями, производимыми и принимаемыми органами предварительного расследования в рамках досудебной стадии уголовного судопроизводства. К числу полномочий следственных судей следует отнести рассмотрение жалоб, инициированных участниками уголовного процесса, на действия (бездействие) и решения, исходящие от следователя, дознавателя или прокурора. Помимо этого, в компетенцию следственных судей должно входить принятие решений по вопросам, касающимся избрания мер пресечения, и санкционирование производства тех следственных действий, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан. Важным аспектом является включение в перечень полномочий следственных судей рассмотрения ходатайств, заявленных стороной защиты, об ознакомлении с материалами, собранными в ходе проверки сообщения о преступлении, что усилит гарантии прав участников процесса.

- Разработать методические рекомендации для следователей (дознавателей) и судей по вопросам обеспечения принципа состязательности в досудебном производстве, обратив особое внимание на необходимость соблюдения прав стороны защиты и потерпевшего, обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон, эффективного осуществления судебного контроля.

- Проводить регулярное обобщение судебной практики по вопросам реализации принципа состязательности в досудебном производстве, обращая внимание на типичные нарушения, допускаемые органами предварительного расследования и судами, и выработать меры по их устранению.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Принцип состязательности является одним из основополагающих принципов уголовного судопроизводства, обеспечивающих защиту прав и законных интересов участников процесса, установление истины по делу и вынесение справедливого решения [8, с. 105].

Реализация принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам в России сталкивается с рядом проблем, обусловленных как несовершенством законодательства, так и сложившейся правоприменительной практикой [2, с. 108].

Основными проблемами являются ограниченный доступ стороны защиты к материалам дела, неравенство процессуальных возможностей сторон, недостаточная эффективность судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования [1, с. 64; 3, с. 89].

Для решения этих проблем необходимо внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на расширение прав стороны защиты и потерпевшего, введение института следственных судей, совершенствование механизма судебного контроля, а также принять меры по изменению правоприменительной практики [7, с. 32].

Цифровизация уголовного процесса может стать эффективным инструментом обеспечения состязательности, обеспечив оперативный доступ к информации и упростив взаимодействие между участниками процесса.

Необходимо дальнейшее изучение и имплементация международных стандартов в сфере состязательности уголовного судопроизводства.

Реализация предложенных мер позволит существенно повысить эффективность реализации принципа состязательности в досудебном производстве, обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, повысить качество расследования и судебного разбирательства уголовных дел, а также укрепить доверие общества к правоохранительной и судебной системам.

Список литературы

1. Александров, А. С. Принцип состязательности в досудебных стадиях уголовного процесса / А. С. Александров // Журнал российского права. – 2001. – № 8. – С. 62–70.
2. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 315 с.
3. Божьев, В. П. Состязательность на предварительном следствии / В. П. Божьев // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 88–91.
4. Быстрова, Ю. В. Проблемы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в российском уголовном процессе: уклон в сторону обвинения / Ю. В. Быстрова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 2(91). – С. 87–94.
5. Гамзалиев, Р. З. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / Р. З. Гамзалиев // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 178–181.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Михайловская, И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И. Б. Михайловская. – Москва : Проспект, 2003. – 144 с.
8. Смирнов, А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 320 с.

9. Титов, П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве / П. М. Титов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1(99). – С. 128 – 134.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

11. Шмелев, О. Б. Конституционность принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве / О. Б. Шмелев, А. Т. Мурсалимов // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 3-3. – С. 187–190.

12. Шуенкова, Е. В. Принципы уголовного процесса / Е. В. Шуенкова // Молодой ученый. – 2022. – № 46(441). – С. 383–385. (дата обращения: 17.02.2025).

References

1. Aleksandrov A.S. [The principle of adversarial proceedings in the pre-trial stages of criminal proceedings], *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2001, no. 8, pp. 62-70. (In Russ., abstract in Eng.)

2. Barabash A.S. *Priroda rossiyskogo ugovnogo protsessa, tseli ugovno-protsessual'noy deyatel'nosti i ikh ustanovleniye* [The nature of Russian criminal proceedings, the goals of criminal procedural activity and their establishment], St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Legal Center Press", 2005, 315 p. (In Russ.)

3. Bozhev V.P. [Adversarial proceedings during preliminary investigation], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2004, no. 6, pp. 88-91. (In Russ., abstract in Eng.)

4. Bystrova Yu.V. [Problems of implementing the principle of adversarial proceedings and equality of the parties in Russian criminal proceedings: a bias towards the prosecution], *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2022, no. 2(91), pp. 87-94. (In Russ., abstract in Eng.)

5. Gamzaliev R.Z. [The principle of adversarial proceedings in criminal proceedings], *Zakon i pravo* [Law and Right], 2024, no. 1, pp. 178-181. (In Russ., abstract in Eng.)

6. [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the RF Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ dated 30.12.2008, no. 7-FKZ dated 30.12.2008, no. 2-FKZ dated 05.02.2014, no. 11-FKZ dated 21.07.2014) *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, article 4398. (In Russ.)

7. Mikhailovskaya I.B. *Tseli, funktsii i printsipy rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (ugovno-protsessual'naya forma)* [Objectives, functions and principles of Russian criminal proceedings (criminal procedural form)], Moscow: Prospect, 2003, 144 p. (In Russ.)

8. Smirnov A.V. *Sostyazatel'nyy protsess* [Adversarial process], St. Petersburg: Alpha, 2001, 320 p. (In Russ.)

9. Titov P.M. [On the adversarial principle in criminal proceedings], *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 1(99), pp. 128-134. (In Russ., abstract in Eng.)

10. [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 05.02.2025)], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 52 (Part I), article 4921. (In Russ.)

11. Shmelev O.B., Mursalimov A.T. [Constitutional validity of the adversarial principle in criminal proceedings], *Nauchnyy al'manakh Tsentral'nogo Chernozem'ya*. [Scientific Almanac of the Central Black Earth Region], 2022, no. 3-3, pp. 187-190. (In Russ., abstract in Eng.)

12. Shuenkova E.V. [Principles of criminal procedure], *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2022, no. 46(441), pp. 383-385. (In Russ., abstract in Eng.)

Problems of Implementing the Adversarial Principle in Pretrial Criminal Proceedings in Light of Current Trends in the Development of Criminal Procedure Legislation

Z. Kh. Kochesokova, *Cand. Sci. (Economics)*, Associate Professor,
Department of Special Disciplines,
North-Caucasion Institute of Advanced Qualification Upgrading Employees
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Nalchik, Russia; zalina-solnce@mail.ru

The article is the result of scientific and practical research into a comprehensive and systemic analysis of a set of problems associated with the implementation of the adversarial principle at the stages of pre-trial proceedings in criminal cases in the Russian Federation. Within the framework of this study, the concept and content of the adversarial principle are deconstructed, its interrelations with other fundamental principles of criminal proceedings are established, and the evolution of this principle in retrospect is traced.

The central place in the study is given to the identification and analysis of problematic aspects at the initial stages of criminal proceedings – the stage of initiation of a criminal case and the stage of preliminary investigation. In this regard, issues related to ensuring genuine procedural equality of the parties, which is an integral attribute of adversarial proceedings, are subject to detailed consideration. The problems of ensuring transparency of criminal case materials for the parties, effective participation of the defense attorney in procedural actions, as well as the prerogatives of the court and the prosecutor in ensuring adversarial principles at pre-trial stages are considered.

Keywords: adversarial system; pretrial proceedings; criminal procedure; equality of arms; defense party; prosecution party; investigator; interrogator; prosecutor; court; preliminary investigation; initiation of a criminal case; evidence; criminal procedure legislation.

© З. Х. Кочесокова, 2025

Статья поступила в редакцию 25.09.2025

При цитировании использовать:

Кочесокова З. Х. Проблемы реализации принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам в свете современных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 522 – 532. doi: 10.17277/pravo.2025.04. pp.522-532

КИБЕРЭКСТРЕМИЗМ КАК ОДНА ИЗ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Джамбулат Хамидович Сайдумов, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Россия;
профессор, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический
университет», Грозный, Россия; bulatto@mail.ru

Карлыгаш Рахимжановна Усеинова, заведующий кафедрой теории
и истории государства и права, конституционного
и административного права,
Казахский национальный университет им. Аль Фараби,
Алматы, Республика Казахстан; useynova.karlygash@gmail.com

Приведен анализ киберэкстремизма как угрозы национальной безопасности, обозначая его основные проявления и возможные пути противодействия. Проблема киберэкстремизма особенно актуальна из-за масштабов современного цифрового пространства, которое позволяет экстремистским сообществам эффективно распространять свои идеи на международном уровне, оставаясь при этом анонимными. В современном мире, где цифровые технологии проникают во все сферы жизни, возникают новые формы угроз, среди которых особое место занимает киберэкстремизм – использование Интернета для распространения экстремистской идеологии, призывов к насилию, ненависти и нетерпимости, а также ксенофобии, русофобии, радикализма. Особую тревогу вызывает его анонимный и трансграничный характер, цифровая трансформация экономики и использование криптовалют вносят свои коррективы в противостояние современным угрозам на национальном и международном уровнях. Приведен опыт Российской Федерации и Республики Казахстан в борьбе с указанными преступлениями, а также зарубежных стран. На основе анализа масштабов и специфики киберэкстремизма выработаны меры по его предупреждению.

Ключевые слова: киберэкстремизм; Интернет; идеологический барьер; угроза; правовое поведение; радикализация; анонимность; трансграничность; национальная кибербезопасность; цифровая экономика.

Введение

В условиях цифровизации общества и распространения информационно-коммуникационных технологий перед государством возникают новые вызовы национальной безопасности. Наиболее опасным из них является киберэкстремизм, представляющий собой разновидность деструктивной деятельности, использующей цифровые каналы для распространения радикальной идеологии, координации противоправных действий и дестабилизации общественно-политической ситуации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что киберэкстремизм представляет собой гибридную угрозу, сочетающую в себе элементы ин-

формационной войны, терроризма и идеологического манипулирования. В отличие от традиционного экстремизма, ему присущи глобальный охват, высокая скорость распространения и анонимность, что значительно усложняет его выявление и пресечение. Особую опасность представляет использование социальных сетей, мессенджеров и закрытых форумов для вербовки новых adeptов, пропаганды насилия и организации кибератак на критическую инфраструктуру. Перечисленные понятия связаны с компьютером, специфика информационных моделей позволяет им сливаться воедино с текущим потенциалом цифровой экономики, предоставляющей вариативные возможности финансирования деструктивной деятельности иностранными государствами, организациями, а также отдельными физическими лицами. Неконтролируемое создание и распространение цифровых услуг, использование искусственного интеллекта и криптовалюты способствуют росту криминальной активности. Посредством незаконных финансовых операций кибертеррористы приобретают запрещенные и изъятые из оборота вещества и предметы, оружие, покупают наемников, анонимно участвуют в запугивании, провоцировании, организации и осуществлении террористических и экстремистских актов.

Новизна научной работы заключается в попытке комплексного обобщения информации (создания небольшого по объему, но содержательного компендия) о киберэкстремизме в проекции многоаспектного феномена, включающего технологические, правовые, психологические и социокультурные аспекты. На основе эмпирических данных вырабатываются предложения относительного правового определения указанного общественно опасного явления. В статье рассматриваются не только методы противодействия, но и глубинные причины распространения радикального контента в цифровой среде, включая социальное неравенство, политическую нестабильность и манипулятивные технологии воздействия на сознание. Дается оценка степени неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации и Республики Казахстан, уровням ее охраны, соблюдения правил эксплуатации средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, доступа к информационно-телекоммуникационным сетям.

Цель исследования – выявить ключевые тенденции развития киберэкстремизма, оценить его влияние на национальную безопасность и предложить стратегии противодействия, адаптированные к современным цифровым реалиям.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

- систематизировать формы проявления киберэкстремизма в глобальной сети;
- проанализировать используемые экстремистскими группами технологии информационного воздействия;
- оценить эффективность существующих правовых и технических мер противодействия;
- разработать рекомендации по совершенствованию системы кибербезопасности;
- определить роль технологии «блокчейн» в борьбе с кибератаками и в защите цифровых данных от посягательств со стороны экстремистских организаций.

Методологическая база исследования включает методы контент-анализа, а также сравнительно-правовой анализ международного и национального законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных выводов для разработки стратегий защиты информационного пространства, совершенствования законодательства и повышения цифровой грамотности населения.

Киберэкстремизм – это динамично развивающаяся угроза, требующая постоянного мониторинга и адаптации мер противодействия. В условиях цифровой трансформации только комплексный подход, объединяющий усилия государства, бизнеса и гражданского общества, способен минимизировать риски и обеспечить устойчивое развитие в условиях новых технологических вызовов.

Рост числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, порождает необходимость выработки эффективных мер противодействия киберэкстремизму. Из года в год растет влияние на молодежную среду, в результате применения современных методов деформации сознания молодежи создается благоприятная почва для формирования радикальных взглядов, позволяющая экстремистским организациям быстро и эффективно распространять свои идеи. К факторам, препятствующим эффективному противодействию распространения киберэкстремизма, относятся: анонимность интернет-пространства, высокая скорость передачи информации, неурегулированность и непрозрачность цифровой экономики. Киберпреступники совершенствуют свои навыки, активно осваивают новые инструменты, в связи с чем большинство проводимых научных исследований посвящены техническим аспектам проблемы, вместе с тем детали правовой защиты, как правило, остаются за скобками обсуждений, что ставит мировое сообщество перед глобальными проблемами в сфере кибербезопасности.

Назрела потребность в реформировании правовых механизмов противодействия киберэкстремизму. Отдельного внимания заслуживают институт правового поведения личности в цифровой среде и повышение интернет-культуры населения в условиях виртуального общества и экономики [1 – 4, 7]. На основе прогностического потенциала науки теории государства и права ожидается законодательное совершенствование правовой оценки киберэкстремизма путем введения новых видов правовых норм, усиления наказания за совершение правонарушений в информационной среде. Всеобщая цифровизация общества и создание таких комплексов, как «цифровая экономика», «цифровые технологии», «цифровые права» и т.п., побуждают страны мира к объединению усилий в борьбе с нависшей угрозой.

Описание исследования

В связи с тем что проблема киберэкстремизма одинаково злободневна как для Российской Федерации, так и для Республики Казахстан в ходе исследования применен сравнительный метод сходств и различий правовых механизмов и способов борьбы с обозначенной категорией преступ-

лений. На основе анализа и синтеза изучены особенности формирования правового поведения личности в киберсреде, составлена общая картина влияния информационных платформ на изменение структуры киберпреступлений. Сквозь дедуктивное познание сущностных характеристик изучаемой деструктивной деятельности из общих правил правового регулирования произведены концептуальные выводы, направленные на улучшение трансграничных систем противодействия и пресечения правонарушений в анализируемой сфере в отсутствие ущерба экономическому, технологическому и инновационному развитию.

Основное содержание

Национальная безопасность – комплексная защита всей совокупности гарантированных конституционных прав граждан, суверенитета и территориальной целостности государства от политических, экономических и информационных угроз, реализуемая через согласованное и компетентное применение на государственном уровне триады главных и наиболее эффективных практических действий: силовых, правовых и социально-экономических инструментов в пределах территориальных границ и правового пространства.

В настоящее время общество ориентировано на развитие компьютерных технологий, постоянно растет число пользователей Интернета. На фоне всеобщей киберинтеграции (общение, обучение, финансовые операции, продажа товаров, работ и услуг, персональные данные и др.) современные государства озадачены вопросами цифровой трансформации стратегических сфер деятельности: социальной, политической, культурной, судебной, правоохранительной, экономической, предпринимательской и др. Переход от аналоговых систем к цифровым накладывает свой отпечаток на модели правового поведения личности. Развитие сетевых протоколов дало мощный импульс росту и расширению киберпространства, где на его платформе создаются новые формы правомерного и неправомерного поведения.

Вместе с общей тенденцией экстремистские угрозы национальной безопасности государства сместились в киберпространство, позволяющее преступным группам финансировать и осуществлять деструктивную деятельность через имеющиеся «негерметичные зоны» в его оболочке. Одной из причин такому стечению обстоятельств может служить неполное расследование предикатных преступлений, связанное с отсутствием точного понимания совершенствующихся схем и способов легализации доходов, полученных преступным путем¹.

Активными площадками идейных вдохновителей экстремистских течений являются социальные сети, форумы, мессенджеры и веб-сайты, наличие шифрования в большинстве из них гарантирует анонимность.

¹ Сигаев Р. А. Вопросы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и альтернативным схемам обналичивания денежных средств в практике работы контролирующих и правоохранительных органов Пензенской области // Проблемные вопросы противодействия незаконным финансовым операциям: материалы научно-практической конференции (г. Пенза, 26 июня 2018) / под ред. Н. Е. Канцеровой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. – С. 11.

Обширные возможности Интернета обеспечивают глобальную мобилизацию сторонников, распространение пропагандистских материалов и вербовку новых членов. Цифровая среда преобразует экстремизм: специализированные программы, обеспечивающие повышенную анонимность пользователей, доступ в закрытую часть Интернета по типу даркнета. Образовавшиеся сегменты «всемирной паутины» недоступны обычным пользователям и поисковым системам, в свою очередь, становятся своего рода «инкубаторами» незаконной пропаганды, криптовербовки и сетевой координации преступных сообществ.

Киберэкстремизм как разновидность «негативного субпродукта цифровой трансформации» несет в себе риски подрыва основ конституционного строя и безопасности государства, ведет к дестабилизации социальных, экономических и политических процессов. Растущая угроза распространения экстремистских идеологий и призывов к насилию через цифровые платформы и интернет-каналы обязывает органы власти, правоохранительную систему, представителей научного сообщества к поиску институциональных подходов к созданию единого консолидированного фундамента, состоящего из комплекса правовых и информационных инструментов, ориентированного на применение систем обработки данных о киберпреступлениях в области цифровой экономики.

Проблема киберэкстремизма одинаково актуальна для Российской Федерации и Республики Казахстан [9, 10]. Обе державы ориентированы на достижение политической и экономической стабильности в эпоху цифровой трансформации. В связи с чем угрозы кибератак, провокаций и кампаний, направленных на во влечение гражданского общества в хаос и беспорядки, а также преследующие цели его раскола, разжигание межнациональной и религиозной розни между различными группами людей, являются первоочередными проблемами, с которыми данные государства намерены бороться на принципиальной основе. При этом транснациональный характер киберэкстремизма требует взаимодействия правоохранительных органов и специалистов информационных технологий обоих государств в целях обмена информацией о незаконном использовании цифровых валют, финансировании экстремизма. Создание совместных подразделений по борьбе с легализацией доходов, добытых преступным путем, организация и проведение семинаров и встреч их представителей позволят наладить работу по выявлению и пресечению незаконной деятельности пользователей даркнета, финансирующих такие преступные сообщества. Примером результативности подобного сотрудничества является закрытие в 2017 г. двух крупнейших маркетов сети даркнета AlphaBay и Hansa Market². Кроме того, учитывая фактическую обстановку, целесообразно дальнейшее изучение практического значения применения технологии блокчейна в борьбе с названной категорией правонарушений, обеспечивающей устойчивость к взлому, а также предоставляющей дополнительное время для выявления источника кибератаки и устранения ее угрозы³.

² Kendall Galbraith. The Emerging Threat of Cyberterrorism. – URL : <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-emerging-threat-of-cyberterrorism/> (дата обращения: 17.10.2025).

³ Blockchain Technology in the fight against Cybercrime. – URL : <https://elegal.ph/blockchain-technology-in-the-fight-against-cybercrime/> (дата обращения: 17.10.2025).

Стоит отметить, что вопросам противодействия легализации (отмывания) денег, полученных преступным путем, Казахстаном и Россией уделяется пристальное внимание в теоретическом и правоприменительном аспектах, где обеспечение национальной и экономической безопасности находятся в приоритете [11, 14 – 17].

Например, согласно Закону Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан», рост организованной преступности, сращивание государственных органов с экстремистскими организациями, покровительство незаконного оборота капитала отнесены к числу основных угроз национальной безопасности, аналогичные взгляды закреплены в российском законодательстве, где к источникам таких угроз отнесены и деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Вместе с тем, как показывают научные исследования, нормативная правовая база и правоприменительная деятельность государственных органов обеих стран нуждаются в модернизации: потребность совершенствования правовой регламентации и практической деятельности правоохранительной системы выражается в отсутствии четких критериев, регламентирующих категории преступлений, при совершении которых обязательно установление квалифицирующих признаков, как это предусмотрено в законодательстве иных зарубежных стран (ФРГ, Литовская Республика и т.д.), а также нехватке навыков по расследованию названных преступлений и недостаточности судебной практики по ним⁴. В частности, основываясь на имеющихся статистических данных и специальных учетах, подавляющая часть дел рассматриваемой категории приходится на долю контрольно-надзорных органов в области финансового мониторинга (Росфинмониторинг Российской Федерации и Агентство по финансовому мониторингу Республики Казахстан)⁵.

Сообразно позиции Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1741 законоположения о применении предупредительных мер в виде замораживания (блокирования) денежных средств организаций и физических лиц, причастных к финансированию терроризма и экстремизма, не могут рассматриваться как нарушение конституционных прав. Соответственно без повышения уровня знаний и навыков правоохранительных органов не обойтись.

Основным маркером для идентификации экстремистских актов в информационном пространстве служит наличие интенций к насилию либо распространение идеологизированной ненависти. Существенной характеристикой данного феномена выступает его транснациональная природа:

⁴ Сейтенов, К. К. К вопросу об уголовно-правовых аспектах противодействия легализации преступных доходов в Республике Казахстан / К. К. Сейтенов, А. Ш. Ещанов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 4(116). – С. 108–117. doi: 10.17803/2311-5998.2024.116.4.108-117

⁵ Согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК за 9 месяцев 2025 г. правоохранительными и специальными государственными органами зарегистрировано в Едином реестре досудебных расследований и направлено в суд всего 1 дело (МВД), 19 дел (Антикоррупционной службой), 0 (КНБ) и 53 (Агентством по финансовому мониторингу) / Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – URL : <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 18.10.2025).

цифровые технологии элиминируют географические барьеры, что существенно осложняет пресечение распространения экстремистских нарративов и обуславливает необходимость международной координации правоохранительных усилий. Эффективное противодействие киберэкстремизму, на наш взгляд, требует реализации многоуровневой стратегии с вовлечением как государственных институтов, так и операторов цифровых платформ, на которых циркулирует противоправная информация.

Нивелировать кризис рассматриваемого криминального процесса возможно лишь задействованием комплекса правовых и технологических контрмер для обеспечения цифровой безопасности и защиты гражданских прав. Стремительная цифровизация социума создает парадоксальный эффект: технологии, открывающие революционные возможности для коммуникации и познания, одновременно создают почву для нетрадиционных форм преступной активности. Киберпространство, лишенное географических барьеров, придает деструктивным идеологиям повышенную опасность, они приобретают скорость распространения через новые каналы связи, криптографическую анонимность источников, на основе этих признаков формируется устойчивое сопротивление правовым нормам и требованиям. Такие свойства радикально трансформируют природу социально опасных деяний, ставя правоохранительную систему в затруднительное положение.

Цифровая среда преобразует криминальные приемы и тактику их посягательств: преступники не просто расширяют аудиторию, а конструируют виртуальные группы и сообщества. Цифровая экосистема, включая экосистему цифровой экономики, стала «лакомым куском» для экстремистских организаций. Симбиоз экстремистской деятельности и технологий превращает киберэкстремизм в глобальную проблему, где масштаб воздействия обратно пропорционален возможностям идентификации источника. Ключевая цель киберэкстремистских коммуникаций – системная дестабилизация социального интерфейса через инженерию цифровых бинарных бомб (ненависть/страх/ксенофобия); таргетированную деконструкцию общественного гомеостаза; кроссплатформенную детонацию конфликтогенов в этнорелигиозных и политических фреймах. В данном контексте мы единодушны с утверждением Е. О. Кубякина и А. Н. Сафронова о том, что киберэкстремизм – это системная девальвация аксиосферы через цифровое инфичирование социума деструктивными паттернами, целенаправленно разрушающими: этический иммунитет (подрыв моральных констант); культурный гомеостаз (кризис духовных матриц) [12].

Деструктивная деятельность в цифровом пространстве представляет серьезную угрозу национальной безопасности государств. Опасность приобретает вовлечение молодежи через социальные сети и мессенджеры. В России проблема киберэкстремизма изучается на основе анализа закрытых контент-каналов для вербовки (ежегодно выявляется до 500 таких каналов), распространения радикальной идеологии через игровые платформы, деятельности иностранных некоммерческих организаций, активно финансирующих экстремистские ресурсы.

В свою очередь Республика Казахстан сталкивается со специфическими вызовами в виде активности запрещенных религиозных организаций в соцсетях. По мнению К. М. Нургалиева [13], в республике до 30 %

экстремистского контента распространяется через казахскоязычные ресурсы. Очевидны проблемы правового регулирования кроссграничного контента, использование киберэкстремистами этнической тематики.

Российская Федерация и Республика Казахстан в целом используют схожие подходы в борьбе с данным явлением, в обоих странах противодействие экстремизму урегулировано на законодательном уровне (в России принят ФЗ-114 «О противодействии экстремистской деятельности», в Республике Казахстан Закон «О религиозной деятельности»)⁶, но несмотря на наличие общих черт, имеются и некоторые различия.

Так, российская правовая доктрина воспринимает киберэкстремизм в качестве пограничного феномена, соединяющего в себе элементы уголовно-правовых составов экстремистской направленности (гл. 29 УК РФ) и киберпреступлений (гл. 28 УК РФ). Квалифицирующим признаком выступает не столько способ совершения деяния (использование информационно-коммуникационных технологий), сколько его целевая составляющая – системная дестабилизация основ конституционного строя. В казахстанской модели доминирует превентивная парадигма, где акцент смещен в сторону защиты информационного суверенитета государства (ст. 3 Закона РК «О национальной безопасности») и минимизации рисков радикализации цифрового пространства.

Правовой основой для определения и решения проблемы в Российской Федерации принято считать ст. 282 УК РФ и доктрину информационной безопасности, утвержденную Указом Президента РФ № 646 от 05.12.2016, определяющие национальные интересы, угрозы и механизмы обеспечения безопасности в информационной сфере. В Республике Казахстан указанный выше закон, а также КоАП (ст. 256-7). Если в Российской Федерации внимание сфокусировано на защите конституционного строя, духовных ценностей, то в Республике Казахстан приоритет основан на стратегическом сохранении целостности информационного пространства. При определении связи с терроризмом связка осуществляется со ст. 205 УК РФ, а в Республике Казахстан она конститутивная (единый состав угрозы). В российском случае доказывание умысла происходит через контекст коммуникации (в виде лайков или оставленного комментария), а в казахстанском через факт распространения материалов. Ключевые риски в российской модели связаны с дестабилизацией государственного управления, в казахском информационном пространстве – с радикализацией молодежи. Вместе с тем консолидирующим фактором в борьбе с киберэкстремизмом между странами может стать перспектива общей гармонизации правовых систем, с разработкой единого терминологического глоссария в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (учитывая Конвенцию о противодействии экстремизму 2017 г.). На сегодняшний день типология киберэкстремизма включает пять основных видов: идеологический, коммуникационно-вербовочный, кибертеррористический, криптоэкстремизм, деструктивно-сетевой, и судя по всему, в дальнейшем она будет расширена, поэтому следует ориентироваться на упреждение угрозы.

⁶ См. Сравнительный анализ антиэкстремистского законодательства России и Казахстана / Под ред. Л. В. Смирновой. – М.: Институт законодательства, 2023.

Кроме того, казахстанский опыт интересен внедрением системы «киберпатрулирования» с участием волонтеров, развитием альтернативного контента на казахском языке, уникальной системой профилактической и реабилитационной работы с возвращенцами из зон конфликтов. Тем не менее проблема киберэкстремизма требует постоянного изучения в направлении выработки технологических и законодательных мер противостояния. В ходе международного сотрудничества необходима методичная и последовательная работа по гармонизации законодательства заинтересованных государств.

Заключение

Киберэкстремизм – форма экстремизма, которая использует для распространения идей и материалов интернет-ресурсы, представляющая собой один из наиболее опасных видов деструктивного влияния на человека в современном информационном пространстве через распространение экстремистских материалов и идей с использованием информационно-коммуникационных технологий. Данный феномен не только распространяет идеологически окрашенное содержание в целях радикализации аудитории, но и наносит вред психологическому состоянию личности, в основе которого стремление к дестабилизации общества, разжиганию межнациональной и межрелигиозной розни, призывы к насилию, чему содействует анонимность и масштабируемость Интернета. В первую очередь вербовке подвергается молодежь, поэтому целесообразно воспитание правомерного цифрового поведения личности со школьного возраста.

Киберпространство позволяет экстремистским идеям распространяться с невиданной скоростью, достигая аудитории по всему миру, что обеспечивает не только широкий доступ к экстремистскому контенту, но и возможность его адаптации под разные социальные и культурные контексты, используя сложные механизмы финансирования в условиях трансформации цифровой экономики. Как считает Е. Э. Ганаева, отличительная сущность киберэкстремизма заключается в его высококонцентрированной направленности на стратегическую диссеминацию экстремистских концептов. Данный феномен выходит за рамки стихийного обсуждения спорных вопросов в сети, представляя собой скоординированную и методичную кампанию по продвижению деструктивного контента, конечной целью которой выступает искусственная дестабилизация социума, инженерия межгрупповой вражды или провоцирование антагонистических столкновений [6].

Проблемы киберэкстремизма в Республике Казахстан и Российской Федерации позволяют также сделать ряд важных выводов о современных вызовах и перспективах двустороннего сотрудничества в этой сфере. Современные тенденции киберэкстремизма как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан говорят о переходе экстремистских организаций на цифровые платформы, возросшее использование мессенджеров и социальных сетей, в том числе возможные разработки специализированного программного обеспечения для анонимной коммуникации. Все это приводит к росту числа преступлений экстремистской направленности в Интернете, а непрозрачность финансирования экстремизма с использо-

ванием цифровых валют существенно тормозит развитие прогресса в области развития институциональной системы противодействия им.

Сотрудничество между двумя государствами может найти отражение в оперативном взаимодействии подразделений по борьбе с киберпреступлениями, организации и проведении встреч их представителей на разных уровнях и площадках, а также в создании общих баз данных запрещенных материалов и организаций. Регулярный обмен списком материалов, признанных экстремистскими, совместные киберучения для практического обмена опытом и практикой, внедрение систем мониторинга, аналитических центров, подготовка кадров в области кибербезопасности, разработка общих образовательных программ и создание альтернативного позитивного контента способствуют укреплению законности и правопорядка в анализируемой сфере отношений [8, 19].

Особую роль играет повышение квалификации сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, задействованных в процессе противодействия киберэкстремизму, в том числе с его трансграничными проявлениями в рамках существующих интеграционных объединений (ОДКБ, ЕАЭС, СНГ). Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: анализ эффективности конкретных форм сотрудничества, изучение новых технологий распространения экстремистского контента, разработка методик профилактики.

Таким образом, российско-казахское сотрудничество в процессе противодействия киберэкстремизму обладает значительным потенциалом для развития. Объединенные усилия двух стран должны быть направлены на создание комплексной системы противодействия экстремизму, сочетающей правовые, оперативные, технологические, экономические и профилактические меры с учетом национальных особенностей.

Важно отделять киберэкстремизм от других форм разрушительного информационного влияния в цифровой среде. Такое разграничение поможет устранить путаницу в определении природы экстремистских деяний, совершаемых через цифровые коммуникационные каналы, что позволит разработать точные стратегии противодействия.

Опираясь на суждения Е. А. Родиной [18], Е. В. Фоменко [20], предлагаем рассмотреть возможность реализации следующих мер противодействия киберэкстремизму в Российской Федерации и Республике Казахстан:

- формирование основ цифрового суверенитета государства, предполагающее создание на основе Конституции, принципах и нормах международного права комплексного контроля кибертехнологий и программного обеспечения, современных независимых национальных полупроводниковых индустрий и перевод на национальное программное обеспечение государственных учреждений;

- развитие компьютерной грамотности населения. При подготовке пользователей нужно делать акцент на изучении технических особенностей функционирования компьютерных сетей и базовых аспектов безопасного поведения в киберпространстве;

- снижение виктимизации пользователей сети Интернет, особенно молодежи.

В целях формирования правомерного поведения личности в цифровой среде необходимо на государственном уровне поддерживать реализацию

проектов патриотической, образовательной, культурно-исторической направленности, основанной на национальных, нравственно-духовных ценностях, традициях и веротерпимости. Практиковать создание специализированных программ и приложений для мобильных устройств, работу с искусственным интеллектом и информационно-коммуникационными технологиями. Для повышения информативности населения об угрозах в сети Интернет рационально ввести в учебный процесс образовательных организаций социально-психологические тренинги и курсы по вопросам профилактики киберэкстремизма.

Поскольку киберэкстремизм отличается гибридным характером воздействия, глобальным охватом и способностью к мгновенной репликации деструктивных нарративов, в настоящей статье много внимания уделено технологической природе современных государств, алгоритмическому усилению и децентрализованной структуре, использованию скрытых сервисов. Однако за деятельностью в виртуальном пространстве стоят реальные люди, которые пользуются дорогостоящей компьютерной аппаратурой и техникой, приобретаемой за счет национальной, иностранной, а в последнее годы и цифровой валюты. Как показывает практика, вербовка лиц и привлечение наемников строится не на «голом энтузиазме» пополняющих ряды экстремистов, а носит явный корыстный характер. В этой связи эффективная борьба с экстремизмом не представляется без перекрытия источников его финансирования в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН и международными стандартами Группы финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), указанная мера особенно актуальна в период трансформации цифровой экономики.

Список литературы

1. Леонов, А. В. Кибернетические преступления как новая угроза обществу / А. В. Леонов, Ю. А. Аккузин, С. Л. Россошик // Закон и право. – 2020. – № 4. – С. 197–200. doi: 10.24411/2073-3313-2020-10199
2. Антонян, Е. А. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму / Е. А. Антонян, И. И. Аминов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6(103). – С. 167–177. doi: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177
3. Баранов, В. В. Некоторые проблемы расследования и противодействия расследованию экстремистских преступлений, совершаемых с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации / В. В. Баранов // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 1(61). – С. 70–80. doi: 10.24412/2072-9391-2022-161-70-80
4. Батоев, В. Б. Преступления, совершаемые с использованием или применением информационно-телекоммуникационных технологий: способы их совершения и количественные характеристики / В. Б. Батоев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3(38). – С. 101–112. doi: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-101-112
5. Бугаев, В. А. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий / В. А. Бугаев, А. В. Чайка // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 4. – С. 139–145.
6. Ганаева, Е. Э. Проявления экстремизма в условиях глобализации информационно коммуникационной среды / Е. Э. Ганаева // Тенденции развития науки и образования. 2024. – № 116-9. – С. 144–146. doi: 10.18411/trnio-12-2024-410
7. Глазкова, Л. В. Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информа-

ции / Л. В. Глазкова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12(133). – С. 167–176. doi: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.167-176

8. Денисов, Н. Л. Классификация современных киберпреступлений / Н. Л. Денисов, Н. Ю. Ромашкина // Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания : сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции «Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания». – Москва, 2018. – С. 253–257.

9. Иванов, С. М. Киберэкстремизм в Евразии: новые вызовы / С. М. Иванов. – Москва : РИСИ, 2023.

10. Каримов, А. Ш. Опыт Казахстана в реинтеграции возвращенцев / А. Ш. Каримов. – Нур-Султан : КИПУ, 2022.

11. Кондратенко, Е. Н. Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве / Е. Н. Кондратенко, Д. К. Григорян, Н. С. Делов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 187–193. doi: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193

12. Кубякин, Е. О. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества / Е. О. Кубякин, А. Н. Сафронов // Вестник КРУ МВД России. – 2013. – № 4(22). – С. 100–104.

13. Нурғалиев, К. М. Интернет-радикализация в Казахстане / К. М. Нурғалиев. – Алматы : КИСИ, 2021.

14. Панталева, Н. С. Киберэкстремизм как современная угроза национальной и международной безопасности / Н. С. Панталева, Н. П. Пархитыко // Юридическая наука. – 2019. – № 3. – С. 47–50.

15. Пархитыко, Н. П. Киберпреступность как угрозы национальной безопасности / Н. П. Пархитыко // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 30–36.

16. Петров, А. В. Telegram как инструмент вербовки / А. В. Петров // Вопросы безопасности. – 2022. – № 4.

17. Расторопов, С. В. Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов / С. В. Расторопов, В. А. Прорвич // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 2. – С. 143–169. doi: 10.17323/2072-8166.2024.2.143.169

18. Родина, Е. А. Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «интернет» в киберпространстве : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / Е. А. Родина. – Саратов, 2022. – 217 с.

19. Суслов, Е. Ю. Распространение экстремизма в молодежной среде по причине информационного инфантилизма / Е. Ю. Суслов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(97). – С. 238–244. doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-238-244

20. Фоменко, Е. В. Цифровые активы как предмет подкупа: отдельные проблемы законодательного закрепления и правоприменительной практики / Е. В. Фоменко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 51–54.

References

1. Leonov A.V., Akkuzin Yu.A., Rossoshik S.L. [Cybercrimes as a New Threat to Society], *Zakon i pravo* [Law and Order], 2020, no. 4, pp. 197-200. doi: 10.24411/2073-3313-2020-10199 (In Russ., abstract in Eng.)

2. Antonyan Ye.A., Aminov I.I. [Blockchain Technologies in Countering Cyberterrorism], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Current Issues of Russian Law], 2019, no. 6(103), pp. 167-177. doi: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177 (In Russ., abstract in Eng.)

3. Baranov V.V. [Some problems of investigation and counteraction to investigation of extremist crimes committed with the use of telecommunications and computer information], *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 1(61), pp. 70-80. doi: 10.24412/2072-9391-2022-161-70-80 (In Russ., abstract in Eng.)

4. Batoyev V.B. [Crimes committed with the use or application of information and telecommunication technologies: methods of their commission and quantitative characteristics], *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and order: history, theory, practice], 2023, no. 3(38), pp. 101-112. doi: 10.47475/2311-696X-2023-38-3-101-112 (In Russ., abstract in Eng.)

5. Bugayev V.A., Chayka A.V. [Factors of Crime in the Sphere of Computer Technologies], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences], 2019, vol. 5(71), no. 4, pp. 139-145. (In Russ., abstract in Eng.)

6. Ganayeva Ye.E. [Manifestations of Extremism in the Context of Globalization of the Information and Communication Environment], *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education], 2024, no. 116-9, pp. 144-146. doi: 10.18411/trmio-12-2024-410 (In Russ., abstract in Eng.)

7. Glazkova L.V. [Extremist Crimes Committed Using Telecommunications and Computer Information], *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava* [Current Issues of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 12(133), pp. 167-176. doi: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.167-176 (In Russ., abstract in Eng.)

8. Denisov N.L., Romashkina N.Yu. *Ugolovnoye pravo i informatizatsiya prestupnosti: problemy teorii, praktiki i prepodavaniya : sb. st. po materialam Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Ugolovnoye pravo i informatizatsiya prestupnosti: problemy teorii, praktiki i prepodavaniya"* [Criminal Law and the Informatization of Crime: Problems of Theory, Practice, and Teaching: Coll. Art. Based on the materials of the All-Russian scientific conference "Criminal Law and the Informatization of Crime: Problems of Theory, Practice, and Teaching"], Moscow, 2018, pp. 253-257. (In Russ., abstract in Eng.)

9. Ivanov S.M. *Kiberekstremizm v Yevrazii: novyye vyzovy* [Cyberextremism in Eurasia: New Challenges], Moscow: RISI, 2023. (In Russ.)

10. Karimov A.Sh. *Opyt Kazakhstana v reintegratsii vozvrashchentsev* [Kazakhstan's Experience in Reintegrating Returnees], Nur-Sultan: KIPU, 2022. (In Russ.)

11. Kondratenko Ye.N., Grigoryan D.K., Delov N.S. [Formation of Theoretical Approaches to the Analysis of Extremism and Terrorism in Cyberspace], *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [Public and Municipal Administration. Scientific Notes], 2024, no. 1, pp. 187-193. doi: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-187-193 (In Russ., abstract in Eng.)

12. Kubyakin Ye.O., Safronov A.N. [Information Extremism Among Young People as a Destructive Phenomenon of Modern Russian Society], *Vestnik KRU MVD Rossii* [Bulletin of the Control and Rescue Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 4(22), pp. 100-104. (In Russ., abstract in Eng.)

13. Nurgaliyev K.M. *Internet-radikalizatsiya v Kazakhstane* [Internet Radicalization in Kazakhstan], Almaty: KISI, 2021. (In Russ.)

14. Pantaleva N.S., Parkhit'ko N.P. [Cyber-extremism as a modern threat to national and international security], *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2019, no. 3, pp. 47-50. (In Russ., abstract in Eng.)

15. Parkhit'ko N.P. [Cybercrime as threats to national security], *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2022, no. 3, pp. 30-36. (In Russ., abstract in Eng.)

16. Petrov A.V. [Telegram as a recruitment tool], *Voprosy bezopasnosti* [Security issues], 2022, no. 4. (In Russ., abstract in Eng.)

17. Rastoropov S.V., Prorvich B.A. [Information Foundations of Modern Criminal-Law Protection of Subjects of the Digital Economy and Finance], *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2024, no. 2, pp. 143-169. doi: 10.17323/2072-8166.2024.2.143.169 (In Russ., abstract in Eng.)

18. Rodina Ye.A. *PhD of Candidate's thesis (Law)*, Saratov, 2022, 217 p. (In Russ.)
19. Suslov Ye.Yu. [The Spread of Extremism Among the Young People Due to Information Infantilism], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 1(97), pp. 238-244. doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-238-244 (In Russ., abstract in Eng.)
20. Fomenko Ye.V. [Digital Assets as a Subject of Bribery: Certain Issues of Legislative Enshrinement and Law Enforcement Practice], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 7, pp. 51-54. (In Russ., abstract in Eng.)

Cyber Extremism as a Current National Security Threat

D. Kh. Saidumov, *Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia; Professor, Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia; bulatto@mail.ru*

K. R. Useinova, *Head of Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Kazakh National University named after Al Farabi, Almaty, Republic of Kazakhstan; useynova.karlygash@gmail.com*

The article is aimed at analyzing cyber extremism as a threat to national security, identifying its main manifestations and possible ways to counter it. The problem of cyber extremism is particularly relevant due to the scale of the modern digital space, which allows extremist communities to effectively spread their ideas internationally while remaining anonymous. In the modern world, where digital technologies are penetrating into all spheres of life, new forms of threats are emerging, among which cyber extremism occupies a special place – the use of the Internet to spread extremist ideology, calls for violence, hatred and intolerance, as well as xenophobia, Russophobia, and radicalism. Of particular concern is its anonymous and cross-border nature, the digital transformation of the economy and the use of cryptocurrencies are making their own adjustments to counter modern threats at the national and international levels. The article presents the experience of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in combating these crimes, as well as foreign countries. Based on the analysis of the scale and specifics of cyber extremism, the authors have developed measures to prevent it.

Keywords: cyber extremism; Internet; ideological barrier; threat; legal behavior; radicalization; anonymity; cross-border; national; cybersecurity; digital economy.

© Д. Х. Сайдумов, 2025

© К. Р. Усеинова, 2025

Статья поступила в редакцию 04.06.2025

При цитировании использовать:

Сайдумов Д. Х., Усеинова К. Р. Киберэкстремизм как одна из современных угроз национальной безопасности // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 533 – 546. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.533-546

«ЗЕЛЕННЫЕ» ЗАКУПКИ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ В РОССИИ И СТРАНАХ АЗИИ

Светлана Николаевна Рудых, канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Иркутский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
Иркутск, Россия; rudsvet@mail.ru

Светлана Николаевна Ойнац, специалист отдела научной информации,
издательской деятельности и библиографического обеспечения,
Иркутский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
Иркутск, Россия; chiprsa@mail.ru

Исследованы вопросы актуальности и значимости «зеленых» закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, а также их потенциал для достижения устойчивого развития как на национальном, так и международном уровне. Раскрывается многообразие таких понятий, как «устойчивые», «экологичные», «зеленые» закупки и отмечается их универсальность. Рассмотрены особенности в законодательном регулировании таких закупок в мировом сообществе, акцентировано внимание на опыте стран Азии. Отмечена важная роль «зеленых» закупок, которые положительно влияют на экологические стандарты, развитие экологических индустрий и стимулирование инноваций в области экологических технологий, бизнеса и общественности.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки; «зеленая» экономика; «зеленые» закупки; «экологичные» закупки; вторсырье; экомаркировка.

Введение

За последние десятилетия концепция «зеленой» экономики, направленная на достижение социальных, экономических и экологических целей, одновременно стала стратегическим приоритетом для правительств многих стран. Данная концепция призвана «способствовать устойчивому развитию стран и регионов, учитывая интересы настоящего и будущего поколений» [17]. В научных кругах возникает вопрос: что такое «зеленая экономика», каковы ее составляющие и существует ли единый подход к использованию термина «зеленый»? В различных нормативных правовых актах дается определение «зеленых» финансовых инструментов, а также упоминается о «зеленых» проектах и «зеленом» развитии [6, 19].

В мировом сообществе уже наработан определенный опыт по развитию «зеленой» экономики, например, такие международные организации, как Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), European Union (EU), The United Nations Environment Programme (UNEP), United Nations Environment Management Group (UNEMG) и Green Growth Knowledge Platform (GGKP), предложили свои проекты по оценке прогресса в достижении целей «зеленого» роста и «зеленой» экономики. В 2010 г. в Южной Корее был создан Глобальный институт зеленого роста (GGGI), в число стран-партнеров входят более 100 стран, например: Австралия, Бразилия, Дания, Япония, Казахстан, Норвегия, Катар, ОАЭ, Таиланд, Республика Корея, Китай, Вьетнам и т. д. Российская Федерация на данный момент не является членом GGGI, хотя корейская сторона в 2020 г. предлагала рассмотреть возможность членства.

Глобальный институт зеленого роста (GGGI) ежегодно предоставляет отчет «Индекс зеленого роста» (Green Growth Index), который измеряет эффективность страны в достижении целей устойчивого развития по четырем параметрам зеленого роста, включая эффективное и устойчивое использование ресурсов, защиту природного капитала, возможности зеленой экономики и социальную интеграцию. По ежегодным отчетам видно, в каких странах наблюдаются тенденции перехода к зеленой экономике, а с помощью рейтинга фиксируется, в каких странах они наиболее выражены, например, анализ разброса оценок индекса зеленого роста (от 1 до 100) на уровне стран показал, что оценки европейских стран в 2021 году находятся в диапазоне от 60 до 80. Это контрастирует с оценками африканских и азиатских стран, которые находятся в диапазоне от 40 до 60. Три африканские страны набрали баллы ниже 40, включая Нигер, Судан и Ливию. По сравнению с Африкой, в Азии больше стран набрали баллы ниже 40 – Сирия, Йемен, Ирак, Кувейт, Афганистан, Пакистан, Бахрейн, Узбекистан, Иран, Саудовская Аравия, Оман и Катар. В Азии высокие баллы получили Япония и Таиланд.

Важным инструментом для поддержки «зеленой» экономики и снижения негативного воздействия на окружающую среду выступают «экологичные» или «зеленые» закупки, которые положительно влияют на экологические стандарты, развитие экологических индустрий и стимулирование инноваций в области экологических технологий, бизнеса и ответственности.

Обсуждение

Первые упоминания в мировом сообществе словосочетаний Green Procurement (GP), Green Public Procurement (GPP) и Sustainable Procurement (SP) приходятся на 1970-е годы, однако рост популярности данной тематики пришелся все-таки на 1990-е годы. «Экологичные» публичные закупки (Green Public Procurement) – один из важнейших мировых трендов. Закупки, ориентированные на экологическую деятельность, представляют собой особый подход, направленный на уменьшение негативного влияния на окружающую среду и повышение экологической эффективности государственных учреждений.

Ряд исследователей данного вопроса считают, что в настоящее время не существует универсального определения таких закупок. Так, Д. А. Казанцев считает, что «экологичность может проявляться и в использовании экологичных материалов, и в экологически чистом производстве закупаемой продукции, и в низких уровнях загрязнения окружающей среды в ходе эксплуатации приобретенного оборудования, товара. Наконец, экологичность закупки может быть не связана с приобретаемой продукцией как таковой, если целью покупки такой продукции является отказ от “грязного” производства и замена его “чистым”» [8].

В своих исследованиях, К. А. Белокрылов, анализируя правовую базу различных стран в сфере экологических государственных закупок, сделал выводы о применении многообразия таких понятий, как «устойчивые», «экологичные», «зеленые», или более узкое понятие, – «циркулярные» публичные закупки [1].

В. В. Кикавец, Ю. К. Цареградская отмечают, что «чаще всего используется понятие “устойчивые закупки”, как синоним понятия “зеленые” закупки. В частности, понятие “устойчивые закупки” определено и закреплено в ГОСТ Р ИСО 26000–2012¹, которое подразумевает, что при принятии решений относительно закупок, организациям следует принимать во внимание экологические, социальные и этические характеристики закупаемых продуктов или услуг и отдавать предпочтение продуктам или услугам, например с экологической маркировкой или с экологической деятельностью» [10].

В 2017 году появился первый в мире международный стандарт по устойчивым закупкам ISO 20400², в котором данное понятие закрепляется в качестве деятельности по приобретению товаров, работ, услуг, оказывающих наиболее позитивное экологическое, социальное и экономическое воздействие на протяжении всего их жизненного цикла [20].

Ряд авторов, рассматривая «экологичные» закупки, выделяет экологические критерии: «энергоэффективность, экологическая безопасность и устойчивость окружающей среде. Первый критерий показывает, что товары и услуги, которые будут закупаться, должны быть максимально энергоэффективными, например, в части установления требований к энергопотреблению бытовой техники, автомобилей и других товаров и услуг» [13, с. 78].

«Экологическая безопасность означает, что товары и услуги, должны быть безопасными для окружающей среды и не содержать вредных веществ, которые могут нанести вред природе или здоровью человека. К примеру, государственные органы могут устанавливать требования к содержанию вредных веществ в различных категориях товаров и услуг, таких как строительные материалы, химические продукты, бытовая техника и т. д. Кроме того, поставщики должны иметь сертификаты или декларации соответствия, подтверждающие экологическую безопасность товаров и услуг.

¹ ГОСТ Р ИСО 26000–2012. Руководство по социальной ответственности = Guidance on social responsibility: введен 2013-03-15. – URL : <https://docs.cntd.ru/document/1200097847?ysclid=m7u3b35f9u28990202> (дата обращения: 12.03.2025).

²ISO 20400 : 2017. Sustainable procurement – Guidance. – URL : <https://www.iso.org/standard/63026.html> (дата обращения: 12.03.2025).

Устойчивость окружающей среде предполагает, что товары и услуги должны быть произведены с использованием устойчивых материалов и технологий. Например, государственные органы могут устанавливать требования к использованию возобновляемых источников энергии, утилизации отходов и снижению выбросов вредных веществ» [13, с. 78].

Полагаем, что понятия «экологичные» закупки, «устойчивые» закупки или «зеленые» закупки в законодательстве – это закупки, направленные на сохранение окружающей среды, при которых учитываются экологические критерии на всех этапах жизненного цикла товаров и услуг. Они включают в себя не только энергоэффективность и экологическую безопасность товаров и услуг, но и переработку и утилизацию, использование возобновляемых ресурсов, снижение выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов и т. д. Таким образом, данные понятия могут быть использованы как синонимы.

«Зеленые» закупки, как один из самых эффективных инструментов решения экологических проблем, практикуют во многих странах мира, в том числе и в Российской Федерации, где сфера государственных и муниципальных закупок (*далее* – госзакупки, закупки) регламентируется Федеральным законом № 44-ФЗ от 05 апреля 2013 г. (*далее* – Закон № 44-ФЗ)³ и Федеральным законом № 223-ФЗ от 18 июля 2011 г. (*далее* – Закон № 223-ФЗ)⁴. Закон № 44-ФЗ является дополненной версией предыдущего Закона № 94-ФЗ и является аккумуляцией всех достижений отечественного законодательства и международного передового опыта в сфере регулирования закупочной деятельности для государственных и муниципальных нужд.

Нормативно-правовое регулирование системы закупок в России происходит в рамках строгой иерархии, где правительство России осуществляет контроль стратегических и плановых документов, а субъекты имеют право на принятие локальных НПА, не противоречащих вышестоящим законам. В настоящее время законодательные органы стремятся к упрощению и ускорению процессов закупок, используя весь тот большой юридический опыт, накопленный при реализации системы закупок с 2014 г. При этом вплоть до 2022 г. власти не вводили для нее «зеленых» критериев. Для реализации национальных целей развития России в сфере устойчивого развития, в 2021 г. был принят ряд документов, регулирующих отдельные вопросы «зеленого» законодательства⁵.

³ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 года № 44-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

⁴ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от № 223-ФЗ от 18.07.2011 г. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

⁵ Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1912-р; Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 1587 и др. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

В целях реализации положений ч. 5 ст. 33 Закона № 44-ФЗ, с 1 января 2023 г. вступило в силу постановление Правительства РФ от 8 июля 2022 г. № 1224⁶, где «при закупке некоторых товаров, например изделий из бумаги бытового и санитарно-гигиенического назначения, при описании объекта закупки необходимо отражать долю вторичного сырья, использованного при производстве товара. Такой перечень вторичного сырья ограничен и представлен всего в пяти категориях: а) изделия из бумаги бытового и санитарно-гигиенического назначения – туалетная бумага, полотенца бумажные, платки носовые бумажные, скатерти бумажные, салфетки разного назначения; б) твердые поверхностные покрытия и элементы благоустройства – покрытия из переработанных материалов, тротуарная плитка, бордюры, ограждения; в) мягкие покрытия – резиновая плитка, покрытия из резиновой крошки, мягкая кровля или иные гидроизоляционные материалы; г) контейнеры и урны для мусора; д) удобрения органические, почвогрунт и грунт» [15]. В проекте планируется расширить перечень такой продукции, добавив строительные материалы.

Однако, в настоящее время, поскольку требования к размеру доли не предусмотрены, заказчик самостоятельно устанавливает такую долю при описании объекта закупки⁷.

Таким образом, применение требований, касающихся использования вторичного сырья, призывает производителей повышать экологичность продукции.

Международный стандарт ISO 14024:2018⁸ и его российская версия ГОСТ Р ИСО 14024–2022⁹ устанавливают требования к разработке добровольной экологической маркировки I типа (*далее* – экомаркировка). Отличие экомаркировки I типа от всех других заключается в том, что оценка осуществляется по всему жизненному циклу продукта: от добычи сырьевых материалов или использования природных ресурсов до утилизации отходов производства и потребления [4].

В настоящее время экомаркировка получила широкое распространение более чем в 50 странах мира. Экомаркировка указывает на то, что производство, использование и утилизация продукции способствуют снижению загрязнения воздуха, минимизации образования отходов, отказа от токсичных химических веществ и уменьшения негативного воздействия на

⁶ Об особенностях описания отдельных видов товаров, являющихся объектом закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, при закупках которых предъявляются экологические требования: постановление Правительства РФ от 08.07.2022 № 1224 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29 (часть III). – Ст. 548.

⁷ Письмо Минфина России от 07.02.2023 № 24-06-06/9756 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

⁸ ISO 14024 : 2018. Экологические маркировки и заявления. Экологическая маркировка типа I. Принципы и процедуры (ISO 14024:2018.Environmental labels and declarations – Type I environmental labelling – Principles and procedures). – URL : <https://www.document-center.com/standards/show/SS-EN-ISO-14024> (дата обращения: 12.03.2025).

⁹ ГОСТ Р ИСО 14024–2022. Экологические маркировки и заявления. Экологическая маркировка типа I. Принципы и процедуры = Environmental labels and declarations. Type I environmental labelling. Principles and procedures: введен 2013-06-01. – URL : https://megaorm.ru/mega_doc/norm/gost-r_gosudarstvennyj-standart/9/gost_r_iso_14024-2022_natsionalnyy_standart_rossiyskoy.html (дата обращения: 12.03.2025).

окружающую среду. Законодательство России связывает требования к маркировке с техническими регламентами, национальными стандартами и техническими условиями. Например, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 33 Закона № 44-ФЗ, в описание объекта закупки могут быть включены различные элементы, в том числе и маркировка.

В настоящее время в России есть только одна экомаркировка I типа, признанная мировым сообществом и входящая во Всемирную ассоциацию экомаркировки (Global Ecolabelling Network – GEN) – это «Листок жизни». Такую маркировку на данный момент имеют порядка 150 позиций, такие как лакокрасочные и строительные материалы, бытовая химия, продукты питания и т.д.

Пока экомаркировка продукции в России остается добровольной, однако уже сейчас государство формирует основу для будущего перехода: от отдельных стимулирующих мер к системному регулированию.

При осуществлении закупок отдельными видами юридических лиц имеются свои особенности. Так, Закон № 223-ФЗ не содержит ограничений, которые препятствовали бы выставлению экологических требований к закупаемой продукции. Таким образом, заказчик имеет право обеспечить высокие стандарты экологического благополучия при закупках для своих нужд. Частные компании и госкорпорации успешно внедряют экологические требования через собственные Положения о закупках, например, согласно п. 1.1 Единого отраслевого стандарта закупок¹⁰, «Росатом» в числе обязательных требований к участникам закупки называет экологические требования. Приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 29.07.2019 № 234¹¹ не содержит требований, которые прямо предписывают заказчикам выставлять экологические требования.

Положение о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД»¹² предусматривает, что заказчик вправе при оценке и сопоставлении заявок участников закупки и критериев этой оценки выдвигать качественные, функциональные и экологические характеристики товаров, работ, услуг [20]. Требования к предмету закупки должны по возможности обеспечивать представление участниками закупки предложений о поставке инновационных товаров и энергосберегающих технологий, и устанавливать соблюдение поставщиком норм экологической безопасности [11, с. 155]. При этом ОАО «РЖД» не имеет собственного экологического стандарта,

¹⁰ См. п. 1.1 Единый отраслевой Стандарт закупок (Положение о закупке) Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: утв. решением наблюдательного совета Госкорпорации «Росатом» от 07.02.2012 г. № 37; ред. от 25.12.2024 г. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

¹¹ Об утверждении Положения о порядке планирования закупочной деятельности и формирования отчетности о результатах закупочной деятельности Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» и организаций, присоединившихся к Положению о закупке: приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 29.07.2019 г. № 234; ред. от 25.12.2020 г. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

¹² См. пп. 2 п. 209 и пп. 3 п. 215 ч. 21: Положение о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД»: утв. решением совета директоров ОАО «РЖД» от 28.06.2018 г., протокол № 26; ред. от 27.06.2025 г. // КонсультантПлюс: справочно-правовая система (дата обращения: 12.03.2025).

поэтому речь идет о соблюдении общих норм экологического законодательства.

В целом ситуация в правовом регулировании «зеленых» закупок представляется противоречивой. С одной стороны, заказчики оставляют за собой право осуществлять «зеленые» закупки, хотя и понимают их как соблюдение общих экологических требований. С другой стороны, не инициируют формирование внутренних экологических стандартов производственной деятельности. Неоднозначность подходов в области экологического законодательства является одним из вызовов развитию «зеленых» закупок [12].

Таким образом, законами № 44-ФЗ и № 223-ФЗ предусмотрен механизм, позволяющий с учетом специфики и особенностей закупаемых товаров, работ, услуг устанавливать экологические требования. Проблема заключается в отсутствии современной, развитой и надежной правовой основы, включающей в себя необходимые экологические ГОСТы, технические регламенты и другие нормативно-правовые акты. Обеспечение высоких стандартов экологического благополучия и развитие «зеленой» экономики в значительной степени зависят от состояния смежных областей правового регулирования в сфере экологической безопасности и технического регулирования. Отсутствие необходимых экологических критериев и других инструментов сугубо экологического характера препятствует развитию «зеленых» закупок и не позволяет реализовать индивидуальные инициативы отдельных заказчиков [4].

Поддерживаем позицию авторов [13, с. 78], которые считают, «что необходимо отдавать предпочтение экологически чистым продуктам и услугам при проведении госзакупок; учитывать наличие “зеленой” логистики у участников; проводить мониторинг рейтинга “зеленых” поставщиков; внедрять в операционную деятельность положения концепции устойчивого развития; владеть необходимыми компетенциями в области “зеленой” экономики, которые подтверждены внутренними НПА и реализовывать мероприятия по сохранению природного капитала (в стоимостном выражении и как процент от валового объема продукции)».

Для понимания сущности «зеленых» закупок интересен зарубежный опыт, где уже более двадцати лет ряд стран успешно применяет опыт зеленых государственных закупок, где приняты специальные законы, регулирующие этот процесс¹³. Среди стран с передовым опытом в этой области можно выделить Соединенные Штаты Америки, Федеративную Республику Германия, Китайскую Народную Республику, Социалистическую Республику Вьетнам, а также Республику Корея.

Безусловно, в разных странах мира существуют свои особенности в законодательном регулировании закупок [2]. В то же время большинство государств направили свои усилия на решение таких задач, как сохране-

¹³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о закупках товаров (работ) и услуг: принят в г. Нью-Йорке 31 мая – 17 июня 1994 г. на 27-й сессии ЮНСИТРАЛ // Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1994 год. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1996. Т. XXV. С. 417–440; Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках: принят в г. Вене 01 июля 2011 г. на 44-й сессии ЮНСИТРАЛ. – URL : <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/2011-model-law-on-public-procurement-r.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

ние окружающей среды; стимулирование рынка; повышение уровня и качества жизни населения; снижение затрат на покупку и эксплуатацию товаров и услуг; снижение цен на экологически безопасные товары; выполнение обязательств в области устойчивого развития и охраны окружающей среды и т. д.

В странах Европейского Союза наиболее востребованными являются государственные контракты на закупку «энергоэффективных компьютеров, офисной мебели из зеленого дерева, энергосберегающих зданий, переработанной бумаги, услуг по уборке с использованием экологически чистых продуктов, электрических, гибридных или с низким уровнем выбросов транспортных средств, возобновляемых источников энергии, электричества и т. д.» [5].

К примеру, в ноябре 2024 года Европейский совет обновил Положение о строительной продукции (Construction Products Regulation – CPR)¹⁴, согласно которому компании должны раскрывать информацию о вкладе строительных материалов в изменение климата на протяжении всего их жизненного цикла, а к 2030 году обязательным станет раскрытие всех экологических показателей на протяжении полного жизненного цикла продукции.

Интересен, на наш взгляд, опыт стран Азии, поскольку законодательство России, КНР, Кореи и Вьетнама в сфере закупок, несмотря на различия, имеют много общего.

Более 20 лет назад в правовой системе КНР был принят целый ряд нормативных актов, регулирующих сферу публичных закупок¹⁵, при этом «Закон о тендерах» применим исключительно при реализации строительных проектов государственно-частного партнерства, а «Закон о правительственных закупках» – ко всем иным проектам [9].

В законодательстве КНР есть положение, в соответствии с которым госконтракты заключаются с учетом достижения целей социального развития. Заказчики должны включать требования к деятельности поставщиков, которая не наносит вред окружающей среде, при этом сосредотачиваясь на экономии ресурсов (энергоэффективность, экономия воды и пр.) [11, с. 155].

В настоящее время КНР активно развивает национальную «зеленую» экономику, направленную на снижение углеродоемкости и увеличение доли электроэнергии, производимой из возобновляемых источников, а развитие наземных ветряных и солнечных фотоэлектрических установок только ускоряется. Согласно прогнозам, на Китай придется почти 60 %

¹⁴ Положение о строительной продукции (Construction Products Regulation, CPR): парламент Европейского парламента и Совета (ЕС) № 305/2011 от 9.03.2011 г. – URL : [https://rbiconcept.ru/sertifikaciya-stroitelnykh-materialov-dlya-es/#reglament-es-3052011-\(cpr-construction-products-regulation\)](https://rbiconcept.ru/sertifikaciya-stroitelnykh-materialov-dlya-es/#reglament-es-3052011-(cpr-construction-products-regulation)) (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁵ О правительственных закупках (The Government Procurement Law of the People's Republic of China): закон КНР, принятый 29.06.2002 г. собранием постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. – URL : <https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res//uncac/LegalLibrary/China/laws/China%20Government%20Procurement%20Law%202002.pdf> (дата обращения: 01.09.2025); О тендерах (Bidding Law): закон КНР от 30.08.1999 г.: вступил в силу 1 января 2000 г. – URL : <https://asia-business.ru/law/law2/trade/tender/> (дата обращения: 01.09.2025).

новых мощностей ВИЭ (солнце, ветер и гидроэнергия), которые будут введены в эксплуатацию во всем мире до 2028 года. К 2026 году Китай, являясь крупнейшим в мире производителем и потребителем водорода, планирует произвести 50 тысяч автомобилей на водородных топливных элементах, а также увеличить использование чистого водорода в хранении, производстве электроэнергии и промышленности. Это свидетельствует о стремлении Китая к устойчивому развитию, снижению негативного воздействия на окружающую среду и повышению энергоэффективности [3].

Республика Корея на текущий момент в мировом рейтинге занимает 10 место среди крупнейших экономик мира, 4 место среди всех азиатских стран и является мировым лидером в области информационного обеспечения закупок. Корея является наиболее удачным примером централизованной системы государственных закупок. Среди ключевых законодательных актов, регламентирующих данную сферу, можно выделить следующие: О государственном контракте (The Act on Contracts to which the State is a Party Korea (State Contract Act)); О закупках, в которых муниципальный орган является заказчиком: Закон; О государственных закупках: Закон РК от 5 января 1994 г. № 4697; О контрактах, в которых государство является стороной: Закон РК от 5 января 1995 г. № 4868; Закон об электронных закупках (E-Procurement Act).; О контрактах, в которых местное правительство является стороной: Закон РК от 4 августа 2005 г. № 7672; Гражданский кодекс Кореи (The Civil Act of Korea) и ряд других законов.

Экологичные публичные закупки в Корее были впервые введены одновременно с корейской экологической маркировкой продукции с помощью систем Korea Eco-label и Good Recycled Mark. Государственным учреждениям было рекомендовано преимущественно закупать продукты, отмеченные корейским эколейблом, для минимизации административных расходов. За функционирование систем экологической маркировки и развитие общей системы экологичных публичных закупок отвечает Корейский институт экологической промышленности и технологий (Korea Environmental Industry & Technology Institute).

В 2002 году на развитие системы экологичных публичных закупок оказало влияние внедрение специальных электронных инструментов, таких как «Корейская система электронных закупок» (Korea Online E-Procurement System – KONEPS), которая обеспечивает электронный обмен документами в сфере закупок.

Следующим значимым шагом на пути стало принятие в 2005 г. Закона о поощрении покупки экологичной продукции¹⁶, согласно которому в начале каждого года все госучреждения, представляют в Министерство окружающей среды план реализации «экологичных» закупок на предстоящий год и отчеты об эффективности за предыдущий год. После принятия этого закона, общий объем «экологичных» закупок существенно увеличился и продолжает неуклонно расти по сравнению с соседними странами, включая Японию и Китай [16].

¹⁶ Закон о «зеленых» закупках (Act on promotion of purchase of green products). – URL : <https://www.oneplanetnetwork.org/knowledge-centre/resources/act-promotion-purchase-green-products-korea> (дата обращения: 01.09.2025).

Кроме того, для регулирования «экологических» закупок в Корее ежегодно ведется подготовка рекомендаций для публичных заказчиков о процедуре «зеленых» закупок и их мониторинге; рассчитываются экономические, экологические и социальные последствия таких закупок; проводятся тренинги для публичных заказчиков; поощрения публичных заказчиков и государственных органов за эффективную реализацию принципов осуществления «экологических» закупок.

Интересно то, что с 2011 года в Корее работает уникальная система зеленых платежных карт. Покупая экопродукты, пользуясь общественным транспортом и даже просто отказавшись от наличных, корейцы копят баллы, которые впоследствии можно потратить на оплату коммунальных услуг или пожертвовать на благотворительность [7].

В Корее так же как и в Китае отдается предпочтение отечественным товарам, хотя они вправе закупать и импортное сырье. Служба публичных закупок (Public Procurement Service) оказывает поддержку и присваивает знак качества «Государственная превосходная продукция» (Government Excellent Products) тем организациям, которые дают рабочие места социально незащищенным слоям населения. Государственная превосходная продукция – это продукция, обозначенная как лучшая продукция для закупок в целях повышения качества закупаемых продуктов. Оценка такой продукции осуществляется надзорным агентством «Ассоциация государственной превосходной продукции» (Government Excellent Products Association) [18].

В целом, успех «зеленого роста» в Корее обусловлен сочетанием как минимум трех факторов – политической воли руководства страны, принципа «духа первенства» в области уменьшения объема выбросов парниковых газов и защиты окружающей среды, эффективного взаимодействия всех соответствующих министерств [7, с. 15]. К 2050 году Республика Корея должна войти в пятерку стран с наиболее развитой «зеленой» экономикой.

Социалистическая Республика Вьетнам позиционирует себя как мощный центр поставок экологически чистых продуктов, благодаря своим богатым природным ресурсам. Важно отметить, что в последнее время правительство Вьетнама уделяет особое внимание охране окружающей среды в любом виде социально-экономической деятельности, несмотря на то что Вьетнам сталкивается с серьезными проблемами, связанными с загрязнением окружающей среды и изменением климата. Правительство Вьетнама в числе прочих акцентирует внимание на повышение значимости вопросов экологической устойчивости и охраны окружающей среды. Население Вьетнама готово платить больше за продукцию брендов, которые оказывают положительное влияние на общество и окружающую среду.

В 2016 году премьер-министр утвердил Национальную программу действий по устойчивому производству и потреблению. К примеру, «Национальная стратегия зеленого роста на 2021 – 2030 годы»¹⁷ и Согла-

¹⁷ Национальная стратегия зеленого роста на 2021 – 2030 годы: решение № 1658/QĐ-TTg, опубликованное 19/10/2021. – URL: <https://vietnamcirculareconomy.vn/policy-library/decision-no-1658-qd-ttg-dated-october-01-2021-on-approval-for-national-green-growth-strategy-for-2021-2030-period-with-a-vision-by-2050/?lang=en> (дата обращения: 01.09.2025).

шение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом (EVFTA)¹⁸ оказывают большое влияние на государственные закупки. Компании ЕС теперь могут участвовать в торгах на тех же условиях, что и вьетнамские компании, что дает им явное преимущество перед другими компаниями. Благодаря разработке веб-портала, который функционирует на английском языке, вся информация о торгах находится в онлайн-режиме, и не менее 70 % закупок обрабатываются в цифровом формате.

В перспективе, доля «зеленых» государственных закупок должна достигнуть к 2030 г. – 35 %, а к 2050 г. – 50 % от общего объема государственных закупок.

Согласно ст. 146 Закона об охране окружающей среды Вьетнама¹⁹, в приоритете экологически чистые продукты, имеющие сертификат экологической маркировки. По данному закону экологически чистые закупки должны соответствовать определенным критериям. К примеру, в первую очередь продукция должна быть безопасной для здоровья человека, создаваться и утилизироваться так, чтобы не навредить окружающей среде, при этом учитывать экологическую безопасность.

Однако существуют и определенные трудности. В данный момент правительство Вьетнама находится в процессе разработки подзаконных актов, таких как указы и циркуляры, с целью реализации положений основного закона на практике. Также на местном уровне необходимо создание специализированного агентства, которое занималось бы организацией и осуществлением экологически чистых закупок.

Кроме того, экологически чистые товары и услуги часто имеют более высокую начальную закупочную цену, чем обычные товары (хотя жизненный цикл продукта может быть короче, чем у обычного продукта), что означает, что правительству приходится тратить больше денег на то же количество товаров, чтобы выполнить тот же объем работы в краткосрочной перспективе.

На данном этапе правительство Вьетнама ставит определенные задачи, такие как продвижение экомаркировки и информирование общественности об экологически чистых продуктах, а также приоритет закупкам и использованию экологически маркированных товаров и товаров, подлежащих переработке. Определенные министерства отвечают за проверку и выдачу сертификатов права собственности на маркировку экологически чистой продукции организациям, частным лицам и предприятиям, которые подают заявки на сертификацию. Экологически чистая продукция, переработанные и утилизированные отходы, должны быть сертифицированы знаком Vietnam Green Label.

Заключение

Таким образом, проводить параллели между отечественной и международной практикой «зеленых» закупок пока рано, необходимо обеспечить более тесное сотрудничество с зарубежными странами в целях обме-

¹⁸ Соглашение о свободной торговле между ЕС и Вьетнамом (EVFTA): вступило в силу 1 августа 2020 года. – URL : <https://vietnamlaw.vn/> (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁹ Закон об охране окружающей среды (Law on Environmental Protection) № 72/2020/QN14 от 17/11/2020 г. – URL : <https://vietnamlaw.vn/> (дата обращения: 01.09.2025).

на опытом, что будет способствовать, на наш взгляд, распространению лучших практик и повышению эффективности осуществления таких закупок. Большинство стран, в том числе и Россия, осознавая важность «зеленых» закупок для своего имиджа и конкурентоспособности, все чаще принимает законы и нормативные акты, направленные на их стимулирование. Это, прежде всего, требования, предъявляемые к экологической сертификации товаров, работ, услуг, экомаркировке [14, с. 81], а также механизмы поддержки экологически ответственных поставщиков.

В рамках развития «зеленой» экономики как в России, так и в странах Азии, «зеленые» закупки рассматриваются как один из инструментов достижения цели устойчивого развития, включая снижение выбросов парниковых газов, сохранение природных ресурсов и повышение энергоэффективности. Такие закупки могут способствовать развитию инновационных технологий и продуктов, которые имеют меньшее воздействие на окружающую среду, соответственно, необходимо разрабатывать механизмы поддержки и финансирования таких проектов, а также решить ряд проблем, связанных с законодательным регулированием, информированием потребителей и развитием соответствующей инфраструктуры.

Развитые страны уже сейчас понимают, что применение «зеленых» закупок имеет положительный эффект на развитие «зеленой» экономики, развитие экологических индустрий и стимулирование инноваций в области экологических технологий. Кроме того, такие закупки влияют на повышение сознания и экологической ответственности как у государственных органов, бизнеса, так и общественности.

Список литературы

1. Белокрылов, К. А. Институциональная трансформация контрактной системы: региональный кейс / К. А. Белокрылов, О. С. Белокрылова // Журнал институциональных исследований. – 2024. – Т. 16, № 1. – С. 101–116. doi: 10.17835/2076-6297.2024.16.1.101-116
2. Беляева, О. А. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок : научно-практическое пособие / О. А. Беляева, Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин ; отв. ред. И. И. Кучеров. – Москва : ИЗиСП, 2019. – 160 с.
3. Василенко, Е. П. Китай на пути к углеродной нейтральности: аналитическая записка / Е. П. Василенко, М. О. Сидоровский, С. В. Шишигин. – Москва, 2024. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166501/analytic_note_20241018dfs.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
4. Государственные «зеленые» закупки: опыт правового регулирования и предложения по внедрению в России / О. В. Анчишкина, Ю. А. Грачева, Р. А. Исмаилов [и др.]. – Москва : Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2020. – 64 с.
5. Егорова, М. А. Зарубежный опыт реализации правовых инструментов государственных «зеленых» закупок / М. А. Егорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 314–328. doi:10.22363/2313-2337-2022-26-2-314-328
6. Зоимонова, Э. М. Вопросы формирования показателей «зеленого» экономического развития / Э. М. Зоимонова, Е. Б. Дондокова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 1(24). – С. 30–36. doi: 10.18323/2221-5689-2016-1-30-36

7. Игнатова, И. На пути к «зеленому росту»: опыт Китая, Южной Кореи и Японии / И. Игнатова // Мировое и национальное хозяйство : материалы научной студенческой конференции. – 2019. – № 1(47). – С. 16. – URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/towards-green-growth.pdf> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Казанцев, Д. А. Зеленые закупки инвестиции в экологическое благополучие / Д. А. Казанцев // Журнал Бюджет. – 2020. – № 6(210). – С. 76–79.
9. Казанцев, Д. А. Регулирование государственных закупок в XXI веке: опыт Китая / Д. А. Казанцев // Журнал Бюджет. – 2020. № 9(213). – С. 92–95.
10. Кикавец В. В. Зеленые публичные закупки в России и зарубежных странах / В. В. Кикавец, Ю. К. Цареградская // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 49. – С. 131–143. – doi: 10.17223/22253513/49/11
11. Концепция внедрения экологических критериев в контрактную систему закупок / К. А. Белокрылов, А. Н. Вакуленко, А. О. Кишковская, А. Н. Ситухо // Journal of Economic Regulation. – 2021. – № 4. – С. 150–158. doi:10.17835/2078-5429.2021.12.4.150-158
12. Миннигулова, Д. Б. Перспективы правового регулирования зеленых (устойчивых) государственных закупок в Российской Федерации (на примере подрядных работ для нужд системы МВД России) / Д. Б. Миннигулова, Р. Р. Абдуллаев // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(103). – С. 74–84.
13. Погудаева, М. Ю. Модель зеленых государственных закупок России / М. Ю. Погудаева, И. П. Гладилина, С. А. Сергеева // Дискуссия. – 2023. – № 2. – С. 76–84. doi:10.46320/2077-7639-2023-2-117-76-84
14. Ридигер, А. В. Государственные «зеленые» закупки как инструмент реализации стратегического развития российской Арктики / А. В. Ридигер, И. А. Квасов // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2023. – № 2(14). – С. 74–83. URL: <https://arctic2035.ru/n14-p74> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Рудых, С. Н. Зарубежный опыт организации и осуществления государственных закупок / С. Н. Рудых // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XIII Межд. науч.-практ. конф. В 2 томах. Том 1.– Иркутск, 2024. – С. 106.
16. Сергачева, О. А. Система экологических публичных закупок (Green Public Procurement) в Южной Кореи / О. А. Сергачева // Закупки и право. – 2024. – № 1. – С. 80–83. doi: 10.55959/MSU3034-2481-2024-1-9
17. Хангульева, О. Концепция зеленой экономики / О. Хангульева // Символ науки: международный научный журнал. – 2023. – Т. 1, № 11-1. – С. 116–119.
18. Чой Сеохи, Ли Ми Дженг. Программа «Государственная превосходная продукция» (Government Excellent Products Program) в Южной Кореи // Закупки и право. – 2024. – № 1. – С. 41–46. doi: 10.55959/MSU3034-2481-2024-1-3
19. Ontological Approach to the Document Synthesis Based on Data Mining / V. V. Borisov, A. E. Misnik, A. M. Sharaburka, K. V. Zakharchenkov // 7th International Conference on Information Technologies in Engineering Education (Inforino). – Moscow, 2024. – P. 1–5. doi: 10.1109/Inforino60363.2024.10551891
20. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm> (дата обращения: 25.04.2025).

References

1. Belokrylov K.A., Belokrylova O.S. [Institutional transformation of the contract system: a regional case], *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2024, vol. 16, no. 1, pp. 101-116. doi: 10.17835/2076-6297.2024.16.1.101-116 (In Russ., abstract in Eng.).

2. Belyaeva O.A., Truntsevskiy Yu.V., Tsirin A.M. *Pravovye mekhanizmy protivodeistviya korruptsii v sfere korporativnykh zakupok: nauchno-prakticheskoe posobie* [Legal mechanisms for combating corruption in corporate procurement: a scientific and practical manual], Moscow: IZiSP, 2019, 160 p. (In Russ.).
3. Vasilenko E.P., Sidorovsky M.O., Shishigin S.V. *Kitai na puti k uglerodnoi neutral'nosti: analiticheskaya zapiska* [China on the way to carbon neutrality: analytical note], Moscow, 2024, available at: https://cbr.ru/Content/Document/File/166501/analytic_note_20241018_dfs.pdf (accessed 25 April 2025). (In Russ.).
4. Anchishkina O.V., Gracheva Yu.A., Ismailov R.A. [et al.]. *Gosudarstvennyye "zelenye" zakupki: opyt pravovogo regulirovaniya i predlozheniya po vnedreniyu v Rossii* [Public "green" procurement: experience of legal regulation and proposals for implementation in Russia], Moskva: Vsemirnyi fond dikoiprirody (WWF), 2020, 64 p. (In Russ.).
5. Egorova M.A. [Foreign experience in implementing legal instruments of public "green" procurement], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2022, vol. 26, no. 2, pp. 314-328. doi: 10.22363/2313-2337-2022-26-2-314-328 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Zomanova E.M., Dondokova E.B. [Issues of forming indicators of "green" economic development], *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vector of Science of Togliatti State University. Series: Economics and Management], 2016, no. 1(24), pp. 30-36. doi:10.18323/2221-5689-2016-1-30-36 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Ignatova I. [Towards "green growth": the experience of China, South Korea and Japan], *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo* [World and national economy], 2019, no. 1(47), pp. 15 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Kazantsev D.A. [Green procurement: investments in environmental well-being], *Zhurnal Byudzhet* [Budget Magazine], 2020, no. 6(210), pp. 76-79. (In Russ., abstract in Eng.).
9. Kazantsev D.A. [Regulation of public procurement in the 21st century: the experience of China], *Zhurnal Byudzhet* [Budget Magazine], 2020, no. 9(213), pp. 92-95. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Kikavets V.V., Tsaregradskaya Yu.K. [Green public procurement in Russia and foreign countries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universtiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Law], 2023, no. 49, pp. 131-143. (In Russ., abstract in Eng.).
11. Belokrylov K.A., Vakulenko A.N., Kishkovskaya A.O., Situkho A.N. [The concept of introducing environmentally friendly criteria into the contract procurement system], *JER* [JER], 2021, no. 4, pp. 150-158. doi: 10.17835/2078-5429.2021.12.4.150-158 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Minnigulova D.B., Abdullaev R.R. [Prospects for legal regulation of green (sustainable) public procurement in the Russian Federation (on the example of contract work for the needs of the Russian Ministry of Internal Affairs)], *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Ufa Law Institute], 2024, no. 1(103), pp. 74-84. (In Russ., abstract in Eng.).
13. Pogudaeva M.Yu., Gladilina I.P., Sergeeva S.A. [Model of green public procurement in Russia], *Diskussiya* [Discussion], 2023, no. 2, pp. 76-84. doi: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-76-84 (In Russ., abstract in Eng.).
14. Ridiger A.V., Kvasov I.A. [Public "green" procurement as a tool for implementing the strategic development of the Russian Arctic], *ARKTIKA 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya* [ARCTIC 2035: topical issues, problems, solutions], 2023, no. 2(14), pp. 74-83. (In Russ., abstract in Eng.).
15. Rudykh S.N. *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran: materialy XIII Mezhd. nauch.-prakt. konf. V 2 t. T. 1* [Problems of modern

legislation of Russia and foreign countries: proc. of the XIII Int. scientific-practical. conf. In 2 vol. Vol. 1], Irkutsk, 2024, pp. 106. (In Russ.).

16. Sergacheva O.A. [Green Public Procurement System in South Korea], *Zakupki i pravo* [Procurement and Law], 2024, no. 1, pp. 80-83. doi: 10.55959/MSU3034-2481-2024-1-9 (In Russ., abstract in Eng.).

17. Hangulyev O. [The concept of green economy], *Simvol nauki* [Symbol of science], 2023, vol. 1, no. 11-1, pp. 116-119. (In Russ., abstract in Eng.).

18. Choi Seokhi, Lee MiJeong. [Government Excellent Products Program in South Korea], *Zakupki i pravo* [Procurement and Law], 2024, no. 1, pp. 41-46. doi: 10.55959/MSU3034-2481-2024-1-3 (In Russ., abstract in Eng.).

19. Borisov V.V., Misnik A.E., Sharaburka A.M., Zakharchenkov K.V. Ontological Approach to the Document Synthesis Based on Data Mining: *7th International Conference on Information Technologies in Engineering Education* (Inforino), Moscow, 2024, pp. 1-5. doi: 10.1109/Inforino60363.2024.10551891

20. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future, available at: <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm> (accessed 25 April 2025).

“Green” Procurement as a Tool for Sustainable Development: Analysis of Effectiveness in Russia and Asian Countries

S. N. Rudykh, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia;
rudsvet@mail.ru*

S. N. Oynats, *employee of the Department of Scientific Information,
Publishing and bibliographic support, Irkutsk Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia;
chipsa@mail.ru*

This article explores the relevance and importance of “green” procurement of goods, works, and services to meet public needs, as well as their potential for achieving sustainable development at both the national and international levels. The article explores the diversity of concepts such as “sustainable”, “ecological” and “green” procurement, noting their universality. It examines the specifics of legislative regulation of such procurement globally, focusing on the experience of Asian countries. The article emphasizes the important role of “green” procurement, which positively impacts environmental standards, the development of green industries, and the stimulation of innovation in environmental technologies, business, and the public.

Keywords: state and municipal procurement; “green” economy; “green” procurement; “ecological” procurement; recyclable materials; eco-labeling.

© С. Н. Рудых, 2025

© С. Н. Ойнац, 2025

Статья поступила в редакцию 26.09.2025

При цитировании использовать:

Рудых С. Н., Ойнац С. Н. «Зеленые» закупки как инструмент устойчивого развития: анализ эффективности в России и странах Азии // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 547 – 561. doi: 10.17277/pravo.2025.04. pp.547-561

ДЛЯ ЗАМЕТОК